

Editor: Dr. F. A. ...

...
...
...

...
...
...

УДК 811.512.1

ББК 81

Ш64

Рецензенты

доктор филологических наук *Н.А. Лукьянова*

доктор филологических наук *И.Я. Селютина*

Утверждено к печати Ученым советом

Института филологии СО РАН

Работа выполнена при поддержке программы РАН

«Этнокультурное взаимодействие в Евразии.

Формирование лингвистического ландшафта

Северной Евразии:

История развития и взаимодействия языков»

Широбокова Н.Н.

Ш64 Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири / Н.Н. Широбокова. — Новосибирск: Наука, 2005. — 269 с.

ISBN 5—02—031847—7.

В работе анализируются реконструированные элементы фонологической и грамматической систем древнеякутского языка как основы для сравнения с современным якутским и другими тюркскими языками Южной Сибири, а также некоторые фрагменты якутской лексики, сопоставимые с лексикой южно-сибирских тюркских языков. Рассматривается наличие общей субстантной базы в некоторых именных и глагольных подсистемах, сходство и различие в системной организации функциональных полей времени в сибирских тюркских языках, а также направленность развертывания фонетической системы в якутском языке в сопоставлении с другими тюркскими языками.

Книга представляет интерес для тюркологов и специалистов по типологии языков и общему языкознанию, а также для историков, занимающихся проблемами формирования сибирских тюркоязычных этносов.

УДК 811.512.1

ББК 81

ТП—02—II—№ 200

© Н.Н. Широбокова, 2005

© Институт филологии СО РАН, 2005

© Оформление. «Наука». Сибирская
издательская фирма РАН, 2005

ISBN 5—02—031847—7

ВВЕДЕНИЕ

В исторических тюркологических исследованиях якутский язык играет особую роль в силу своей исторической судьбы, а именно — ранней изоляции от других тюркских языков на периферии тюркского мира. В отличие от чувашского языка якутский связан своим происхождением с такими центральными для истории всех тюркских языков языковыми типами, как древнетюркский и древнеуйгурский. Это типы, определившие облик древних литературных письменных тюркских языков. Ранняя изоляция якутского «законсервировала» для нас черты и свойства, которые оказались затемненными в литературных письменных языках из-за полиэтничности их носителей и в результате смешанного характера литературных языков уже на ранних этапах их истории. Тем самым он представляет собой язык, в котором древняя тюркская система, близкая по ряду параметров к языку рунических памятников, получила возможность непосредственного развития вне сферы влияния иранских, арабского и китайского языков. Таким образом, описание якутского языка помимо своей абсолютной ценности дает определенную «точку отсчета» для измерения исторической глубины и направленности языковых преобразований в других тюркских языках.

Конечно, якутский язык также претерпел определенное воздействие со стороны других как тюркских, так и нетюркских языков. Однако эти субстратные и адстратные наслоения доказательно выявляются в процессе анализа, что позволяет использовать реконструкт древнеякутского языка для сравнительной ха-

рактики тюркских языков Монголии и Южной Сибири в период раннего средневековья и рассматривать языковые факты, не свойственные якутскому языку, как черты тюркских языков с другой этнической отнесенностью (например, древнекыргызский) или более поздних по времени возникновения.

Предметом исследования в работе выступают, во-первых, направленность развертывания подсистем консонантизма, вокализма и фонотактики в якутском языке и сопоставимость результатов этих процессов с соответствующими системами тюркских языков Южной Сибири; во-вторых, наличие общей субстантивной базы в некоторых именных и глагольных грамматических подсистемах этих языков; в-третьих, сходство и различие в системной организации функциональных полей времени в сибирских тюркских языках.

Глава 1

ИСТОРИЧЕСКИЕ И АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СИБИРИ

Якутский язык в трудах В.В. Радлова

Изучение якутского языка сразу началось как изучение сопоставительное. Грамматику О.Н. Бетлингга называют первой сравнительной грамматикой тюркских языков, но сопоставлять данные якутского языка О.Н. Бетлингк мог преимущественно с языками западных тюрков. Он широко использовал грамматики И.И. Хальфина, И.И. Гиганова и особенно часто и обычно критически грамматику А. Казем-бека.

Сопоставление якутского языкового материала с данными тюркских языков Южной Сибири впервые проводил В.В. Радлов [Radloff, 1908]. Отмечая необычность якутского языка, в котором «каждый владеющий одним из тюркских языков... чувствует себя сперва перенесенным в совершенно чуждый мир», он исходит из тезиса: «...якуты, народ неизвестного происхождения, который сперва был омонголен, а затем отюречен».

Подтверждение этому он находил в лексическом составе якутского языка. Из 1748 проанализированных слов 32,5 % он определил как тюркские, 25,9 % — как монгольские и 41,6 % — как слова неизвестного происхождения [Ibid., S. 2]. Второе положение, последовательно проводимое через всю работу, говорит о том, что большая часть аффиксов и фонетических преобразований якутского языка отражает поздний этап развития подобных форм и процессов в тюркских языках, т.е. якутский язык — молодой тюркский язык. Процесс отюречивания якутского языка был произведен языками типа уйгурского, алтайско-телеутского и абаканского. Это утверждение базировалось

на анализе таких процессов, как, например, отражение древнетюркского $j - дж - \mathfrak{z} - \mathfrak{z} - c$; $ч - ш - c$. Приводя пример из тувинского (*сыстык* и т.д.) и свистящих диалектов хакасского языка, он считал якутский последней ступенью этого развития [Ibid., S. 17–20]:

др.-т.	уйг.	башк.	шор.	абак.	як.
С	с	h	с	с	—
Ш	ш	ш	ш	с	—
Ч	ч	č	ш	с	—
-с-	-з-	—	з	з	h
-ш-	-з-	—	ж	з	h
-ч-	ч	—	ж	з	h

Якутское состояние этого класса звуков, которого не достиг еще никакой другой язык, по мнению В.В. Радлова, соответствует лишь позднему периоду развития тюркского смещения звуков.

Свидетельство нетюркской основы якутского языка он видит в том, как складываются правила употребления якутских заднеязычных и увулярных. Как общие с языками других тюрков Сибири В.В. Радлов рассматривает закономерности распределения глухих и звонких согласных в слове (с одним отличием для якутского *-t-*).

Не находит он черт древности и в грамматических формах. Так, по его мнению, якутские местоименные образования примыкают к новейшим ступеням формирования тюркских языков и к последним ступеням формирования предикативных аффиксов. В форме *-ях* он видит дальнейшее развитие османской формы и т.д.

Кроме общности в фонетических преобразованиях с сибирскими языками он устанавливает общие аффиксы, например якутскому *-ях* (< османского *ад-жак*) соответствует абаканский *-чаh*. В современном хакасском языке этот аффикс определяется как причастие настоящего-будущего времени [Грамматика хакасского языка, 1975, с. 235]. В.И. Рассадин описыва-

ет эту форму *-чжан* в тофском языке как очень продуктивный аффикс отглагольно-именного словообразования [Рассадин, 1978, с. 107], сопоставляя ее с вышеупомянутой хакасской формой и чулымско-тюркской [Дульзон, 1966б, с. 457] *-чан*, где она имеет значение прошедшего времени, с шорским причастием на *-чан*, которое обозначает действие или состояние обычное, необходимое, постоянное, многократное. На основании этой формы в шорском образуется особое прошедшее-будущее время [Дыренкова, 1941, с. 184]. Этот аффикс широко распространен в тюркских языках; даже если связать его с формой будущего обязательного в юго-западных языках, возвести к нему якутскую форму на *-ях* очень трудно фонетически.

В.В. Радлов первым сопоставил материалы якутского языка с языками Южной Сибири и нашел, что в якутском во многом продолжают те процессы, которые он анализировал в алтайском и хакасском языках. Возможность другого подхода к этим явлениям представлена в соответствующих разделах гл. 2 данного исследования.

Этап изучения якутского языка в период после выхода труда В.В. Радлова подробно проанализирован в работе Е.И. Убрятовой «Очерк истории изучения якутского языка» [1945]. Позднее она сама обращается к вопросу об отношении якутского языка к другим тюркским языкам [Убрятова, 1960а, б, 1985а].

Якутский язык в трудах Е.И. Убрятовой

Среди задач, решением которых занималась Е.И. Убрятова, можно выделить несколько непосредственно связанных с историей формирования тюркских языков Сибири. Во-первых, это распространение тюркских языков в иноязычной среде, во-вторых, влияние языка субстрата на систему языка суперстрата и, в-третьих, это источники тюркизации языков Сибири.

В 1932 г. Елизавета Ивановна Убрятова уехала работать на Таймыр. На заполярном стане Часовня Норильско-Пясинского кочевого совета, где она стала

учительницей начальной национальной школы-интерната, произошло ее знакомство с первым тюркским языком — долганским. Но даже то, что этот язык тюркский, в то время не было окончательно установлено. Е.И. Убрятова быстро овладела языком долган, но ей было ясно, что по-настоящему понять этот язык невозможно без научного исследования, и в 1934 г. она поступила в аспирантуру при Ленинградском институте народов Севера. Так как еще оставались сомнения в том, относится ли долганский язык к тунгусским или тюркским, Е.И. Убрятова начала свои занятия у В.И. Цинциус, крупного специалиста по тунгусо-маньчжурским языкам, а продолжила их у выдающегося тюрколога С.Е. Малова. В 1940 г. Е.И. Убрятова за работу «Язык норильских долган» получила степень кандидата филологических наук. Следствием работы над долганским языком явился интерес к якутскому языку, от которого отделился когда-то язык долган.

Необходимость определить корни долганского языка, сопоставление его с якутским вывели Е.И. Убрятову на ряд проблем, связанных с историей формирования не только долганского языка, но и тюркских языков вообще.

Е.И. Убрятова всегда подчеркивала важность для понимания истории тюркских языков процессов тюркизации иноязычных народов и «вторичной тюркизации» — явления, когда какой-то тюркский язык благодаря господствующему положению его носителей побеждает во взаимодействии с родственными тюркскими языками.

Процесс тюркизации у долган Е.И. Убрятова могла наблюдать непосредственно. Б.О. Долгих [1963] выделял здесь девять этнографических групп, среди которых были долганы, эвенки, якуты, затундренные крестьяне, энцы. Ядро долганской народности сложилось задолго до миграции на Таймыр. Отличия якутского языка этой группы от современного якутского столь значительны, что Е.И. Убрятова отнесла начало формирования основы долганского языка к периоду не позднее конца XVI в. [1985, с. 17]. Переход этих

групп на долганский язык продолжался и во время ее пребывания на Таймыре: в Норильско-Пясинском кочевом совете было две-три семьи, в которых представители старшего поколения не владели долганским языком и говорили на своем родном (эвенкийском, русском), их дети были двуязычны, а третье поколение владело уже только языком долган [Убрятова, 1985б, с. 12].

Смена языка — результат происходящего этногенетического процесса. Язык в этом случае служит средством его закрепления. Переход народа на другой язык протекает длительно и сложно. На новый язык могут переходить несколько соседних народов, и тогда складывается либо новый язык со сложной диалектной системой, либо группа родственных языков. Примером таких переходов Е.И. Убрятова [1985а, с. 45] считала языковой ландшафт Узбекистана, Башкирии, Хакасии. Но только распространения тюркского языка в иноязычной среде мало для формирования нового тюркского языка или диалекта: Е.И. Убрятова наблюдала и у долган, и у якутов случаи, когда даже массовый переход на долганский или якутский язык иноязычного населения не повлек за собой формирование нового диалекта.

Она имела возможность наблюдать, как представители других народностей (эвенков, нганасан, энцев), присоединяясь к долганам, усваивали весь уклад их жизни и переходили на долганский язык. Если это были дети или подростки, то у них не оставалось даже акцента. Такую же ситуацию она отметила и у эвенков, перешедших на якутский язык. Переход на якутский язык отдельных представителей иноязычного населения протекает постоянно и новых диалектов не дает. Язык-субстрат влияет на суперстрат либо в условиях длительного массового двуязычия, либо когда на тот или иной язык переходит одновременно целая группа населения и потом эта группа живет изолированно [Убрятова, 1960б, с. 13].

Проявление особенностей языка субстрата может иметь место на разных языковых уровнях. Наиболее «ожидаемый» уровень — лексический. В работе Е.И. Уб-

рятовой большое внимание уделено изменению семантической структуры слов в языках, имеющих тесное взаимодействие (синхронное или диахронное) с языками других семей.

Изменение значения якутского слова у долган могло происходить под влиянием семантики аналогичного слова в эвенкийском языке. Как пример расширения значения якутского слова под влиянием эвенкийского Е.И. Убрятова рассматривает в долганском языке слово *сугун* 'голубица', в этом же значении оно известно в языке норицких долган, в остальных группах долган это слово имеет значение 'ягода (вообще), голубица', *күөк һугун* или *көгүркөй һугун* 'голубая ягода'. В эвенкийском название голубицы *диктэ* служит названием ягоды вообще, а не наоборот, что подтверждают производные слова от *диктэ* 'ягода, голубица' — *диктэвми* 'посинеть', *диктэмэ* 'синий, серосиний'.

Еще более яркий пример перестройки семантики тюркского слова по эвенкийскому типу — слово *эмий* 'женская грудь', у долган оно приобретает еще одно значение 'молоко' (як. *үүн*), так как в эвенкийском слово *укун* имеет значение 'женская грудь, вымя, женское молоко'. Предки современных долган, восприняв тюркское слово *эмий*, придали ему все значения аналогичного эвенкийского слова [Убрятова, 1966, с. 57—58].

Язык-субстрат может проявиться и в изменении тенденции развития какого-либо уровня языка: так, восприняв фонетическую систему якутского языка, долганский «не понял» действие закона гармонии гласных.

Якутские дифтонги в долганском превратились в дифтонгоиды, которые часто переходят в широкие или узкие гласные часто нормальной длительности: *ола* 'сын его' // як. *уола*; *кэлиикнит* 'мы пойдем', но *кэлиэгэ* 'пойдет он' // як. *кэлиэхнит*, *кэлиэгэ*; *онуга* ~ *онуға* 'на то' // як. *онуоха*. В якутском языке гармония гласных идет по первому компоненту дифтонга, поэтому после *уо* возможно *а*, после *уө* — *э*. Переводя дифтонг *уо* в широкий гласный *о*, долганский язык

сохранил в вокальной цепочке якутскую последовательность гласных, но это уже механическая последовательность, что говорит «об омертвлении закона гармонии гласных» [Убрятова, 1966, с. 46].

Блестящий анализ воздействия субстрата на перестройку фонетической системы якутского языка дан Е.И. Убрятовой в статье «Некоторые древние ареальные явления в языках народов Сибири» [1985а, с. 18—22].

Некоторые языковые явления могут обнаруживаться в языках, относящихся к разным языковым семьям и расположенным на обширных контактных территориях. Примером такой общности может служить особенность состава согласных якутского языка, отличающая его от других тюркских языков, — это бедность системы проточных согласных при полном составе смычных, обогащенных к тому же рядом среднеязычных смычных *дь, ть, нь*.

Бедность состава проточных шумных согласных свойственна всем языкам севера Сибири, относящимся к разным группам:

а) тунгусо-маньчжурской:

— эвенкийский: *в, с, й, х, (з), һ*;

— эвенский: *в, с, й, (з), (х)*;

— орокский и ороцкий: *в, с, й, х, (з)*;

— удэгейский: *ф, в, с, (з), й, х, х*;

— маньчжурский: *в, ф, ш, й, к*;

б) палеоазиатской, в частности, чукотско-камчатские языки:

— чукотский: *w, p, й, з*;

— корякский: *w, й, в, з, һ*;

— алюторский: *в, w, с, й, з*;

— ительменский: *w, в, с, з, х, з*;

— юкагирский: *w, с, й, з*.

В большинстве языков народов, живущих в северной части Сибири и примыкающих к ней районах, переднеязычные шумные проточные представлены одним *с*. В чукотском, корякском, керекском языках нет и его. *Г* отмечен только на крайнем востоке ареала в эскимосском и на юго-востоке в ительменском языках, а *ш* — на крайнем западе у хантов и на

крайнем востоке у эскимосов. Межзубный *δ* как вариант *c* встречен лишь в алеутском (табл. 1).

Отмеченные фонетические особенности, распространенные на больших территориях севера и востока Сибири, были в разное время восприняты языками, продвигавшимися на эту территорию. Предки якутов, относительно поздно переместившиеся в Ленско-Алданское междуречье, взяли их от эвенков. Отмеченные ареальные особенности (кроме структурных особенностей Е.И. Убрятова рассматривает отношение *c ~ h*, строение аффрикат) могли принадлежать языкам древних аборигенов Сибири [Убрятова, 1985а, с. 20].

При всем своеобразии долганского языка он является ответвлением якутского. И на многие годы якутский язык стал основным объектом исследований

Таблица 1

Система согласных в языках Северо-Восточной Азии

Согласные	Губные	Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные	Увулярные	Фарингальные
Эвенкийский язык (по [Константинова, 1964])						
Смычные	Шумные	<i>б, п</i>	<i>д, т</i>	<i>д', ч, (м')</i>	<i>ч, к</i>	—
	Сонанты	<i>м</i>	<i>н</i>	<i>н'</i>	<i>h</i>	—
Щелевые	Шумные	<i>w</i>	<i>с</i>	—	—	<i>x (з)</i>
	Сонанты	—	<i>л, л'</i>	<i>й</i>	—	—
Эвенский язык (по [Новикова, 1980])						
Смычные	Шумные	<i>б, п</i>	<i>т, д</i>	<i>д', ч</i>	<i>з, к</i>	(<i>к</i>)
	Сонанты	<i>м</i>	<i>н</i>	<i>н'</i>	<i>h</i>	—
Щелевые	Шумные	<i>w</i>	<i>с</i>	—	—	<i>h</i>
	Сонанты	—	<i>р, л'</i>	(<i>л'</i>)	—	—
Юкагирский язык (по [Крейнович, 1968])						
Смычные	Шумные	<i>б, п</i>	<i>д, т</i>	<i>д', т'</i>	<i>з, к</i>	—
	Сонанты	<i>м</i>	<i>н</i>	<i>н'</i>	<i>h</i>	—
Щелевые	Шумные	<i>w</i>	<i>с</i>	—	—	<i>h</i>
	Сонанты	—	<i>л, р, л'</i>	<i>й</i>	—	—
Кетский язык (по [Крейнович, 1968])						
Смычные	Шумные	<i>б, п</i>	<i>д, т</i>	—	<i>з, к</i>	<i>к</i>
	Сонанты	<i>м</i>	<i>н</i>	—	<i>h</i>	—
Щелевые	Шумные	(<i>в</i>)	<i>с</i>	—	<i>х</i>	<i>з, з</i>
	Сонанты	—	<i>л, р</i>	<i>й</i>	—	(<i>h</i>)

Убрятовой. Среди других проблем она занималась и различными аспектами истории якутского языка: отдельных форм и слов, формирования отдельных подсистем, формирования систем (фонетической, системы глагола), а также историей языка в целом.

Как пример истории отдельного слова, отдельной грамматической категории можно провести анализ формы притяжательного местоимения в долганском языке и соответствующих ей форм в якутском.

В языке долган есть форма притяжательного местоимения, образуемая сочетанием личного местоимения со словом *гиэн* 'принадлежащий, принадлежность', и принимающая при этом притяжательный аффикс:

мин гиэним 'мой, мне принадлежащий';

эн гиэнин 'твой, тебе принадлежащий';

гина гиэнэ 'его, ему принадлежащий' и т.д.

В якутском языке выделяют только форму *кини киэнэ* 'ему принадлежащий' и *кинилэр киэннэрэ* 'им принадлежащий, принадлежащие'. Эти формы в якутском языке рассматриваются как сочетания личных местоимений с частицей *киэнэ*, образующей притяжательные формы имен существительных [Петров, 1978, с. 126].

Е.И. Убрятова определила эту форму в якутском как притяжательное местоимение, оставшееся от полной парадигмы, сохранившейся у долган. Долганское притяжательное местоимение *мин гиэним* похоже на лично-возвратное местоимение древних и современных тюркских языков. В якутском языке есть слово *киэн* '1) украшение, красота, важность; 2) уважение, почет'. С некоторой натяжкой можно усмотреть в слове *киэн* значение 'собственность', наличие которого подтверждается тем, что Н.С. Григорьев [1938] использовал это слово в терминах «притяжательное имя» — *киэн аат* и «притяжательное местоимение» — *киэн солбуйар аат*. Это позволило Е.И. Убрятовой сопоставить долганское *мин гиэним* 'мой собственный' с древнетюркским *kentü* '1) сам; 2) свой, собственный' [Древнетюркский словарь, 1969, с. 298], турецким *kendi* 'сам'. Но ей долго не удавалось объяснить

компонент *-tū- ~ -di* в древних лично-возвратных местоимениях. Особенно трудно было объяснить форму *kensi* 'сам' в Codex Cumanicus [Grönbech, 1942, S. 138]. Е.И. Убрятова высказала предположение, что *tū, dū, si* не были аффиксами, а относились к основе слова. Соответствие *i ~ s* известно в тюркских языках, так же как и выпадение одного из компонентов в сочетании сонорный + шумный (ср., например, кирг. *олтур*, як. *олор*, туркм. *отур* 'сидеть'). Это предположение нашло подтверждение в карачаево-балкарском языке, где выделено лично-возвратное местоимение *kes-u* 'сам', восходящее к команскому *kens-i* 'сам', т.е. сохранилась основа *kes-u* из команского *kens-i* с выпавшим *n* [Хабичев, 1961, с. 62—65]. В памятнике «Изысканный дар тюркскому языку» [Фазылов, Зияева, 1978, с. 45, 321—322] приведены и сами основы: *känd* 'сам', *kändi* '1) сам; 2) он, она'; *käne* 'сам', *kändi* '1) сам; 2) он, она'. До XVI в. (время, которым Е.И. Убрятова датирует отделение тюркоязычных предков долган от остального массива якутского языка) якутский язык имел эту форму притяжательного местоимения, которое сохранилось в долганском языке.

Происхождение якутского языка — одно из наиболее разработанных направлений в исторических исследованиях Е.И. Убрятовой, к этой теме она возвращалась в течение всей своей жизни. Она показала, как в результате взаимодействия древнего тюркского языка, близкого к языку орхонских текстов, с другими древними тюркскими языками через длительное двуязычие с каким-то монгольским языком и в результате распространения этого языка в тунгусоязычной среде складывается современный якутский язык со всеми его особенностями. В отличие от большинства якутоведов, которые, опираясь на древнекитайские источники, где предки якутов курыканы назывались членами союза телесских племен, считают древнеякутский язык близким древнеуйгурскому, Е.И. Убрятова доказывала близость якутского языка к языку орхонских памятников. В области фонетики это: а) наличие среднеязычного *нь*; б) соответствия *й ~ й̆ ~ нь* в определенном круге слов; в) глухие согласные в

аффиксах после конечной гласной основы. В области морфологии: а) большая дифференцированность частей речи по сравнению с современными тюркскими языками; б) структура парных слов с полным параллелизмом формы компонентов, в том числе и глаголов; в) система приемов усиления лексического значения основ посредством ее повторения в производной форме — в якутском языке имеются все типы усилительных оборотов, имеющих в орхонских памятниках; г) наличие падежного аффикса винительного падежа *-ын* в лично-притяжательном склонении; д) смещение тюркской падежной системы: исчезновение родительного падежа, переосмысление местного падежа в частный. Это можно оценить как развитие тенденций, имевших место в языках орхонских памятников (случаи употребления дательного падежа вместо местного, местного вместо исходного, непосредительное употребление родительного падежа).

Наиболее ярко связь между орхонским и якутским языком прослеживается в системе глагольных форм:

1) причастие *-ар ~ -ыыр* в якутском языке входит в парадигму настоящего времени, образуя формы 3-го л. мн. ч.;

2) сохраняется аффикс *-тах* (< др.-т. *duq*), показатель особого наклонения, выражающего действие, совершение которого является естественным следствием предыдущего. В грамматике якутского языка оно названо предположительным наклонением;

3) якутский активно использует форму на *-быт* (< др.-т. *māṣ*);

4) сохраняет форму условного наклонения на *-тар* (др.-т. *-sar*) и т.д.

В области синтаксиса это однотипное оформление однородных членов предложения, наличие конструкции причастного изафета, оформление подлежащего в подчиненном предложении с помощью аффиксов принадлежности и т.д. [Убрятова, 1960в, с. 2—5].

Место монгольских и тунгусо-маньчжурских элементов в якутском языке определено «линией развития, которую якутский язык унаследовал от тюркского языка предка». Монгольское влияние прослежи-

вается не только в большом количестве лексических заимствований. По подсчетам В.И. Рассадина [1980, с. 91—93], в якутском языке выявлено около 2500 слов монгольского происхождения (для сравнения: в тувинском — 2200, алтайском — 830, тофаларском — 500, хакасском — свыше 400, шорском — 200, в языках сибирских татар — 80, в языке тюрков Чулыма — 40).

Взаимодействие с монгольским языком привело к ряду важных преобразований в области фонетики: 1) восстановлению в системе согласных *д* и *ч*; 2) переходу смычных увулярных в проточные; 3) переходу ауслаутного *-с* (< *-s₁* *-z₁* *-š*) в ряде аффиксов в *-т*; 4) влиянию на становление системы вторичных долгих гласных и дифтонгов.

Из монгольского языка в якутский проникла система образных звукоподражательных слов со своей системой видов. В монгольских заимствованиях значительную часть составляют глаголы, что говорит о длительном якутско-монгольском двуязычии, так как тюрки глагол не заимствуют.

Под влиянием тунгусо-маньчжурских языков произошло:

1) обогащение системы смычных, которая приняла симметричную форму;

2) исчезновение тюркских проточных *з*, *ж*, *ш* и переход их в *с*;

3) переход *с* в *h* в интервокальном положении [Убрятова, 1960б, с. 77].

Во взаимоотношениях якутского с этими языками Е.И. Убрятова выделила три этапа:

1. Период формирования якутского языка со всеми особенностями его грамматического строя. Это время длительного совместного проживания какого-то древнего народа, говорившего на языке, близком языку орхонских памятников, с какими-то монголо-тунгусоязычными группами.

2. Переход монгольских и тунгусских групп на тюркский язык. В конце этого периода складываются два основных диалекта якутского языка — *окающий*

и *акающий*, что связано с установлением гармонии гласных нового типа (в языке орхонских памятников в позиции непервого слога гораздо чаще, чем в современных тюркских языках, встречались узкие огубленные гласные).

3. Время распространения якутского языка за пределы Ленско-Алданского междуречья, формирование новых групп на Вилюе, Олёкме, Колыме.

Доказывая близость тюркского языка, на основе которого формировался якутский, к языку орхонских памятников, Е.И. Убрятова выделила также ряд форм, которые говорят о длительных контактах древнего якутского языка с языком других древних тюркских народов — с древнеуйгурским и древнекыргызским.

В большинстве классификаций тюркских языков в качестве их языковой основы используются данные фонетики. Е.И. Убрятова считала, что фонетические особенности не всегда служат надежным свидетельством генетической связи языков, более устойчивыми являются морфологические признаки, а среди них система глагольных форм.

Особенности древнетюркско-орхонского языка хорошо известны из сохранившихся памятников. В якутском базовые элементы языка имеют не единичный, а системный характер, но ряд форм может быть объяснен только из других древнетюркских языков. В отличие от древнетюркского язык древних уйгуров, создавших Уйгурский каганат, и древних кыргызов не отражен в письменных текстах, так как они писали на ранних этапах своей истории на древнетюркском языке, который выполнял роль степного койне. Уйгурский язык известен по более поздним памятникам, созданным уже на другой территории — в Восточном Туркестане, но сибирские языки, особенно тофский и тувинский, обладают рядом особенностей, напоминающих письменный древнеуйгурский язык. Е.И. Убрятова [1985а, с. 26] высказала предположение, что язык древних уйгуров Уйгурского каганата был похож на уйгурский язык письменных текстов, так как следы такого языка присутствуют в тюркских

языках Южной Сибири «в немногочисленных, но очень специфичных явлениях, которые можно отнести к грамматическому строю древнего уйгурского языка».

Якутский и южно-сибирские языки сохранили разные формы, которые могут быть возведены к древне-уйгурскому:

др.-уйг.	як.	тоф.	тув.	шор.	хак.	тел.	алт.
-уи -yusi joq	-ya -yam суох	—	—	—	—	—	—
-уи kezek	-ya кэрэх	—	—	—	—	—	—
-уи teg	—	-гы дэг -баа дэг	-гы дег	-гадык -баадыг	-гадыг -паадыг	-гадый -багыдый	-гадый -багадый
-juq	—	-чык -чжык	-чык	—	-чык	—	—
-majiq	—	-бачжык -бейик	-бажык	—	-мажык	—	—
др.-уйг.	як.	тоф.	тув.	хак.	шор., чу- лым, тел., алт.	кирг.	
-йук	—	-чык	-чык	-чык	—	—	
-майук	—	-бачжык -бейик	-бажык	-мажык	—	—	
-ийук	—	иик	ийик	-чык	—	—	
—	—	-ан иик	-ан ийик	-ганчых	—	—	
—	—	—	—	-тырчых	—	—	
—	-аайык	-гай иик	—	-дычых	—	—	
—	-ыыһык	—	—	—	—	—	
—	-ааччык	—	—	—	—	—	
-ча	—	—	—	-чы	—	-чы	
-чы	-сы	—	—	—	—	уучу	
—	-ыыһы	—	—	—	—	оочу	
—	-ааччы	—	—	—	—	—	

Следовательно, древнеякутский язык имел прямые контакты с древнеуйгурским, а не презаимствовал эту форму через язык-посредник. Наиболее близкие параллели между формами, которые восходят к формам древнеуйгурского языка, Е.И. Убрятова

выделила в тофском, тувинском, якутском и хакасском — например, разные рефлексы древнеуйгурской формы -йук. К этой форме она возводила якутское утвердительное наклонение -ыыһык и наклонение обычно совершаемого действия -ааччык.

Сохранил якутский язык и формы, маркирующие другой древний тюркский язык, также не оставивший письменных памятников, — древнекыргызский, вокруг которого давно идет полемика среди лингвистов и историков. Е.И. Убрятова выделила три аспекта этой проблемы, выясняющих какое отношение имеет древнекыргызский язык: а) к языку енисейских памятников; б) современным тюркским языкам Южной Сибири; в) современному киргизскому языку.

Можно считать установленным, что енисейские памятники, оставленные кыргызами, написаны на древнем литературном языке орхонских тюрков. Но сопоставление материалов современного киргизского языка и тюркских языков Сибири указывает на их близкое родство. Особенно интересной представлялась Е.И. Убрятовой близость причастных и деепричастных форм, определяющих структуру глагола:

як.	тоф.	тув.	шор.	хак.	чул.-тюрк.	тел.	кирг.
—	-ган	-ган	-ган	-ган	-ган	-ган	-ган
—	-баан	-бан	-бан	-баан	-баан	-баан	—
—	-чатхан	—	-чатхан	-чатхан	—	-чатан	—
-а илик	—	-калак	-калак	-халах -аалах	-калак	-калак	-а елек
-аат	-гаи	-гаи	—	—	—	—	—
-ааччы	—	—	-аачы -аатчы	—	—	—	—

Наиболее показательна система вторичных причастных форм. В якутском языке отсутствуют вторичные формы, созданные на базе причастия на -ган, что еще раз подчеркивает его раннюю изоляцию от других тюркских языков Сибири.

Изучая характер формирования глагольных форм в тюркских языках Сибири, Е.И. Убрятова пришла к выводу о наличии трех источников распространения

тюркских языков на этой территории. Следы древних тюркских языков — орхонско-тюркского, древнеуйгурского и кыргызского — присутствуют в современных тюркских языках в разной степени и относятся к разному времени. Более поздние воздействия перекрывают более ранние. Можно предположить, что сначала на этой территории распространился огузский язык орхонского типа, несколько позднее или одновременно с ним — древнеуйгурский язык, который вступал во взаимодействие с близкородственным орхонским языком. Но все современные тюркские языки Сибири по характеру своей глагольной системы — кыпчакские, а так как современный киргизский язык относится к этой же группе, то вполне правомерна выдвинутая Е.И. Убрятовой гипотеза о том, что источником кыпчакизации сибирских языков был древнекыргызский язык.

Уйгурские элементы в сибирских языках идут через тувинский и тофский, а затем хакасский на север к чулымским тюркам и сибирским татарам. По мере продвижения на запад эти черты постепенно видоизменяются и исчезают, а киргизские элементы входят через алтайский и распространяются далее на восток и север [Убрятова, 1985а].

Тема образования языков в результате распространения тюркского языка (языков) в иноязычной среде всю жизнь оставалась в центре внимания Е.И. Убрятовой.

История якутского языка в трудах якутских тюркологов

Особое место в изучении истории якутского, а следовательно, и его отношений с другими тюркскими языками, в том числе и сибирскими, занимают труды якутских лингвистов. Их можно разделить на две группы:

1. Изучение истории якутского языка в связи с исследованием какой-либо грамматической категории или языкового уровня. Это работы по исторической лексике тюркских языков Н.К. Антонова [1971,

1973а], Г.В. Попова [1986] и по грамматике якутского языка Л.Н. Харитоновой [1947, 1954, 1960, 1963], Е.И. Коркиной [1970, 1985, 1992], Г.Г. Филиппова [1999], Н.Н. Ефремова [1998] и ряд других.

Блестящие монографии по фонетике якутского языка написал Н.Д. Дьячковский [1971, 1977].

2. Особое место в изучении истории якутского языка занимают работы по якутской диалектологии М.С. Воронкина, П.П. Барашкова, П.С. Афанасьева, Е.И. Коркиной, П.А. Слепцова, С.А. Иванова, Е.И. Убрятовой.

В якутской диалектологии сформировался особый жанр исследования — историческая диалектология. Это тем более интересно, что якутский язык долгое время имел репутацию языка, где есть диалектные явления, но нет диалектов. Применение методов лингвистической географии дало очень интересные результаты. На приведенных в работе С.А. Иванова [1993] картах «Распространение якутского аканья и оканья» (с. 41), «Ареалы произношения звонкого *д* и глухого *т*» (с. 177), «Ареалы употребления *нь*, *й̆*, *й̈*» (с. 226) даются сопряженные изоглоссы, которые делят территорию Якутии по р. Лене на две части: левобережье, где присутствуют огубленные варианты, употребление *д* и *нь*; правобережье — употребление неогубленных вариантов, *т* и *й̆*.

По-другому делят якутские диалекты соответствия смычных и щелевых гуттуральных. На карте «Ареалы произношения увулярных смычных» (с. 254), показывающей распространение вариантов носового *й̆* и разных типов гуттуральных, хорошо видно, как в центральном ареале процессы изменения продвинулись дальше, чем на периферии. В центре исчезает носовая *й̆*, а у гуттуральных формируется оппозиция нового типа — не по локальному ряду, а по преградности.

С.А. Иванов [1993, с. 309—312] выделяет два древних диалектных подразделения, определяет центры их формирования, зону взаимодействия и пути иррадиации. Эта работа совершенно по-новому позволяет подойти к истории формирования якутского этноса.

Якутский язык в трудах Ст. Калужинского и М. Стаховского

Большой вклад в изучение истории якутского языка внес польский ученый Ст. Калужинский. Исследованные им монгольские заимствования в якутском языке задали систему определенной временной последовательности изменений в тюркском и монгольском слоях якутского языка [Kalużyński, 1961]. Серию монографий по долганскому и якутскому языкам опубликовал Марек Стаховский. Одна из них посвящена истории якутского вокализма [Stachowski, 1993].

Формирование якутской вокальной системы прослеживается от позднепратюркского состояния (spätertürkisch) до современного якутского. В качестве праязыкового состояния принимается реконструкция, близкая той, что представлена в трудах Л. Йохансона. Им установлена следующая система соответствий якутских гласных праязыковой вокальной системе, которая представляется как симметричная система, включающая восемь кратких и восемь долгих гласных:

як. а- <	(1) *a (2) *ā (3) *ō (4) *y (5) *u	як. -а- <	(1) *a (2) *ā (3) *o (4) *y (5) *u
як. ā- <	(1) *ā (2) *aby, *ag(y)	як. -ā- <	(1) *ā (2) *(a)ga (3) *gā (4) *an,a (5) *an,a
як. ā̄- <	(1) *ā̄ (2) *ā̄ (3) *i	як. -ā̄- <	(1) *ā̄ (2) *ō̄ (3) *i
як. ā̄- <	—	як. -ā̄- <	(1) *gā̄-
як. о- <	(1) *o (2) *ō	як. -о- <	(1) *o (2) *ō (3) *a (4) *u
як. ȳ- <	*og	як. -ȳ- <	*ā
як. ȳ̄- <	(1) *ō̄ (2) *ō̄ (3) *ā̄	як. -ȳ̄- <	(1) *ō̄ (2) *ā̄

як. ȳ̄- <	—	як. ȳ̄- <	*(g)ā̄
як. у- <	(1) *y (2) *ȳ (3) *a (4) *ā (5) *u (6) *ū	як. -у- <	(1) *y (2) *ȳ (3) *a
як. ȳ- <	(1) *ȳ (2) *ā	як. -ȳ- <	(1) *ȳ (2) *yg (3) *gy
як. i- <	(1) *i (2) *ī (3) *ā̄ (4) *ā̄ (5) *ū	як. -i- <	(1) *i (2) *ī (3) *ā̄
як. ī- <	(1) *ī (2) *ig(i) (3) *āg(i)	як. -ī- <	(1) *īg (2) *āgi (3) *ājū
як. u- <	(1) *u (2) *ū (3) *o (4) *ō (5) *a	як. -u- <	(1) *u (2) *ū (3) *y (4) *ȳ
як. ū- <	(1) *ū (2) *ug, *uvy	як. -ū- <	(1) *ū (2) *ug (3) *gu (4) *ugu (5) *yg
як. ū̄- <	(1) *ū̄ (2) *ū̄ (3) *ō̄ (4) *ō̄ (5) *i (6) *ā̄	як. -ū̄- <	(1) *ū̄ (2) *ūgū, *ūjū (3) *i (4) *ī
як. ū̄- <	(1) *ū̄ (2) *ūg (3) *ō̄	як. -ū̄- <	(1) *(ū)gū (2) *īg
як. ya- <	(1) *aby, *ag(y) (2) *āg(y), *āny	—	—
як. -ya- <	(1) *agy (2) *agu (3) *uga (4) *avu	—	—
як. iā- <	(1) *ā̄ (2) *āg(i) (3) *āgū	—	—

як. -iä- <	(1) *ä (2) *(ä)gä, *änä (3) *gö	—	—
як. -uo- <	(1) *ō (2) *ōgV (3) *ogV, *onV, *ovV (4) *agu (5) *uva	—	—
як. -uo- <	(1) *agu (2) *uga (3) *ag(a) (4) *uva (5) *ogy	—	—
як. üö- <	(1) *ō (2) *og(V) (3) *üg (4) *ägü	—	—
як. -üö- <	(1) *äg (2) *(g)ä (3) *gü	—	—

Якутские первичные дифтонги возводятся автором к этимологическим долгим гласным. При этом остается нерешенным вопрос о причине их перехода в дифтонги. Важнейшим фактором тут послужил процесс появления вторичных дифтонгов. Но первой причиной могло быть влияние еще неопределенного палеоазиатского субстрата. Такое предположение возможно, потому что восходящие дифтонги, совершенно не характерные для тюркских языков, представлены в языке юкагиров, например: *чумуочиэ* 'дядя (старший брат отца)'; *чумуододьэ* 'мясо широкого сухожилия, лежащего над позвоночником'; *чарильэсуол* страдательная форма от *чарильэс* 'делать надрезы на палке'.

Якутский язык в трудах К. Шёнига

Последовательное сопоставление материалов якутского языка с данными других языков проводится в работах К. Шёнига [Schönig, 1987, 1987 (1989), 1988 (1990), 1990, 1991, 1999]. Он сравнивает якутский язык со всеми тюркскими языками и устанавливает следующую систему корреспонденций.

У ленских тюрков (якуты и долгане) герундий на -н замещается -ан, но суффиксы условного наклонения и форма 3-го л. ед. ч. императива (-tar и -tin), возможно, связаны с древнетюркскими формами -sar и -zun в результате звукового чередования (+z >) * > t (как в бурятском). Кроме -lar обнаруживаются дополнительные формы множественного числа, такие как -tar или -ttar < *-t + lar.

У ленских тюрков вскрывается ряд черт, свойственных маргинальным тюркским языкам, например *иңуох* из *süñök 'кость' с сохраненным -ñ- и твердо-рядной формой *таһара* (из древнетюркского *teñri*), которая сохранила двойное значение 'бог' и 'небо'. Вместе с саянскими тюрками эти формы образуют лено-саянский тюркский ареал и демонстрируют более тесные связи с тофским.

Ленские тюрки крайнего северо-востока и турки крайнего юго-востока тюркского ареала используют глагол *tön(ün) 'поворачиваться, возвращаться, идти домой' и сохраняют возвратное местоимение *kentü* (известное из старотюркского) в форме *kini*, который применяется в качестве личного местоимения 3-го лица.

Кроме того, у ленских тюрков имеется широкий набор индивидуальных лексических, фонетических и морфологических особенностей.

Возможно, существовали особые связи между ленскими тюрками и кипчакоидными южно-сибирскими тюрками, особенно хакасами. До сих пор не ясно, были ли это старые связи или они появились лишь в период формирования северо-восточного тюркского ареала. В языке ленских тюрков имеются некоторые общие черты с киргизами (кипчаками), например тип гармонии гласных, форма *participium pondum facti* или дополнительное значение 'кастрат' у *at* 'лошадь' (как в фу-юй и алтайском диалекте).

Ленские тюрки относятся к северному тюркскому ареалу, но у них появляются как восточно-тюркские, так и западно-тюркские черты. Язык ленских тюрков представляет собой часть молодого северо-восточного сибирского ареала, в который входят в основном тун-

гусские и монгольские языки, от которых он приобрел некоторые сильные нетюркские импульсы.

К. Шёниг считает, что пограничные тюркские языки енисейских (включая фу-юй) и саянских тюрков вместе с переходными языками чулымских и алтайских тюрков образуют южно-сибирский тюркский ареал. Этот ареал обладает лишь небольшим набором черт, общих для каждого отдельно взятого языка. Так, используются, например, родственные формы старотюркского *bod* для образования возвратных местоимений, произошла замена маркера множественного числа у личных местоимений: +z на +lAr у вторых лиц. Используется краткая форма **kin(dik)* 'пупок; центр, середина'. Другой общей чертой является самодийский, енисейский (кетский) субстрат.

Как и ненормативные тюркские языки, такие как чувашский и халажский, большинство из южно-сибирских тюркских языков (включая фу-юй и язык желтых уйгуров) имеют формы личных вопросительных местоимений, которые восходят к **kem*. Но невозможно решить, принадлежит язык ленских тюрков к группе **kem* или **kim*. Языки саянских тюрков приобретают особый статус, поскольку демонстрируют такие формы, как в тувинском **qim* или тофском **qum*.

Саяно-тюркские языки — тувинский и тофский — демонстрируют много различий в деталях. К тому же у них имеются разные типы калек с монгольского. Кроме среднемонгольского и ойротского слоев в тувинском прослеживается сильное влияние халха-монгольского, в то время как тофский взаимодействовал с бурятским. В языке енисейских и саянских тюрков сочетания вспомогательного глагола *i:d* 'посылать' и герундий на -p превратились в суффиксы. В хакасском и в языке фу-юй метатезированы формы для числительного 'двадцать' и имеется слово *ib* 'дом'.

Связи якутского языка с саларскими. Языки лено-саянских тюрков в основном характеризуются отсутствием некоторых широко распространенных центрально-тюркских черт, например форм, восходящих к современному нормативному *çiq* 'выходить', имеют родственные формы безличного вопросительного местоимения *ne*, единственный суффикс настоящего

времени; не используют *et-* для образования отглагольных существительных.

В этих языках сохранились пограничные тюркские черты, схожие с чувашскими, такие как отсутствие порядковых числительных на -*nçi*, довольно частое употребление древнетюркского *a* как *i* в первых слогах. Частично сохранилась назальность древнетюркского *i*, как, например, в халажском и огузском.

В языках лено-саянских тюрков инклюзивные и эксклюзивные суффиксы 1-го л. мн. ч. в парадигме императива имеют следующую структуру: 1-е лицо инклюзив = 1-е лицо эксклюзив + 2-е л. мн. ч.

Родственные слова древнетюркскому *tag* 'гора' приобрели (по крайней мере добавочно) значение 'горный лес'.

Из языков саянских тюрков тофский наиболее тесно связан с языками ленских тюрков такими чертами, которые засвидетельствованы только в этих языках. Так, числительное 'тысяча' было замещено русским заимствованием, глагол **qin* используется для образования глаголов от существительных, для обозначения слова 'пупок' существует лишь короткая форма *ki(:)n*. Оба языка имеют частный падеж, выраженный суффиксами, формально идентичными древнетюркскому местно-аблативному суффиксу -*da*. Более того, порядковый суффикс -*nç*, как и в старотюркском, здесь тоже сохранился. Как единственные представители северо-восточных тюрков они имеют форму *qaç* кроме формы *qança* вопросительного местоимения 'как много, сколько много' и используют слово *ürün* 'белый'.

Сопоставления с якутским языком в трудах В.И. Рассадина и М.И. Боргоякова

Якутский материал последовательно включен В.И. Рассадиным в его работу «Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении» [1978].

Выявляя в тофаларском языке общетюркские и региональные черты, В.И. Рассадин обнаружил в нем элементы сходства с якутским языком: наличие частного падежа на -*da*, оформление винительного паде-

жа в поссесивном склонении *-ын*, общий аффикс уподобительного прилагательного *-сын гы* (як. *тың ы*), одинаковую в общих чертах систему видовых форм у звукоподражательных и образных глаголов, восходящую у образных глаголов на *-й* к монгольскому языку, и наложение этой системы на глаголы действия-состояния [1978, с. 274—275].

Широкое языковое сопоставление показало, что тофаларский вместе с другими языками Саяно-Алтая и якутским сохраняет ряд архаичных черт, которые В.И. Рассадин определил как древнеуйгурские. Систему тофского глагола он назвал кыпчакско-киргизско-уйгурской. Для этого типа он считал характерным использование прошедшего времени на *-ган*, вспомогательных глаголов на *тур-, чору-, олур-, чыгыр-*. [Там же, с. 275—276].

Специальным исследованием, посвященным изучению истории хакасского языка, является работа М.И. Боргоякова [1978] о проблемах формирования и развития хакасского языка. Используя архивные материалы Г.Ф. Миллера, собранные им в 1735 г. от кичинцев, кызыльцев, сагайцев и койбалов, М.И. Боргояков сумел углубить историю хакасского языка, по определению Е.И. Убрятовой, на добрых 300 лет. В работе довольно много сопоставлений с якутским языком: так, сравниваются процессы спирантизации заднеязычных, процессы деаффрикатизации, развитие соответствий анлаутному *j*-. Последний процесс оценивается как «происходящий с большими отклонениями во времени и весьма неравномерно» [Боргояков, 1978, с. 23].

Большую работу по изучению истории шорского языка и шорского народа провел Э.Ф. Чеспиakov. К сожалению, его монография, посвященная проблеме этногенеза шорцев, еще не опубликована.

Проблемы ареального описания тюркских языков Сибири

Периферийный сибирский тюркоязычный ареал возник в результате перестройки древнего тюркского ареала, который вследствие клинообразного вторже-

ния кыпчакских языков в зону расселения более древних тюркских языков (огузского, карлукского, уйгурского типа) и дальнейших процессов волнообразного вытеснения их на периферию нового ареала приобрел новую форму — краевой подковообразный тип. М.А. Бородина сравнивала его с ареалом, который наблюдается на территории Франции и характерен для всей романской зоны, где португальский и румынский при всех различиях обнаруживают определенные черты сходства. Подковообразный ареал объясняется обычно интенсивным оттеснением одного языка или диалекта другим. В результате такого единоборства создается первоначально клинообразное вторжение, переходящее в волнообразное, направленное в центр оттесняемой зоны; отсюда и последующая форма ареала, исторически устойчивого, поскольку это результат развития, а не процесс. Конфигурация распространения тюркских языков свидетельствует о том, что в прошлом их территория была более компактной. Древний центр тюркоязычной зоны лежит где-то выше подковообразного ареала на уровне его верхних краев (территория Прииртышья и Западной Сибири). Постепенное расширение, как бы распластывание этого ареала привело к перестройке всей конфигурации компактной зоны с созданием в разных ее частях своих центров и маргиналов [Бородина, 1976]. Одним из последних стал сибирский.

К выводу о существовании обширной центральной группы тюркских языков, куда входят главным образом кыпчакские языки, приходит К.М. Мусаев [1975, с. 336—351] при сравнительном исследовании лексики тюркских языков. Он выделяет главную группу тюркских языков, преимущественно кыпчакских, с охватом в разных ситуациях юго-западных (огузских), юго-восточных (среднеазиатских, карлукских) и восточных (сибирских). Таким образом, эта главная группа обнаруживает многочисленные контакты с периферийными тюркскими языками.

В классификации тюркских языков К. Шёнига, построенной по ареальному принципу, сибирские языки также попадают в группу Border Turkic, образуя ареальную подгруппу Northeast Turkic (рис. 1).

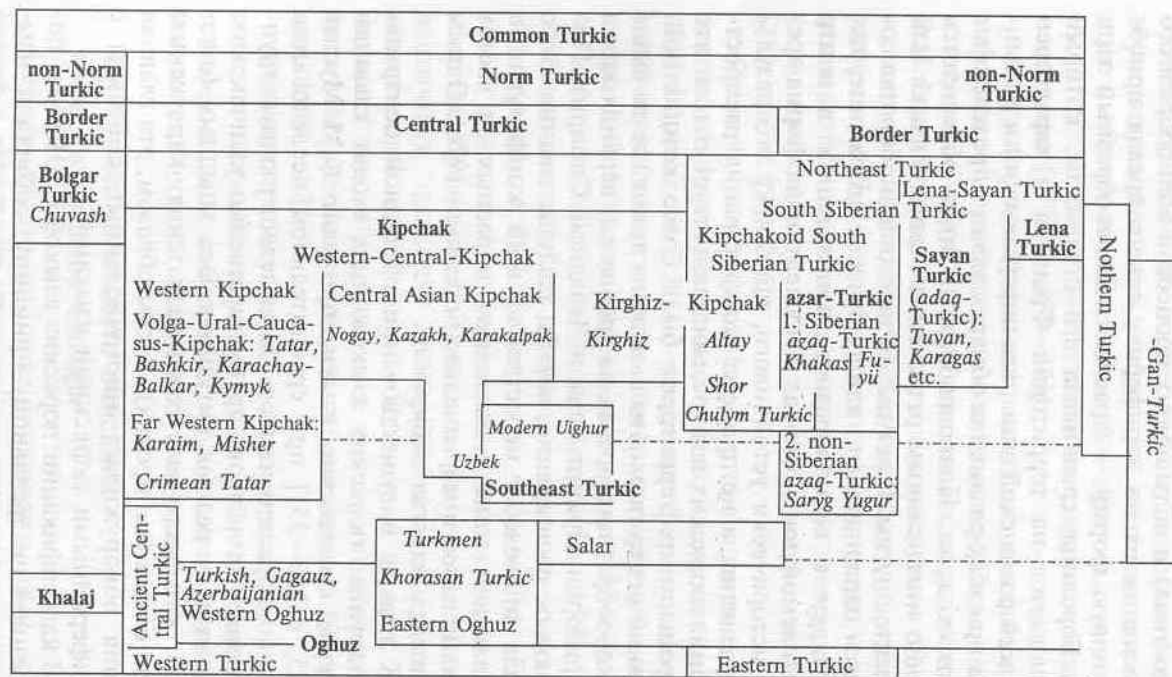

Рис. 1. Классификация тюркских языков К. Шёнига.

Автор выделяет якутский и долганский в отдельную подгруппу, называемую им *Lena turkic*. Хотя они могут быть включены в группы относительно молодой семьи тюркских языков — северо-западную.

Подобно другим периферийным языкам якутский язык сохраняет некоторые древнетюркские элементы, например долгие гласные (как туркменский и халаджский). Иногда представляет древний носовой *ŷ* как *й* (долг. *нь*, як. носовой *й* или *нь*, саянские языки носовой *й*, огуз. *уу*, халадж. *п*).

Форма якутского аориста после гласных может быть непосредственно возведена к древнетюркскому *-yUr* (как в чувашском, халаджском и южно-сибирских тюркских языках).

Использование поссессивного аффикса *+буз* для 1-го л. мн. ч. в формах претерита сопоставимо с чувашским, южно-сибирскими языками, ташкентским диалектом узбекского языка и т.д. Древнетюркское *элиг* 'рука' сохраняется только в якутском, чувашском, саларском, халаджском и огузских языках. В области морфологии якутский вместе с чувашским, халаджским и огузскими языками сохраняет причастия на *-мыш* и *-дук*.

Чертой, роднящей якутский язык с чувашским, автор считает сохранение широких гласных в слове *олор* 'сидеть', в брахми текстах — *olor-*, чув. *лар-*. Широкие гласные представлены и в формах каузативных аффиксов (як. *-тар*, *-ар*, *-лар*, чув. *-тар*, *-ар*).

В якутском и чувашском языках сохранились слова, более характерные для древнетюркских языков: *ташик* > як. *тагыс*; чув. *тух-*; *элиг* > як. *илии*, чув. *ала*.

Сближает эти два языка, относящиеся к разным ветвям, то, что они отделились от других тюркских языков до того, как герундий на *-н* занял центральное место в системе деепричастий.

Переход *а > ы* автор считает более поздней или даже случайной параллелью.

Наличие твердорядных форм слова 'небо' (як. *та-нара*, чув. *турА*, также может быть случайным. Велярные соответствия в якутском и чувашском общетюркским палатальным часто наблюдаются в соседстве с велярными согласными.

Только халаджский и якутский сохранили древнетюркское *урун* 'белый' (як. *урун*, халадж. *HUrUN*).

Язык якутских и саянских тюрков и халаджский сохраняют древний звук -D-.

Типичным огузским элементом в якутском языке является глагол *төнүн* 'возвращаться, идти домой'. Махмуд Кашгарский определял его как огузский. Менее существенный связующий элемент между якутским и огузскими — древнетюркское возвратное местоимение *kendi*, которое сохранилось только в якутском как личное местоимение 3-го л. ед. ч. *кини* и в турецком как возвратное местоимение *kendi*.

Использование слова *дузүл* в значении 'золото' связывает якутский язык с азербайджанским. Сохранение *л* как показатель 2-го л. мн. ч. в императивной парадигме также присуще орхонско-тюркскому и туркменскому.

Как и юго-восточные языки, якутский сохраняет древнюю пару *жүлүз* и *жүлүз* 'корень' и 'звезда', ставшие омофонами в карагасском в записях Кастрена.

Подобно многим восточным тюркским языкам (южно-сибирским, киргизскому, казахскому, юго-восточным современным языкам) якутский показывает лабиализованную форму глагола *бут-* и твердоядную форму слова *буу* 'тысяча'. Эти языки сохраняют широкие гласные в ауслауте названия числительного «двадцать» (долг. *хуурбэ*, як. *суурбэ*, алт. *дьирме*, шор. *чегирбе*, чулым. *йэрвэ*, узб. *йигирме*, новотурк. *джигирме*, кирг. *джигирме*, но хак. *чибирги*, тув. *чээрби*). Это числительное может быть возведено к твердоядному варианту, который сменил огласовку под влиянием алаутного *j-*.

Также якутский язык подобно восточной группе языков не включается в некоторые инновационные преобразования, например не меняет показателя мн. ч. -з в аффиксе принадлежности 2-го л. мн. ч. на -лар, это подтверждает, что восточно-тюркский ареал сформировался после того, как якуты его покинули.

Якутский сохраняет некоторые древнетюркские особенности, например оба глагола со значением 'на-

ходить' — *тан-* и *бул-* (*тан-* в современном якутском значит 'попадать в цель'). В слове *кыргыттар* (мн. ч. от *кыыс*) сохраняется древнетюркское *кыркын* 'рабыня'. Слово *танара* также имеет два древних значения 'бог' и 'небо' как и в древнетюркском.

Отрицательная форма от причастия на -*быт* — -*батах* соответствует древнетюркскому -*mys* и -*maduq*.

Якутский — единственный из современных тюркских языков, который не создал новой формы настоящего времени, а использует форму аориста.

Якутский аффикс совместного падежа легко может быть возведен к форме +*lygvn*, имеющейся в Хуастуанифт. Вместе с орхонской формой -*lygu-* эту форму можно связать с *+*lygun-*, если -*n* не появляется под влиянием инструменталиса.

Сохранение в якутском языке за формой на -*та* семантики дательно-местного падежа, как и в древнетюркском, могло быть поддержано монгольским и тунгусским влиянием.

Особо отмечается, что существование так называемого частного падежа (или винительного неопределенного), который можно возвести к древнетюркскому местно-исходному падежу и который наблюдается и в карагасском, тоже может быть объяснено влиянием тунгусских языков.

Более того, якутский сохраняет некоторые черты, которые, возможно, отражают пратюркский (точнее преддревнетюркский) этап развития, например широкий гласный во втором слоге слова *алтан* 'медь', если это не заимствование из монгольского *алта* 'золото'; не перешедшее в местоимение *о:з*, которое в якутском имеет смысл 'центр, середина, аорта' и т.д.

Якутский аффикс инклюзива -*лаx* может быть связан с формой императива -*К* в -*алык*, который образовывал ареал в средневековых кыпчакских языках и сохранился в киргизском и несаянских южно-сибирских. Якутский аффикс может быть возведен к **ālyk* — типичной форме современных кыпчакских языков. Поразительна общая черта якутского и кыпчакских

языков — сохранение интервокального глухого *-m-* и озвончение *-n-* и *-k-* в этой же позиции.

Якутский является членом довольно молодого лингвистического ареала. Отражение древнетюркского *j-* в анлауте якутского, чувашского, кыпчакских и новотуркменского — это относительно новая тенденция, которая развилась, вероятно, независимо в разных регионах. Но тут можно предположить и наличие общего влияния. Речь идет о фонотактических закономерностях — ассимиляции и диссимиляции в якутском, южно-сибирских и северных кыпчакских языках.

Ареал, который К. Шёниг называет северо-восточным, характеризуется использованием слова *ki:n* 'пупок', заменой аффикса «отсутствия обладания» конструкциями с *uog*, использованием в слове 'тысяча' велярного огубленного гласного, заменой этой лексемы в якутском и тофском на слово, заимствованное из русского языка. Эти языки используют древнетюркскую форму аффикса *-nč* вместо *-nčh*.

Якутский сохраняет многие черты древних языков. Но очень важно выяснить и степень общности с языками саянскими и кыпчакскими. Это заимствования из самодийских и монгольских языков, развитие общих фонотактических закономерностей, возможно возникших до формирования саянской общности. Особенно очевидна связь между якутским и тофским языками, подтверждаемая использованием глагола *кын-* 'делать' при образовании сложных глаголов и наличием частного падежа с аффиксом *-да*.

Изучив работы лингвистов, исследовавших тюркские языки Сибири, можно сделать вывод, что они образуют особую «лингвистическую территорию», противопоставленную центральному тюркскому ареалу. Эта территория включает подковообразный ландшафт юга Сибири, размытый «кружевной» ареал Западной Сибири и островной якутский ареал, по отношению к которому долганский язык образует вторичный островной ареал. Маргинальные языки, географически находящиеся в границах сибирской зоны, — южные диалекты алтайского и диалекты сибирских татар — включаются по ряду параметров в центральную группу.

Тюркские языки Сибири в классификациях тюркских языков

Классификационное место тюркских языков Сибири варьирует у разных исследователей в зависимости от принципа, положенного в основу классификации. Одни классификации строятся по географическому принципу, а лингвистические данные служат в качестве признаков данного региона — это большинство классификаций западных тюркологов (Й. Бенцинг, О. Притцак и др.). Другие классификации базируются на этническом принципе, а лингвистический и географический служат лишь дескриптором в названиях выделенных групп. Наиболее широко распространенная в российской тюркологии классификация Н.А. Баскакова строится на этногенетическом принципе, т.е. группы тюркских языков выделяются согласно процессам дифференциации исходного языка (языков) на отдельные ветви, и носит историко-этнический характер; лингвистические характеристики описываемых ветвей задаются как оценочные уже после выделения этих ветвей по другим параметрам. Иначе говоря, Н.А. Баскаков при выделении групп тюркских языков следовал историческим процессам распространения и дифференциации тюркских этносов. Сибирские языки входят в этой классификации в восточно-хуннскую ветвь тюркских языков, которая делится на уйгуро-огузскую и киргизо-кыпчакскую группы. Последними по времени публикации являются классификации А.М. Щербака, К. Шёнига, Л. Йохансона.

В качестве разграничительных признаков А.М. Щербак [1994, с. 27—42] использует:

- 1) фонетический облик слов *ajak* 'нога', *taŋ* 'гора', *aŋız* 'рот', *oŋul* 'сын', *jaŋaq* 'щека';
- 2) формы прошедшего времени или прошедшего неочевидного действия (1-е л. ед. ч.) и выражающие возможность-невозможность совершения действия (1-е л. ед. ч., прошедшее категорическое действие);
- 3) слова со значением 'отдыхать', 'любить, считать подходящим', 'сам' (1-е л. ед. ч.).

Он выделяет следующие группы:

I. Чувашская.

II. Огузская (азербайджанский язык и относимые к числу его диалектов огузские языки Ирана и Афганистана: кашкайский, айналлу, сонкорский, тебризский, урмийский, афшарский; гагаузский, турецкий; туркменский и близкий к нему хоросанский язык, халаджский язык, южные диалекты крымско-татарского языка).

III. Кыпчакская группа.

IV. Карлукская, или чагатайская, группа (узбекский, уйгурский, саларский).

V. Урянхайская группа (тувинский, тофаларский, уйгуро-урянхайский).

VI. Смешанная группа (северные диалекты алтайского языка, сарыг-югурский, хакасский, чулымско-тюркский, шорский).

VII. Якутский язык с примыкающим к нему долганским языком.

Сибирские тюркские языки в этой классификации попадают в четыре группы. В группы, выходящие за пределы сибирской зоны, попадают диалекты южных алтайцев, которые совместно с такими языками, как киргизский, татарский, казахский, каракалпакский, ногайский, караимский, карачаево-балкарский, кумыкский, башкирский, попадают в третью кыпчакскую группу.

Тувинский, тофаларский языки входят в особую урянхайскую группу наряду с уйгуро-урянхайским языком, находящимся на территории Монголии.

А.М. Щербак определяет языки VI группы как представляющие трудность для классификации. Одни из них отразили взаимодействие нескольких классификационных типов, другие, будучи первоначально принадлежащими к одному типу, затем утратили некоторые его важные черты. Якутский язык отнесен им к отдельной седьмой группе (табл. 2).

А.М. Щербак пишет, что «якутский язык резко отличается от остальных тюркских языков и фонетическими, и морфологическими особенностями и составом лексики».

В последние десятилетия XX в. вышло несколько обобщающих трудов по тюркологии, среди которых серия монографий А.М. Щербака [1970, 1977, 1981, 1987], серия сравнительно-исторических грамматик, подготовленных группой московских тюркологов [Сравнительно-историческая грамматика..., 1984, 1988, 1997], а также новый том «Тюркские языки» в серии «Языки народов мира».

Большая вводная статья в томе «The Turkic Languages» принадлежит Л. Йохансону [Johanson, 1998]. Классификация тюркских языков, предложенная автором в этой статье, предваряется его замечанием о том, что динамичная история тюркоязычных народов заставляет при составлении классификации тюркских языков прибегать к использованию как ареальных, так и генетических и типологических признаков.

Он выделяет шесть ветвей тюркских языков:

1) юго-западная — огузская;

2) северо-западная — кыпчакская;

3) юго-восточная — уйгурская;

4) северо-восточная — язык сибирских тюрков;

5) чувашская — язык огузов или булгар;

6) халаджская — язык аргу.

Четыре из них делятся на подгруппы.

Юго-западная:

— юго-западная-западная, включающая западные огузские группы, представленная турецким, гагаузским и азербайджанским языками;

— юго-западная-восточная или восточная огузская, представленная туркменским и языком хоросанских тюрков;

— юго-восточная-южная — южная огузская подгруппа, представленная диалектами Ирана и Афганистана.

Северо-западная:

— северо-западная-западная — западно-кыпчакская группа, включающая кумыкский, карачаевский, балкарский, крымско-татарский и караимский языки;

— северо-западная-северная — северо-кыпчакская, или волгоуральская, группа, в которую входят татар-

Классификация тюркских языков Сибири (по [Шербак, 1994])

Язык	Первый признак				
	'нога'	'гора'	'рот'	'сын'	'щека'
I. Чувашская группа					
Чувашский	<i>ура</i>	<i>ту</i>	<i>čăвар</i>	<i>ĭвăл</i>	—
II. Огузская группа					
Азербайджанский	<i>ajak</i>	<i>dağ</i>	<i>ağız</i>	<i>oğul</i>	<i>janak</i>
Турецкий	»	»	»	»	»
Гагаузский	»	<i>dă</i>	<i>ăz</i>	<i>*ôl</i>	»
Крымско-татарский	»	<i>dağ</i>	»	<i>oğul</i>	»
Туркменский	»	<i>dăğ</i>	<i>ağız</i>	»	»
Халаджский	<i>hadağ</i>	<i>tağ</i>	<i>ăğız</i>	»	—
III. Кыпчакская группа					
Башкирский	<i>ajak</i>	<i>tav</i>	<i>avız</i>	<i>ul</i>	<i>jaң ak</i> 'щека, челюсть'
Татарский	»	»	<i>avız</i>	»	То же
Казахский	»	»	»	<i>ul</i>	<i>jak</i>
Каракалпакский	»	»	»	»	»
Ногайский	»	»	»	<i>uvıl</i>	<i>jak</i>
Карагасский	»	»	<i>avuz</i>	<i>uvul</i>	<i>janak</i>
Карачаево-балкарский	»	»	»	<i>ul</i>	—
IV. Карлукская, или чагатайская, группа					
Кумандинский	»	»	»	<i>ulan</i>	<i>jajak</i>
Алтайский (южные диалекты)	»	<i>tū</i>	<i>ōc</i>	<i>ul</i>	<i>dāk</i>
Киргизский	<i>ajak</i>	<i>tō</i>	<i>ōz</i>	»	<i>jāk</i>
V. Урянхайская группа					
Узбекский	<i>ɔjak</i>	<i>tɔğ</i>	<i>ɔğız</i>	<i>uğıl</i> 'сын'	<i>jɔnɔk</i> 'щека, скула'
Уйгурский	<i>ajak</i>	<i>tağ</i>	<i>əğız</i>	<i>oğul</i>	<i>jaң ak</i>
Саларский	<i>ajax</i>	»	<i>ağız</i>	»	<i>jaң ax</i>
VI. Смешанная группа					
Тувинский	<i>*адак</i>	<i>dağ</i>	<i>âc ~ âc</i>	<i>ôl</i>	<i>čāk</i>
Тофский	»	»	»	»	»
VII. Якутская группа					
Алтайский (северные диалекты)	<i>ajak</i>	<i>tağ</i>	<i>âc</i>	<i>ôl</i> 'мальчик, парень'	<i>nāk</i>
Нижнечулымский (диалект)	»	»	»	То же	<i>jāk</i>
Среднечулымский (диалект)	<i>azak</i>	»	<i>ağıs</i>	<i>oğıl</i>	<i>čāk</i>
Хакасский	<i>azax</i>	»	<i>âc ~ ağıc</i>	<i>ôl ~ oğıl</i>	<i>nāx</i>
Шорский	<i>azak</i>	»	»	<i>ôl, oğlu</i>	<i>nāk</i>
Сарыг-югурский	»	»	<i>axıs</i>	<i>oğıl</i>	—
Якутский	<i>atax</i>	<i>mā</i>	<i>yoc</i>	<i>yol</i>	<i>cīn ax</i>

Язык	Второй признак		
	'я взял (~ я взявший)'	'я смог прийти'	'я не смог прийти'
I. Чувашская группа			
Чувашский	эбӗ ӗнӗ	парајра 'он мог идти'	парајмара 'он не мог идти'
II. Огузская группа			
Азербайджанский	алмѣшам	гәлә билдѣм	гәлә билмәдѣм
Турецкий	алмѣшѣм	гәлӗ билдѣм	гәлӗмәдѣм
Гагаузский	»	»	гәләмәдѣм
Крымско-татарский	»	»	»
Туркменский	»	гәліп билдѣм	гәліп билмәдѣм
Халаджский	алмѣшам	кәлі билдѣм	кәлі билмәдѣм
III. Кыпчакская группа			
Башкирский	алғанмѣн	кѣлә алдѣм	кѣлә алмадѣм
Татарский	»	»	»
Казахский	»	кәлӗ алдѣм	кәлӗ алмадѣм
Каракалпакский	алғанман	»	»
Ногайский	»	»	»
Карагасский	алғанмѣн	кәлӗ алдѣм	кәлӗ алмадѣм
Карачаево-балкарский	алғанма	»	»
Кумандинский	алғанман	гәліп алдѣм	гәліп алмадѣм (~ гәліп билмәдѣм)
Алтайский (южные диалекты)	алғанѣм ~ алғам	кәлип болдѣм	кәліп болбодѣм
Киргизский	алғанмѣн ~ алғам	кәлӗ алдѣм	кәлӗ албадѣм
IV. Карлукская, или чагатайская, группа			
Узбекский	элғанман	кәлә элдѣм	кәлә элмадѣм
Уйгурский	алғанмѣн	кәләлдѣм (кәлә алдѣм)	кәләлмѣдѣм (кәлә алмѣдѣм)
Саларский	мѣн алғандѣр	мѣн кәләлгәндѣр	мѣн кәләлмәгәндѣр
V. Урянхайская группа			
Тувинский	алған мѣн	алп шѣдадѣм	алп чададѣм
Тофский	»	'я смог взять' То же	'я не смог взять' То же
VI. Смешанная группа			
Алтайский (северные диалекты)	алғам ~ алғанѣм	кәлип алдѣм	кәлип албадѣм
Нижнечулымский (диалект)	»	—	—
Среднечулымский (диалект)	»	—	—
Хакасский	»	кѣліп полдѣм, кѣліп алдѣм	кѣліп полбадѣм, кѣліп албадѣм
Шорский	»	кәлип алдѣм	кәлип албадѣм
Сарыг-югурский	мѣн алғантро	мен алдѣм	мѣн алдѣм
VII. Якутская группа			
Якутский	барбѣрпѣн (< бар-бѣт-пѣн)	—	—

Язык	Третий признак		
	'отдыхать'	'любить, считать подходящим'	'я сам'
I. Чувашская группа			
Чувашский	кан-	јурат-	эбѣ хам
II. Огузская группа			
Азербайджанский	динјал-	бајан-	бзүм
Турецкий	динлән-	бэјән-	кэндім
Гагаузский	диннән-	бэн-	»
Крымско-татарский	—	бэзән-	гэндім (бзүм)
Туркменский	дінч ал-	бэзән-	бдүм
Халаджский	тінјал	бајан	біләм
III. Кыпчакская группа			
Башкирский	јал іт-	јарат-	үдїм
Татарский	»	»	үзім
Казахский	дэм ал-	жарат-	өзім
Каракалпакский	»	»	»
Ногайский	јал эт-, јал ал-, солїк ал-	јарат-	»
Карагасский	тінчал	»	озім
Карачаево-балкарский	солув ал-	јарат-	кэсім (бзүм)
Кумандинский	јал ал-	*јарат-	бзүм
Алтайский (южные диалекты)	тін ал-	d'арат-	бојім
Киргизский	дэм ал-	јарат-	бзүм
IV. Карлукская, или чагатайская, группа			
Узбекский	дам эл-	јэктір-	үзім
Уйгурский	дәм ал-	јактур-	өзәм
Саларский	тін-	јарат-	эзім ~ эјім
V. Урянхайская группа			
Тувинский	дїштан-, дїш ал-	экізін- (экі сін-) 'считать хорошим, подходящим'	бодум
Тофский	тїштан-	эккісін-	»
VI. Смешанная группа			
Алтайский (северные диалекты)	тін ал-	чарат-	бојім
Нижнечулымский (диалект)	тін-	кін-	позум, бзүм
Среднечулымский (диалект)	»	»	»
Хакасский	тїнан-	хін-, чарат-, кін-	позім
Шорский	»	кін-	»
Сарыг-югурский	—	—	эсім ~ узум
VII. Якутская группа			
Якутский	сінн ан-	—	бэјэм

ский, башкирский языки и диалекты татар Западной Сибири;

— северо-западная-южная — южно-кыпчакская, или аралокаспийская, группа: казахский, каракалпакский, ногайский языки и кыпчакский диалект узбекского. Она генетически связана с языками алтайских тюрок северо-восточной-южной подгруппы.

Киргизский язык, генетически связанный с языками алтайских тюрок, может быть помещен в эту группу, так как значительно сблизился с казахским языком. Язык фу-юйских кыргызов, проживающих в Маньчжурии, рассматривается как диалект киргизского. Но он тесно связан с языками Южной Сибири, а именно енисейских тюрок.

Юго-восточная ветвь:

— юго-восточная-западная — включает современный узбекский язык с его огузскими диалектами;

— юго-восточная-восточная, или восточная, подгруппа — включает язык уйгуров, таранчи и различные восточные тюркские диалекты — кашкарский, яркендский, хотанский и т.д. В этот же ареал входит язык желтых уйгуров, возможно связанный с северо-восточной южной группой, и саларский, имеющий отношение к юго-западной ветви.

Северо-восточная ветвь:

— северо-восточная-северная — северная сибирская группа: якутский и долганский языки;

— северо-восточная-южная — гетерогенная южно-сибирская группа. Образует следующие подгруппы:

- 1) саянские тюрки — тувинский и тофский;
- 2) енисейские тюрки — хакасский и шорский;
- 3) чулымские тюрки;
- 4) алтайские тюрки.

Из приведенной классификации видно, что сибирские языки воспринимаются автором как языки гетерогенные. Они распределяются им между несколькими классификационными подгруппами, так как тюркские языки Сибири отличаются друг от друга по существенным параметрам. Это связано с тем, что в их формировании принимали участие разные древние тюркские языки, базовые признаки которых легли в

Северо-восточная группа языков в отношении к другим тюркским языкам

Языки	Аффикс принадлежности 1-го л. мн. ч.	'волосы'	'посылать'	Поряжков аффикс *+(I)nēI	Диссимиляция смычных	'кричать'	'пупок'
Древнетюркский	+(V)mvz	sač	*ī:d(u ber)-	∅	(+)	(y)igla-	kindik
Чувашский	*+(V)mvz	šūš	*ī:d-	∅	∅	yēr-	*kō:bāk
Якутский	+BI	*sač	*ī:d-	∅	+	īta:-	kī:n
Саяно-тюркские	+(I)vIs	кирг. čā"š	*ī:d-	∅	+	igla-	тув. xīn(dik) кирг. hīn
Енисейские тюркские	+(I)bIs	*čač	*ī:d-	+	+	ilga-	*kin(dik)
Фу-юйских киргизов	+(I)bIs	šaš	—	+	+	jīlgī-, yīgīlī-	kindik
Алтайский	+(I)bIs	čač	*ī:d-	+	+	īyla	kin(dik)
Киргизский	+(I)bIz	čač	*ī:d(u ber)-	+	+	īyla	kindik
Татарский	+(I)bIz	čāč	*ī:du ber-	+	∅	yīla	kēndēk
Желтых уйгуров	+(I)ŋ	šaž ~ saž	—	+	+	(y)igla-	—
Саларский	[+(I)ŋ]	*sač	—	+	∅	yīgla-, (yağla-)	*kindik
Казахский	+(I)mIz	šaš	*ī:d(u ber)-	+	+	žila-	kīndik
Современный уйгурский	+(I)mIz	čač (лит.) ~ sač (диал.)	*ī:du ber-	+	∅	žigla-	kindik
Туркменский	+(I)mIδ	sač	*ī:du ber-	+ ~ другая лексема	∅	ağla-	*kō:bāk
Турецкий	+(I)mIz	sač	∅	+	∅	ağla-	*kō:bāk
Халаджский	*+(V)mvz	sač	—	+ ~ другая лексема	∅	higla-	kindik

Отношение сибирских языков к древним языкам

Языки	'рука'	'губы'	Долгие гласные	Финитная форма -mIš	Родительный падеж	Возвратное местоимение	'возвращаться'	Каузатив на -GVz-
Древнетюркский	<i>ālig</i>	<i>ārin</i>	*+	+	+(n)Iḡ	<i>kāntū</i>	<i>yan-, qadīt-</i>	∅
Саяно-тюркские	* <i>qol</i>	<i>ārin</i>	⊕	∅	+NIḡ	* <i>bod+</i>	* <i>yan-</i>	+
Енисейские тюркские	* <i>qol</i>	* <i>ārin</i>	∅	∅	+NIḡ	* <i>bod+</i>	* <i>yan-</i>	+
Алтайские	* <i>qol</i>	<i>ārin</i>	∅	∅	+NIḡ	* <i>bod+</i>	* <i>yan-</i>	+
Фу-йюских киргизов	<i>alix</i> 'ладонь'	—	∅	∅	+NIḡ	* <i>bod+</i>	* <i>yan-</i>	—
Желтых уйгуров	<i>iliy, elig</i>	<i>damsay</i>	⊕	∅	+NIḡ	* <i>bod+</i> , * <i>ö:z+</i>	* <i>yan-</i>	+
Якутский	<i>ili:</i>	<i>uos</i>	+	+	∅	<i>bäyā+</i>	<i>tönün-</i>	∅
Чувашский	<i>alā</i>	<i>tuta</i>	только * <i>ö:</i>	∅	+(n)An	<i>xā+</i>	<i>tavrān-</i>	∅ (?)
Халаджский	<i>āl</i>	<i>dudağ</i>	+	+	*(U)ḡ	* <i>ö:z+</i>	—	∅
Саларский	<i>āl</i>	<i>dodax</i>	⊕	+	+niyi	* <i>ö:z+</i>	* <i>yan-</i>	+
Туркменский	<i>āl</i>	<i>do:daq, erin</i>	+	∅	+(n)Iḡ	* <i>ö:z+</i>	* <i>qadīt-</i>	∅ ~ (+)
Азербайджанский	<i>āl</i>	<i>dodag</i>	⊕	+	+(n)In	* <i>ö:z+</i>	* <i>qadīt-</i>	∅ ~ (+)
Турецкий	<i>āl</i>	<i>dudak</i>	⊕	+	+(n)In	* <i>kāntū</i>	<i>dön-</i>	∅ ~ (+)
Современный уйгурский	* <i>qol, *ālig</i>	<i>kelpuk, läv</i>	∅	(+)	*+nIḡ	* <i>ö:z+</i>	* <i>qadīt-</i> , * <i>yan-</i>	+
Центральные тюркские	* <i>qol</i>	* <i>ārin</i>	∅	∅	*+nIḡ	* <i>ö:z+</i>	* <i>qadīt-</i>	+

Примечание. ⊕ — наличие закономерных явлений, связанных с перестройкой системы первичных долгих гласных.

Таблица 5

Тюркские языки центральной группы и маргинальные тюркские языки

Языки	'нога'	'гористый'	Поствокальный аффикс	'кто'	1-е л. мн. ч. форма на +DL.mIz	'родить/рождаться'	'уходить'	Отсутствие обладания +sIz	'стремя'
Древнетюркский	<i>adaq</i>	<i>taglīg</i>	-yUr	* <i>kām, *kim</i>	+	<i>toğ-</i>	+	+	<i>üzāngū</i>
Центральные тюркские	<i>ayaq</i>	—	-r	* <i>kim</i>	∅	* <i>toğ-</i>	+	+	* <i>üzāngū</i>
Саларский	<i>ayax</i>	<i>dağlı</i>	-r	* <i>kim</i>	+	* <i>toğ-</i>	∅	∅	—
Алтайский	<i>ayaq</i>	<i>tu:lu:, taglīg</i>	-r	* <i>kām</i>	+ ~ ∅	* <i>toğ-, *törä-</i>	∅	∅	<i>üzengi</i>
Желтых уйгуров	<i>azaq</i>	<i>taglīg</i>	-r	* <i>kām</i>	+	* <i>toğ-</i>	∅	∅	<i>ezenky</i>
Фу-йюских киргизов	<i>azix</i>	<i>daxtix</i>	—	* <i>kām</i>	+	* <i>toğ-</i>	∅	∅	—
Енисейские тюркские	* <i>azaq</i>	<i>taglīg</i>	*-yUr	* <i>kām</i>	+	* <i>toğ-, *törä-</i>	—	∅	хак. <i>izenje</i>
Саяно-тюркские	<i>adaq</i>	<i>dağlīg</i>	*-yUr	<i>qīm, qum</i>	+	* <i>törä-</i>	∅	∅	тув. <i>ezenji</i> , кирг. <i>ezenge</i>
Якутский	* <i>ataq</i>	<i>tīala:x</i>	*-yUr	<i>kim < ?</i>	+	* <i>törä-</i>	∅	∅	як. <i>ijähä</i>
Халаджский	<i>hadaq</i>	<i>ta-ağlug</i>	*-yUr	* <i>kēm</i>	∅	* <i>toğ-</i>	∅	+	—
Чувашский	<i>ura</i>	<i>tullā</i>	*-yUr	* <i>kām</i>	+	<i>śural-</i>	∅	+	<i>yārana</i>

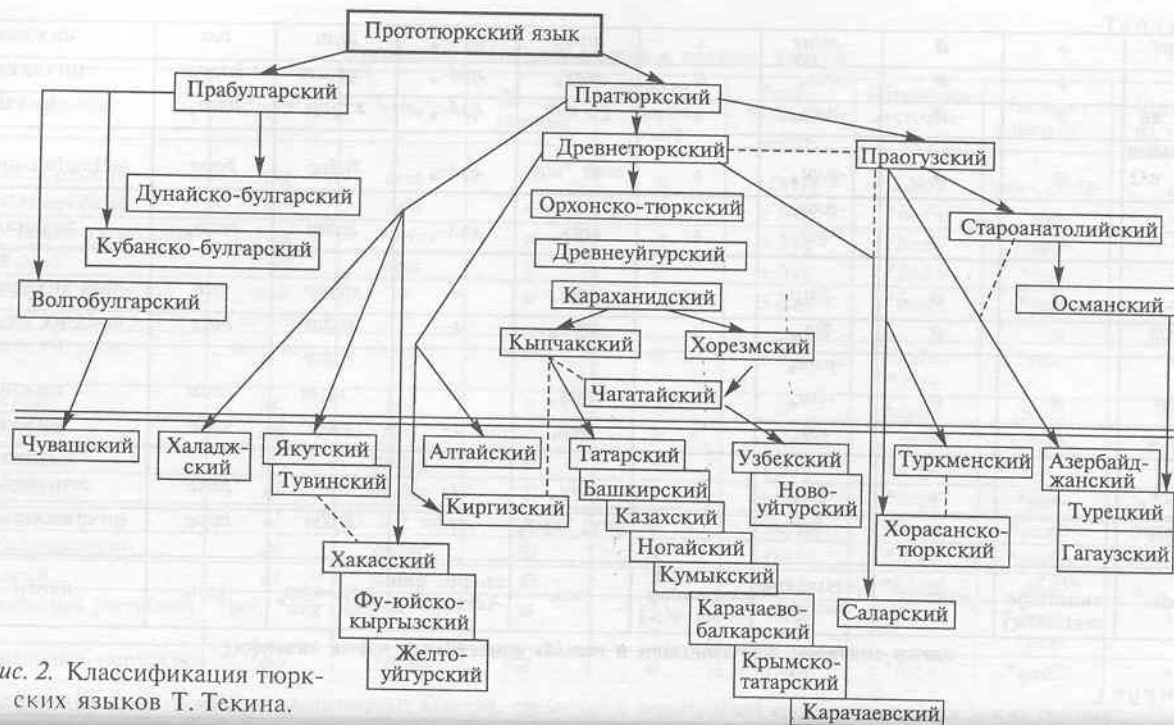

Рис. 2. Классификация тюркских языков Т. Текина.

основу противопоставления типов тюркских языков современности.

Такая сложность формирования тюркского ландшафта Сибири делает особенно успешным применение к его анализу методов лингвогеографии. Лингвогеографический подход заложен в основу классификации К. Шёнига (табл. 3). Отношение сибирских языков к другим тюркским языкам по параметрам, определяемым автором как классификационные, представлено в табл. 3—5 [Schönig, 1999, S. 90—93].

Во всех трех предложенных классификациях тюркские языки Сибири распадаются на несколько групп, и, как правило, якутский не входит ни в одну устойчивую классификационную подгруппу. Связи якутского языка с древними языками, с языками маргинальными, по терминологии К. Шёнига *non-normal turkic*, гораздо шире связей с языками сибирского ареала. Большую степень связи якутского языка с сибирскими тюркскими языками предполагает Т. Текин [Tekin, Ölmez, 2003] (рис. 2).

Тюркские языковые типы в сибирском ареале по историческим данным

На территории Сибири существовали (самостоятельно или в составе более крупных союзов) такие древние тюркские племенные объединения и государства, как теле (токуз-огузы), орхонские тюрки, уйгуры, кыргызы, кимаки, йемеки; с территории Сибири вышли карлуки. Все множество языков, на которых говорили эти племена, принято объединять в несколько крупных языковых типов: орхонский (огузский), уйгурский, кыргызский, карлукский, кыпчакский.

Древние орхонские тюрки и уйгуры оставили на территории Монголии и Сибири письменные памятники, которые позволяют составить представление о языках того времени, несмотря на наддиалектный характер языка большинства памятников (так называемое степное койне). И древние уйгуры, и древние кыргызы в период VIII—X вв. писали на этом «лите-

ратурном» языке, поэтому представление об уйгурском типе, отличном от орхонского, опирается в основном на языковые данные памятников, составленных в более позднее время на другой территории и на другой графике, в другой политической ситуации и этнокультурной среде.

О языке кыргызов можно судить по некоторым языковым особенностям так называемых енисейских памятников, но диалектные черты, проявляющиеся в них, немногочисленны, и язык принадлежит в основном к тому же типу, что и язык орхонских тюрков. Поэтому при определении черт кыргызского языка мы опираемся на распространение форм на территории, исторически связанной с древними кыргызами.

В контексте нашего исследования важна последовательность смены правящих государствообразующих тюркских племен, территория, на которую распространялось их влияние, а также дальнейшая судьба этих народов, так как в результате сложной политической истории при смене гегемонии одного государства другим и, следовательно, изменении роли разных этносов менялись также распространение и степень влияния языков. Орхонских тюрков сменяют уйгуры, уйгуров сменяют кыргызы, кыргызов разбивают кидани, и на территории Западной Монголии и Сибири начинается монгольское время. Тут важны два момента: во-первых, смена политической гегемонии сопровождалась, особенно в случае с орхонскими тюрками и уйгурами, уходом большей части этих этносов с территории Сибири, что существенно меняло лингвистическую ситуацию; во-вторых, на периферии этого древнетюркского мира все же существовала своеобразная ниша, в которой язык (языки) орхонского и уйгурского типов сохранялся благодаря той небольшой части носителей, которые продолжали жить на старых территориях. Это территория Западного Прибайкалья, где с древнетюркского времени жили курыканы; им, по мнению А.П. Окладникова, принадлежала курумчинская археологическая культура.

Курыканы. Детальное изучение курумчинской археологической культуры дало возможность установить

генетическую связь ее носителей — древних курыкан — с позднейшей якутской культурой. А.П. Окладников [1949, с. 317] рассматривает курыкан как основное тюркское ядро якутской народности, переселившееся в Якутию с юга, из бассейна верховьев Лены и из Приангарья, предположительно в X—XI вв., когда их сменили в Прибайкалье какие-то древнемонгольские племена. Принадлежность этой культуры железного века, датируемой VI—X вв. и имевшей широкое распространение в Прибайкалье, древнему союзу уч-курыкан и генетическая связь ее с культурой якутов и западных бурят не вызывают сомнений. Но вопрос об этнической принадлежности курыкан остается спорным. Одна группа ученых — А.П. Окладников, С.Е. Малов, С.А. Токарев, Б.О. Долгих — считает их тюркоязычными, другая — В.В. Бартольд, П. Пельо, Л. Амби, А.И. Бернштам, В.Л. Котвич — монголоязычными (см. об этом [Румянцев, 1962, с. 113]).

Сведения о курыканах встречаются в китайских летописях Танской династии, где они упоминаются под именем гулигань, в Юань-ши — под именем хурхан, в тюркских рунических надписях VIII в., в известиях мусульманских писателей XI—XIII в. — фури или хури [Там же, с. 120—121]. В летописи Танской династии (Таншу) сказано, что гулигань входили в число древнетюркских племен гао-гюй или хой-хе, т.е. уйгуров: «Предки дома ойхор (хойху) были хунны. Они обыкновенно ездили на телегах с высокими колесами; почему при династии Юань-вей (с 386 г.) еще называли их Гао-гюй или Чилэ, ошибочно превращенное в Тйеле. Поколения их суть: Юаньгэ, Сйеянто, Кибийюй, Дубо, Гулигань, Доланьгэ, Пугу, Байегу, Тунло, Хунь, Сы-гйе, Хусйе, Хигйе, Адйе, Байси, всего 15 поколений» [Бичурин, 1950, с. 301]. Как особые поколения теле характеризовались сеяньто, пугу, тунло, киби, адйе, хусйе, гулигань, байегу, дубо [Кюннер, 1961, с. 40—51].

В рунических текстах курыканы упоминаются только в памятнике Кюль-Тегину в 4-й и 14-й строках большой надписи: в 4-й строке они упомянуты среди народов, пришедших оплакивать Бумын Кагана, умер-

шего в 552 г. Это одна из самых ранних датировок в истории курыкан:

4. *Југчы сыгытчы ѓңрә, кўн тогсыка Бөклі чөл(1)іг ил, табгач, тўпўт, апар, пурум, кыргыз, ўч курыкан, отуз татар, кытай, татабы — бунча будун кәлиһән сыгтмыс југламыс: антағ кўлиғ каған әрміс.*

‘Плачущие и стонущие спереди из страны солнечного восхода народ степи Бёклийской, тобгач, тибетцы, авары и Рим, киргизы, уч-курыканы, отуз-татар, кытай и татабы. Столько народов придя стонали и плакали: столь знаменитые каганы были они’.

Во втором случае они названы среди врагов голубых тюрок:

14. *Біріја табгач будун јағы әрміс, јыраја Баз каған токуз огуз будун јағы әрміс, кыргыз, курыкан, отуз татар, кытай, татабы коп јағы әрміс.*

‘Справа народ тобгачей был врагом, слева народ токуз-огузов Баз Кагана был врагом, кыргызы, курыканы, тридцать татар, кытай, татабы, все были врагами’ [Малов, 1959, с. 21—22].

Важным свидетельством тюркоязычности курыкан (либо их части) является существование на территории их обитания рунических надписей, которых на скалах и бытовых предметах в Прибайкалье обнаружено несколько десятков, считая руноподобные знаки. Ленские рунообразные надписи содержат 45 знаков, они более чем наполовину графически сходны с енисейскими [Кляшторный, 1964, с. 52—53; Окладников, Барашков, 1942, с. 31; Васильев, 1983]. Чтение надписей затруднено из-за их краткости, но некоторые из них, например надписи на веретенцах, читались неоднократно. На первом волчке надпись была прочитана М. Рясняном так: *q^adyryq a^yrch^aq* ‘ролик веретена’. Г. Ксенофонов [1933] дал иное прочтение: *q^adar q^ay^rch^aq* ‘пряильный волчок’. Предположение, высказанное Э.Р. Рыгдылоном и П.П. Хороших, о том, что в этих надписях должны обнаруживаться черты древнего бурятского языка, ничем не подтверждается.

На основании вышеизложенного можно предположить, что 1) предком якутского языка был тюрк-

ский язык племенного союза уч-курыкан; 2) язык курыкан бытовал в V—X вв. — время существования этого союза. По приведенным в Юань-ши сведениям, он отличался от языка киргизского, хотя его письменность была одного типа с ним; 3) уч-курыканы входили в племенной союз теле, т.е. уйгуров.

Классификации древнетюркских языков. Важным источником для изучения истории якутского языка служит древнетюркский язык. Древнетюркский язык — это язык доисламских памятников Центральной и Средней Азии. Он занимает место, подобное церковно-славянскому по отношению к славянским языкам, и является родственным предкам некоторых современных тюркских языков, в том числе и курыканскому.

Древнетюркский язык представляет собой вид степного койне — особого надплеменного литературного языка, широко распространенного в V—XI вв. на громадной территории обитания восточных тюрок. Но, несмотря на искусственный характер языка рунических памятников и ранних текстов на уйгурском и манихейском алфавитах, в них прослеживаются особенности, характерные для разных тюркских языков и диалектов. Диалектные различия в древнетюркском языке неоднократно отмечал один из первых его исследователей В.В. Радлов.

Он первым дал классификацию древних диалектов.

1. Северный диалект (die Sprache des Turk-Sir-Volkes) отмечен Радловым в рунических памятниках; отличительными признаками его были: сохранение *б-* в словах, оканчивающихся на *н* и *ң*, употребление аффикса притяжательного падежа на *-iң ~ -iñ*, аффикса местно-исходного падежа *-da ~ -dā*, аффикса *-dig ~ -d'ig* во 2-м л. ед. ч. и *digiz ~ digiz* во 2-м л. мн. ч. в глагольных формах прошедшего времени и т.д.

2. Южный диалект представлен в памятниках уйгурского письма, для него характерны переход *б- > м-* в словах, оканчивающихся на *н* и *ң*, употребление аффикса *niñ ~ niñ*, наличие особой формы исходного падежа и т.д.

3. Смешанный диалект наблюдается в манихейских текстах на уйгурском и манихейском алфавитах,

в каирской рукописи «Кутадгу билиг» и в некоторых других памятниках. Этот диалект обнаруживает свойства и северного, и южного диалектов.

Но и после работ В.В. Радлова и его сторонников и противников сравнительно хорошо прослеживаются два языка: язык орхонских тюрок и древнеуйгурский [Самойлович, 1922; Баскаков, 1969; Малов, 1952, с. 6; Батманов, 1971; Кондратьев, 1973, с. 26; Тенишев, 1976а, с. 164—172].

В период раннего средневековья (V—X вв.) на территории Монголии и Восточной Сибири существовали три основных объединения тюркоязычных племен: орхонские (голубые) тюрки, уйгуры и кыргызы. Главными памятниками, принадлежащими орхонским тюркам (551—744 гг.), являются Онгинский камень, памятники Кюль-Тегину, его старшему брату Бильге Кагану и их советнику Тоньюкуку и др. Древнеуйгурские памятники (язык государства уйгуров в Монголии (744—840 гг.) и рунических текстов из Турфана и Ганьсу) известны с середины VIII в.: памятник Моюнчуру, кагану, победившему в 745 г. последнего хана Тюркского каганата Озмыш-Тегина, язык которого С.Е. Малов определяет как уйгурский, отличающийся от языка орхонских памятников прежде всего системой глагола [Малов, 1959, с. 30], Суджинский памятник, Карабалгасунская надпись и т.д.

Более поздние памятники, написанные на других алфавитах (сирийском, брахми, уйгурском, арабском), отражают уже иной этап развития уйгурского языка.

Если предположение о различии между языками голубых тюрок и уйгуров находит некоторые языковые подтверждения (хотя против этого имеются серьезные возражения [Тенишев, 1976а, с. 164—172]), то выделение древнекыргызского периода в истории тюркских языков (IX—X вв.) связано со сменой политической гегемонии одних племен другими и установлением «кыргызского великодержавия» [Малов, 1952а, с. 7; Баскаков, 1969, с. 157]. По материалам рунических памятников Енисея и Тувы сказать что-нибудь о живом разговорном языке древних кыргызов почти невозможно, они пользуются стандартным язы-

ком эпитафийных надписей [Батманов и др., 1962, с. 45—50].

Но о специфике древнекыргызского языка, о том, что это был особый язык, отличный от орхонского и уйгурского, можно судить по материалам современного киргизского языка и тюркских языков Южной Сибири: они имеют одинаковую систему первичных и вторичных глагольных форм, которая могла сложиться в результате распространения древнего кыргызского языка в группе родственных языков [Убрятова, 1985а].

В якутском языке сохраняется много архаичных черт, сближающих его с языком орхонских и древнейших уйгурских памятников. Перечислим основные из них:

1. Усеченная форма древнего направительного падежа *-gar* в лично-притяжательном склонении.

2. Древняя форма винительного падежа *-(ы)н*. «Аффикс *-ы(н)* регулярно появляется в енисейско-орхонских памятниках во всех случаях, когда имя наращено аффиксом принадлежности. То же наблюдается в современном якутском языке» [Убрятова, 1960а, с. 230].

3. Согласования в падеже однородных членов предложения. Во всех других тюркских языках общий морфологический элемент, по выражению А.И. Кононова, «выносится за скобку» (цит. по [Убрятова, 1960а, с. 230]).

4. Характерные особенности в употреблении аффикса принадлежности 2-го л. мн. ч. По этому критерию тюркские языки можно разделить на два типа:

1) *ҕыз* и его варианты:

а) *ҕыз* (аз., гагауз., каз., к.-калп., ног., бараб., крым.-тат., тур., туркм., узб.);

б) *ҕыз* (башк., карач.-балк., кумык., тат.);

в) *ҕыт* (як.);

2) *ҕлар* и его варианты:

а) *ҕлар* (уйг., чул.);

б) *ҕар* (кирг., тоф., тув., хак.).

В памятниках орхонско-енисейской письменности встречается один тип, и лишь в древнеуйгурском на-

блюдаются аффиксы 1-го и 2-го типов. Форма на *һлар* развивается, по предположению В.М. Насилова, для выражения почтительного отношения. Постепенно она вытеснила форму на *-һыз*. Под влиянием уйгурского языка эта форма развилась в киргизском и языках Южной Сибири [Тарасенко, 1974]. Якутский сохранил более древнюю форму, которая сближает его с огузским и кыпчакскими языками, переход $\eta > \gamma$ и $z > t$ закономерен для якутской фонетики.

5. К древнейшим особенностям якутского языка можно отнести образование первой формы условного наклонения при помощи аффикса *-тар* (др.-т. *sar*) и аффиксов сказуемости. Уже в уйгурских текстах XI—XV вв. аффиксы сказуемости заменяются аффиксами принадлежности. Хотя в «Кутадгу билиг» еще сохраняется древняя форма условного наклонения с аффиксами принадлежности [Насилов, 1974, с. 91]. Такая же замена на второй тип спряжения произошла в сибирских тюркских языках [Батманов и др., 1962, с. 193], вероятно, под влиянием кыпчакских языков.

Особенно ясно тесная связь якутского языка с языками орхонских и уйгурских памятников прослеживается в системе причастий [Убрятова, 1985а]. Но кроме черт, указывающих на генетическую близость якутского языка с языками орхонских и уйгурских памятников, в якутском языке сохранились формы, свидетельствующие о тесных контактах древних якутов с енисейскими кыргызами. Е.И. Убрятова выделила ряд вторичных причастных форм, которые объединяют языки Южной Сибири, киргизский и якутский:

-а елек (кирг.), -а илик (як.), -галак (алт., хак., шор., тув.);

-оо, -уу (кирг.), -уу (алт.), -ыы (як.), -ыг (хак., шор., тув., чул.);

-оочу (кирг.), -аачы (алт., хак., шор., тув., як.);

-уучу (кирг.), -ыкчы (тув.), -ыыһы (як.);

-чу (кирг.), -чы (алт., хак., шор.), -чы (як.);

-чаан (алт.), -чан (хак., шор., чул.), -чанг, -нан (як.);

-чук (кирг.), -ык (алт.), -ых (хак., шор., тув., як. (-аач-чык?)) [Убрятова, 1985а].

По историческим данным, курыканы и туба находились некоторое время под властью кыргызов [Вайнштейн, 1974, с. 189].

Отделение якутского языка от других тюркских языков произошло достаточно рано. Если прежде это событие датировалось VII—VIII вв., то в исследованиях последнего времени его относят к IV в. н.э. или даже считают, что оно произошло на рубеже нашей эры в те времена, когда северные гунны ушли в При-татьяньшань и на Южный Алтай [Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 661].

Кыргызы на территории Южной Сибири. Позднее курыканы упоминаются как племя, зависимое от кыргызов. О возрастании влияния кыргызов, о территории, на которую распространилась их культура в Южной Сибири, говорит таблица, составленная Д.Г. Савиновым [1984] (табл. 6).

Последующее монгольское время для истории сибирских тюрков — период довольно темный; важные события, которые могли привести к определенным языковым изменениям, связаны с более поздним временем распада Сибирского ханства, когда некоторые племена, входившие в его состав, ушли на восток вплоть до Енисея. Именно с этой волной можно связать некоторые представления о вторичной кыпчакизации тюркских языков Южной Сибири.

Относительно времени ухода части курыкан с территории Прибайкалья на среднюю Лену существуют разные точки зрения. Это переселение датируется и X в. (В.М. Надеяев — курыканы уходят под давлением киданей), и XIII в. (Ст. Калужинский — под давлением монголов Чингисхана), и более поздним периодом вплоть до XV—XVI вв.

Уход курыкан из Прибайкалья и освоение тюрками территории средней Лены — это не полностью совпадающие по времени процессы. Переселение кочевых племен в Ленско-Алданское междуречье происходило постепенно, в течение нескольких веков, о чем свидетельствуют работы якутских археологов и историков (Н.В. Константинова, А.И. Гоголева, А.Н. Алексеева).

Таблица 6

Синхронизация археологических культур V—X вв. на территории Сибири

Дата (вв.)	Алтай		Западная Тува	Хакасия
	Степной	Горный		
IX—X	Сросткинская культура	Поздний этап курайской культуры. Алтайский вариант культуры енисейских кыргызов	Поздний этап курайской культуры. Тувинский вариант культуры енисейских кыргызов	Уйбатский этап культуры енисейских кыргызов
VII—IX	?	Тузуктинский этап		Копёнский этап
VII—VIII	Катандинский тип	Катандинский этап		Капчальский (?) этап
VI—VII	—	Кудыргинский тип		Утинский этап
V—VI	Верхнеобская культура	Берельский тип	Поздний этап кокзельской культуры	Тепсейский этап таштыкской культуры

Уйдя на территорию средней Лены, предки якутов принесли сюда и язык, сформированный на базе языка, сходного с языком орхонских тюрков, но включающего также значительное количество элементов, позднее определяемых как уйгурские. В результате распространения среди нетюркского населения и ассимиляции, а также вследствие мощного взаимодействия с каким-то монгольским языком сформировался современный якутский язык, отличный от древнетюркских по фонетическому облику, ряду новых форм и закономерностей в области морфологии, но сохранивший древнетюркскую основу и ряд тенденций, сложившихся еще в древнее время и получивших свое развитие именно на якутской почве, как, например, вторичные причастия с аффиксом обладания.

Якутский язык как точка отсчета при определении фонетических и морфологических изменений в других тюркских языках Сибири

Итак, историческая судьба якутского языка — ранняя изоляция от других тюркских языков на периферии тюркского мира. Как было показано, якутский язык был связан в своем происхождении одновременно с двумя языковыми типами — орхонским тюркским и древнеуйгурским, — определившими облик самых древних литературных письменных тюркских языков (степное койне). Ранняя изоляция якутского «законсервировала» для нас черты и свойства, которые оказались затемненными в литературных письменных языках из-за полиэтничности их носителей и в результате смешанного характера литературных языков уже на ранних этапах их истории.

Разумеется, якутский язык также претерпел определенные влияния со стороны других языков, тюркских и нетюркских: в первую очередь нужно назвать монгольские и тунгусские языки; в Прибайкалье, возможно, самодийские и кетские, а также еще какой-то палеоазиатский субстрат. Однако эти субстратные и адстратные наслоения доказательно выявляются в

процессе анализа: так, монгольская лексика, которая по самым скромным подсчетам составляет до 30 % якутского лексического фонда, обладает системой фонетических признаков (анлаутные *д, дь, ч* и др.), которая однозначно отличает ее от тюркского слоя. Изменения, внесенные тунгусским субстратом, имеют четкую территориальную привязку и сохраняют живую связь с тунгусскими диалектами, под воздействием которых они и возникли (переход анлаутного и инлаутного *с* в *h*). Влияние какого-то палеоазиатского субстрата определяется наличием закономерностей, привязанных к определенной территории, на которую вошел якутский язык, и свойственных языкам разных генетических групп на этой территории (выявленная Е.И. Убратовой закономерность построения стройной системы смычных и очень бедной системы проточных для всего северо-востока Евразии).

Все это позволяет использовать реконструкт древнеякутского языка для сравнительной характеристики тюркских языков Монголии и Южной Сибири в период раннего средневековья и рассматривать языковые факты, не свойственные якутскому языку, как черты тюркских языков с другой этнической отнесенностью (например, древнекыргызский) или более поздние по времени возникновения.

Общесибирские изоглоссы

В результате длительного существования сибирских тюркских языков на контактной территории (в древнетюркский период это была контактная территория и для прякутского языка) должна была сформироваться система общих инноваций на уровне форм, процессов или тенденций.

Сибирская лексика в трудах В.И. Рассадина. В первую очередь такие общие формы ожидаются на наиболее пронизанном уровне языка — лексическом. Задача поиска лексем, свойственных только тюркским языкам Сибири, уже ставилась рядом ученых. Так, исследование В.И. Рассадина [1981] выявило ряд лек-

сем, отсутствующих за пределами Сибири, хотя и в сибирских тюркских языках они представлены неравномерно.

1. Именная лексика:

1. Лексика, связанная с ландшафтом:

арыскан (алт., тоф., тув.) 'гарь';

меес (алт.), *меэс* (тоф.), *мээс* (тув.) 'безлесный южный склон горы';

јум в выражении *јум агаиш* (алт.) 'девственный лес', *ним* (тоф.) 'чистый, нетронутый, девственный — о местности, пастбище и т.п.';

каскак: *каскак јер* (алт.) 'круча', *каскак* (тоф., тув.) 'трудно проходимый крутой склон горы, заросший кустарником';

сеп (тоф., тув.), *син* (хак.) 'залив на реке, озере';

учар (алт.) 'водопад', *ушар* (тоф., тув.) 'водопад; порог' (возможно, в основе этого слова лежит общетюркский корень *уч-* 'лететь').

2. Флористическая терминология:

ай (алт., шор.) в сложном слове *саргай* (< *сарыг ай*), *ай* (хак.) в сложном слове *саргай* (< *сарыг ай*), *ай* (тоф., тув.) 'сарана';

мөш (алт.), *бөш* (тоф.), *пөш* (тув.) 'кедр', *бэс* (як.) 'сосна';

тая (алт.) 'кустарник', *дайа* (тоф.), *дая* (тув.) 'жи-молость';

јыраа (алт.) 'кустарник', *чыраа* (хак.) — название кустарника, *чыраа* (тоф.) 'карликовая береза, ерник', *чыраа* (тув.) 'ивняк';

сөҕүскен, *сөскөн* (алт.), *сөөскен* (тоф., тув.) 'таволга';

казылган (алт.) — вид черной смородины, *казылган* (гутар.) 'рододендрон', *казылган* (тув.) — название кустарника с черными ягодами;

јойгон (алт.), *чойган* (тоф., тув.) 'пихта';

чиби (алт.), *шиби* (тоф.), *шиви* (тув.) 'ель', *сыбы* (хак.) 'ель; пихта', *шүбе* (шор.) 'пихта';

эргүүш (алт.), *эргүүс* (тоф.), *эргииш* (тув.) 'рябина';

јең ес (алт.), *нең ес* (тоф.), *чиң ис* (тув.), *чең ис* (саг.) 'мох';

чейне (алт.), шең нэ (тоф.), шең не (тув.), сиң не (хак.), шең де, шейне (шор.) 'пион, марьин корень';

кылбыш (алт., тоф., тув.) 'бадан';

калма (алт.), Һылба (тоф.), хылба (тув.), халба (хак.), калба (шор.) 'черемша';

ухсум (хак.), оксум (шор.), уксум (чул.-тюрк.) 'дикий лук';

сарансын (алт.), сарансал (тув.), сарансы (тодж.), сарансы (тоф.) 'ревень';

сиген (тоф., хак.) — вид травы, сиген (тув.) 'трава; сено';

куулгы (тел., тоф., тув.), хуулган (хак.) 'сухостойное дерево';

тазыл (алт., тоф., шор., бараб.), дазыл (тув.), та-зылга (хак.) 'торчащий корень вывернутого дерева';

чобра, чобыра (алт.) 'кора лиственницы', чөһпрэа (тоф.) 'кора хвойных деревьев', чөвүрээ (тув.) 'кора', собыра (хак.) 'сухая кора тополя';

шаң да (алт., тув.) 'кора', шаң да (тоф.) 'слой коры под берестой', шаң да (шор.) 'гнилая древесина березы';

тоорчык (алт.) 'шишка — еловая и пихтовая', то-орук (тоф.) 'шишка остальных хвойных деревьев, кроме кедра', тоорук (тув.) 'кедровая шишка', торым (хак.), тоорум (шор.), тоорган (чул.-тюрк.) 'шишка', туорах (як.) 'древесная шишка'.

3. Лексика, относящаяся к животному миру:

анай (алт., тув.), аһнай (тоф.) 'оленок';

бабырган (алт.), пабырган (хак.), аһпырган (тоф.), авырган (тув.) 'белка-летяга';

көрүк (алт., шор.), көрік (хак.), һөөрүк (тоф.), хөө-рүк (тув.), күвәрік (чул.-тюрк.) 'бурундук';

өркө (алт.), өрке (хак.), өрге (тоф., тув.), өргүо (як.) 'суслик';

тооргы, табыргы (алт.), табырга (саг.), табыргы (шор.), тооргу (тоф., тув.) 'кабарга';

үс (алт., хак., шор., чул.-тюрк.), үс (тоф., тув.), үүс (як.) 'рысь';

томуртка (алт.), тобыргы (хак.), тоһорго (тоф.), торгу (тув.) 'дятел';

кеерген (хак., шор.), кээрһен (тоф.), кээрһен (тув.) 'кедровка';

чилен: кара чилен (алт.), шилен (тоф.) 'аист', ши-лен (тув.), сүлен (хак.) шүлен (шор.) 'цапля';

сымда (алт.), сым, сымна (хак.), сымны (чул.-тюрк.), сынма (шор.) 'рябчик';

таркат (алт.), тарһат (тоф.) 'утка-крохаль';

тарагай (хак.), тарһый (тоф.), дарһый (тув.) 'бе-кас';

мечиртке (алт.), беһерген (тоф.), межерген (тув.), мэкчиргэ (як.) 'сова';

таскачак (алт., шор.), таскадзак (чул.-тюрк.) 'сова, сыч';

эсир (тоф.), эзир (тув.) 'орел', эсир (як.) — птица

наподобие журавля;

маас (алт., хак., тув.), мас (тоф.) 'паут, овод';

бел (алт., тоф., тув.), пил (хак.), пел (шор.), бил (як.) 'таймень';

миит (тоф.), мыйыт (тув.), быйыт (як.) 'ленок (рыба)';

чойлошкон (алт.), шойлашкан (тоф.), шайлашкын (тув.) 'дождевой червь'.

4. Названия utensils, частей жилища, орудий тру-да, одежды:

кылгы (алт.), Һыльчжы (тоф.), хылчы (саг.), хылчағ, хылга (хак.), кылы (шор.), кылдыы (як.) 'дужка ведра';

илжирме (алт.), ильчжирме (тоф.), илчирбе (тув.), илчирбе (хак.), илчирбе (шор.) 'очажная цепочка';

соо (тоф., тув., шор.) 'берестяной сосуд';

барба (тоф., тув.) 'переметная сума', марба (як.) 'кожаный мешок';

сыран (тел.) — один из шести основных шестов

чума, сыран (тоф.) — опорный шест чума, к которо-му привязывается очаянная цепочка и который под-держивает весь остов, суран (тув.) — основа берестя-ного чума;

озуп, оозык (алт.), осук (тоф.), озук (тув.), усып, оозуп, озук (хак.), осуп (шор.) 'корнекопалка';

орбо (алт.), орпа (тоф.), орба (тув., хак., шор.) 'колотушка шаманского бубна' (происходит, вероят-но, от глагола ор- 'бить, ударять', не сохранившего-ся в языках Саяно-Алтая, но широко представленно-го в других тюркских языках);

теербек (алт.) — кольца, которые опоясывают колотушку шаманского бубна, *дээрбек* (тоф., тув.) 'подвески на поясе';

чуһнур (тоф.), *чүвур* (тув.) 'штаны', *сүбүр* (качин.) 'пantalоны';

якы (алт.), *чагы* (тоф., тув.) 'шуба, доха', *чагы* (шор.) 'шуба из собачьих шкур';

ая (алт., тув., хак.), *айа* (тоф., шор., як.) 'лук-самострел';

согон (алт.), *согун* (тоф., тув., чул.-тюрк.), *соган* (хак.), *соган* (шор.), *оногос* (як., метатеза) 'стрела' (возможно, происходит от глагола *сок* — 'бить, ударять');

эдиске (алт.), *эти́ски* (тоф.), *эдиски* (тув., шор.) 'манок-пищик на косулю, кабаргу' (вероятно, в основе слова лежит глагол *эт* — 'издавать звук', сохранившийся, например, в тофаларском *э́т* — и тувинском *эт* — в значении 'издавать звук, кричать — о животных', в якутском языке *эт* — 'говорить — о человеке, куковать; греметь — о громае' и зафиксированный в древнетюркском языке *ät* — 'петь — о птицах').

II. Глагольная лексика:

кажай- (алт.), *хазар-* (хак.), *каһһар-* (тоф.), *ка-жарар-* (тув.) 'побелеть, поседеть; виднеться белым' (ср. кирг. *кашкай-* id., *кашка* 'белая отметина на лбу животных'; возможно, во всех этих словах общий корень **каш*);

кыйбың да- (туб.) 'двигаться, шевелиться', *хойбаң на-* (хак.) 'вилять, извиваться', *кыйпаң на-* (тоф.) 'двигаться зигзагами', *кыйпа-* (тоф.) 'отклоняться в сторону при движении', *кыбың на-* (тув.) 'ерзать, вертеться, шевелиться', *кыйба-* (тув.) 'отклоняться от цели; слоняться без цели', *куйбаң наа-*, *куймаң наа-* (як.) 'извиваться, вилять, вихлять';

калаң да (алт.) 'качаться, свисая, болтаться из стороны в сторону', *халбаң на-* (хак.) 'болтаться — об одежде', *һалаң на-* (тоф.) 'свисая, качаться из стороны в сторону, болтаться', *калбаң на* (шор., тув.) 'качаться, колебаться, болтаться от ветра', *халбаң наа-* (як.) 'сдвигаться с места; шататься';

мергеде- (алт.), *миргеле-* (хак.), *мерһеле-* (тоф.), *мергеле-* (тув.) 'кидать, швырять';

түл- (алт.), *дүл-* (тоф., тув.) 'класть мясо в котел для варки; варить мясо в котле';

тур- (тоф., тув.), *туур-* (як.) 'выбить, вышибить';

чымыра-, *чыбыра-*, *шымыра-* (алт.), *сыбыра-* (хак.),

сыбра- (шор.), *сымыра-* (тоф.), *сымыран-* (тув.) 'шептать';

йың ыла- (алт.), *чуң гула-* (тоф., тув.) 'скользить, кататься на чем-либо скользком'.

III. Прочие слова:

аамай (алт., тоф., тув.), *аң май* (шор.) 'ротозей', ср. *аң май-* (хак.), *амай-* (як.) 'ротозейничать';

мерге (алт., тув.), *мирге* (хак.), *мерһе* (тоф.) 'палка, бита';

соот (алт.) 'забава, развлечение, увеселение', *соот:* *чуга-соот* (тув.) 'разговоры', *соот* (тоф.) 'слово', ср. *сооттас-* (хак., чул.-тюрк.) 'говорить, беседовать';

коос (тел.) 'красивый; щеголь; украшение, убранство', *хоос* (хак.) 'рисунок, узор; украшение, вышивка', *куас* (бараб., чул.-тюрк.) 'франтоватый; красивый, видный', *каас* (тоф.) 'нарядный; узор, украшение', *каас* (тув.) 'нарядный, пышный';

эңир (тоф.), *эңир* (тув.), *үнүр* (як.) 'недавно';

эн: *эн эт* 'мышцы спины', *эн учук* 'спинные жилы' (алт.), *ээн:* *ээн эт* (тув.), *эн э́т* (тоф.) 'мышцы спины', *изн* (як.) 'нижняя часть спины от поясницы до крестца';

э́дир (тоф.) 'жировая подушка поверх желудка', *эдир* (тув.), *итир* (як.) 'сальник';

чырымһа (тоф.) 'болонь, пленка на мясе', *шырың ма* (тув.) 'пленка'; *сырың ма* (шор.) 'лишайник';

саат (теленгит.) 'яремная жила на шее', *саат* (тоф.) 'шейная жила', *саат* (тув.) 'сонная артерия';

аай (алт., тоф., тув.) 'порядок, суть, толк', *аанья* (як.) 'соразмерность, суть, толк';

адыш (тоф., тув.), *ытыс* (як.) 'ладонь';

чедирген (алт.), *шедірген* (тоф.) 'искра'.

Самодийские заимствования. Значительную часть специфической сибирской лексики составляют заимствования. Большой процент заимствований из мон-

гольских языков в тюркских языках Сибири выделяется Н.А. Баскаковым [1969] как классификационный для всей группы сибирских тюркских языков. Проблема монгольских заимствований в тюркских языках Сибири посвящена монография В.И. Рассадина [1980]. Интересный материал дает анализ заимствований из енисейских и самодийских языков [Попов, 1986].

Е.А. Хелимский [1982], анализируя самодийско-тюркские языковые параллели, выявил самодийские заимствования в якутском, не имеющие соответствий в других сибирских языках.

Так, вероятно, что к какому-то самодийскому источнику восходит якутское *хартыас* 'красная смородина' (> эвен. *kaptayās* [Сравнительный словарь..., 1975, с. 377]), **keptu* (ПС) 'смородина', *tut* (як., тув.) 'охотничьи лыжи (подбитые шкурой)', **tutə* (ПС) 'лыжи', отражено в эн. *tudo* и нган. *tutə*.

Но большая часть анализируемых самодийских заимствований представлена в южно-сибирских тюркских языках:

ПТ **gat* (или *kat*) 'ягода': алт., хак. диал. *qat*, тув. *kat* [Радлов, 1893—1911, т. 2, с. 275; Räsänen, 1969, S. 241; Clauson, 1972, p. 593—594; Тувинско-русский словарь, 1968, с. 231].

ПТ **kađi* 'сосна': тоф., тув. *xadji*, нижеинюсско-тюрк. *xaji* [Рассадина, 1971, с. 185], хак. (*qara*) *xazi* (койб. [Радлов, 1893—1911, т. 2, с. 151]), (*xara*) *xazji* (качин. [Русско-хакасский словарь, 1961, с. 814]), чув. *xir*, *xirā*; туркм. *kajj* 'сосна' как результат контаминации с *kajij* 'береза' [Räsänen, 1969, S. 218].

ПТ **kil* 'соболь' > общетюрк. **kiš*: др.-уйг., ср.-уйг., чаг., тув. *kiš*, як. *kis*, каз., хак. *kis*, тат. *kəš* [Räsänen, 1969, S. 272; Clauson, 1972, p. 752].

ПС **ki* 'соболь': эн. *sini*, сельк. *ši* [Clauson, 1972, p. 91], мат. *ki*, кам. *šili*, койб. *ssillae*, *sile* могут отражать ПС **kilz* или **kil'z*.

ПТ **tit* 'лиственница': др.-т. *tit*, як. *tuum*, тув. *dit* и др. [Räsänen, 1969, S. 479; Clauson, 1972, p. 449], ср. также сиб. тат. *tetayac* 'кедр'.

ПС **tiŋeŋ* 'сибирский кедр' ([Janhunen, 1977, S. 160] с реконструкцией **tiŋəŋ*), суффиксальный дериват

от основы **tit* < ПУ **siksi* (с реконструкцией ПУ **soksz/* **saksz*).

Якутские лексемы в ДАТЯ. Историческое изучение лексики тюркских языков проводится обычно по тематическим группам [Антонов, 1971; Мусаев, 1975; Ахметьянов, 1931], потому что «каждый из лексико-семантических разрядов слов обладает своими особенностями и возможностями в развитии значений» [Историческое развитие..., 1961, с. 4], но история лексики любого языка — это и история каждого слова, поэтому анализ изоглосс 20 якутских слов, собранных по Вопроснику «Диалектологического атласа тюркских языков СССР», представляет определенный интерес для истории языка.

По характеру изоглосс якутские слова можно разделить на четыре группы: 1) специфическая якутская лексика — изоглосса охватывает только якутские и долганские пункты; 2) якутско-огузские изоглоссы; 3) якутско-кыпчакские изоглоссы и 4) якутско-сибирские изоглоссы.

В первую группу входит 12 из 20 рассматриваемых слов, что само по себе говорит о большом своеобразии якутского языка. Это следующие лексемы: 'лоб', 'заяц (одно из названий зайца)', 'муха', 'сосна', 'медь', 'сват', 'дверь', 'войлок', 'сам', 'высокий', 'легкий', 'писать'.

1. Як. *sy:s*, долг. *hy:s* 'лоб' соответствует *jyz/jys* 'лицо' других тюркских языков. Такой перенос целого на часть произошел из-за наличия синонимического ряда *üyz* ~ *чирäй*, где *сирэй* (< *чирäй*) приняло на себя название лица [Левитская, 1976].

По материалам Атласа, в современных тюркских языках употребляется восемь различных лексем для названия лба: *maŋlaj*, *qamaq*, *alɣn*, *ŋikæ*, *peŋænæ*, *ŋ'am-ka*, *dostaq*, *sy:s*.

В центральной зоне (понятие центральной группы, включающей главным образом кыпчакские языки с охватом в разной степени юго-западных, юго-восточных и восточных (сибирских) языков, расположенной в географическом центре тюркских языков, ввел в своей работе К.М. Мусаев [1975, с. 336])

имеются различные фонетические варианты *maɣ-laj/maɣalaj/maɣdaj*. Слово является заимствованным из монгольских языков [Räsänen, 1969, S. 327; Doerfer, 1963]. В письменном монгольском слово встречалось со значениями и 'лоб', и 'авангард'; второе из них сохранилось в тувинском языке: *maɣlaj/maɣnaj* 'передовая часть войск, авангард', только в этом значении проникло это заимствование и в персидский [Doerfer, 1963, S. 501—502]. В якутском языке *maɣnaj* перешло в разряд наречий времени со значением 'сперва, сначала'. Специфическое сибирское употребление *qataq* в значении 'лоб' в якутском не проявилось [Демьяненко, 1982]. Только в одном из значений семантического комплекса лоб ~ пригорок ~ косогор ~ яр ~ берег ~ обрыв ~ веко ~ надбровная дуга ~ высокий берег реки..., свойственного слову *qataq* в разных языках, слово *хабах* сохраняется в якутском: *хаҕа хабаҕа* 'уступ горы' [Пекарский, 1907—1930, стб. 3214] (ср. як. *хабах* 'мочевой пузырь'; др.-т. *qar₁* 'сосуд, мех, бурдюк, мешок'; *qar₂* 'оболочка плодного пузыря' [Древнетюркский словарь..., 1969, с. 420]).

2. В якутском языке существует много названий зайца: *куобах, дьүдүлэкээн, табыскаан, хотонох, кылгас атах, туртас, амыдай, ньохоох, бодьойоон, ускаан, борооху*. Из перечисленных вариантов в материалах «Диалектологического атласа тюркских языков» представлены *куобах, табыскаан, усхаан, борооху*; остальные взяты у Э.К. Пекарского [1907—1930, стб. 3532] и А.Е. Кулаковского [1979, с. 412, 418]. Наиболее распространенный вариант, вошедший в литературный якутский язык, — *куобах* — в других тюркских языках параллелей не имеет. Но два других тюркских названия зайца — *tabɣsqa:n/tabɣsqa:n* и *хотонох* — связывают якутский с двумя основными ареалами названий зайца в тюркских языках: огузским и кыпчакским.

Употреблявшееся в рунических и уйгурских текстах название зайца *tabɣsyan/tavisyan/tavicyan* в современных тюркских языках сохранилось в гагаузском, азербайджанском, туркменском, узбекском, уйгурском и якутском языках, т.е. этот вариант оказался вытес-

ненным в маргинальные зоны, где в большей степени сохранились огузские черты: гагауз. *taufam, taufan, tawfam, tawfan, tufam; аз. deffan, do:fæn, dofan, do:ufan, daßfan, do:u:fæn; туркм. tofqa, towfon; уйг. tofqa; узб. twf'æn, twf'qan*. Попало это слово и в некоторые соседние кыпчакские языки: кумыкский (кайтакский диалект) — *taßıfan*, каракалпакский язык (южный диалект) — *tawfan*. Якутский язык сохранил это слово в наиболее древней форме с *-ɣ-*: *tabɣsqa:n/tabɣsqa:n*. Но в якутском это слово отмечено не во всех пунктах, нет его и в долганском языке. А.Е. Кулаковский определял его как кангаласское, а *хотонох*, соответствующее тюркскому *qoʃon ~ qvjan ~ xozan ~ qodan ~ hodan*, как абыйское. В материалах Атласа это слово в якутском языке не отмечено; уже Э.К. Пекарским [1907—1930, стб. 3532] оно характеризуется как старинное название зайца.

Анонимный составитель Терджуман (VIII в.) определил это слово как кыпчакское в противоположность туркменскому *tabısyān* (цит. по [Pritsak, 1955, S. 55]). Все древние памятники кыпчакских языков знают это слово, в то время как ни в рунических, ни в уйгурских текстах оно не встречается [Räsänen, 1969, S. 274].

Наличие этого слова в якутском языке говорит о каких-то древних якутско-кыпчакских контактах, так как в якутский это слово попало с закономерным *-t-* в соответствии с общетюркским *-j- ~ -t- ~ -d- ~ -z-* (др.-т. *-f-*). Ср. материалы по языку саянских горцев, записанные П.С. Палласом в «Зоографии» и приведенные в работе Е.А. Хелимского [1982, с. 31—32]: *chodda* 'заяц', мат. *choddan*, *кодан*, тайг. *choddan*, кар. *choddun, goton*.

В современных тюркских языках различные фонетические варианты этого слова занимают всю центральную и сибирскую зоны и вклиниваются в среднеазиатскую, вытесняя другие варианты, ср. хасар. *qoʃan/qujan*, узб. (карлукское и кыпчакское наречия) *qoʃan/qujan*.

3. Як. *saxsɣoɣa*; долг. *hagsɣerga* 'муха' можно сопоставить с др.-т. *čekurga* (у Махмуда Кашгарского дано с

пометой «огузское» [Древнетюркский словарь..., 1969, с. 645] 'саранча, кузнечик'; ср. осм. *чабыртџа* 'саранча'.

4. Як. *бэс* 'сосна' сопоставимо с тув. *пөш*, шор. *пэс*, атл. *мөш*, тоф. *бэж* 'кедр' [Антонов, 1971, с. 17—18; Рассадин, 1971, с. 89, 165]. В.И. Рассадин отнес это слово в тофском языке к лексике неизвестного происхождения. Употребляющееся в большинстве тюркских языков название сосны — *караҗай* — К.М. Мусаев [1975, с. 178] рассматривает как ареальное кыпчакское название, противопоставленное огузскому: гагауз. *tʃam*, аз. *şam aqadзъ*, *şam aqaj*, *şam*.

В сибирских тюркских языках слово *qarayaј* наблюдается в алтайском, шорском, а также хакасском языках (за исключением абаканского говора качинского диалекта и кызыльского диалекта). В якутском оно дало *харыйа* 'ель' [Антонов, 1971, с. 17; Мусаев, 1975, с. 161]. Особый ареал составляет употребляемое в тувинском, тофском языках, кызыльском и качинском диалектах хакасского языка, в чулымском и чувашском название сосны: *хадъ ~ hadъ ~ җара·уагъ ~ qara qa·zъ, qaraxa·zъ, хәр, хәрз*. Ср. (?) як. *хатыы* 'терн, всякое колючее растение'; а также нен. *хады* 'ель', тайг. *kat* 'ель', кар. *kat, gatt*, мат. *ehat* [Рассадин, 1971, с. 185; Хелимский, 1982, с. 38].

5. Специфическим якутским названием меди является *altan*; это слово отличается от известного во всех тюркских языках *altun ~ altın*... 'золото' не только семантикой, но и огласовкой (широкий гласный во втором слоге), сближающей якутский вариант с монгольскими *алт(ан)* и тунгусо-маньчжурскими вариантами: эвенк. *алтан*, сол. *алтā*, нан., ульч., удэг. *алта(н)*. Изменение значения в якутском языке, вероятно, позднего происхождения; в эпосе *алтан* употребляется в значении 'золото, золотой' [Пекарский, 1907—1930, стб. 82]. Возможно, что это изменение произошло под влиянием тунгусо-маньчжурских языков; у дальневосточных эвенков и в негидальском языке *алтан* означает 'медь' [Цинциус, Бугаева, 1979, с. 19—20]; ср. также общую семантическую модель для обозначения золота — як. *кыһыл көмүс* 'золото' (бук-

вально 'красное серебро') и эвенк. вост. *һуларинмэн ун*, нег. *халайин мэн ун* 'золото' (буквально 'красное серебро') [Там же, с. 23].

Красная медь по-якутски называется парным словом *dʒes altan* (*ʃʒes* < монг. *ʒes*). Употребление *hʒes* в значении 'красная медь' свойственно монгольским и некоторым сибирским тюркским языкам: шор. *hʒes*, тув. *hʒes* (при шор. *qola*, тув. *χola* 'желтая медь'), что противопоставляет их остальным тюркским языкам, где в значении 'красная медь' выступает *baqʁr*, а *jes ~ zez* имеет значение 'желтая медь, латунь'. Следы существовавшей в якутском языке общетюркской семантической системы в названиях меди В.И. Цинциус считает як. *сисии-* (*сихии-*) 'окрашивать в красный цвет', *сисик* 'ольха' (кору которой употребляли для окрашивания в красный цвет), *сисикта* 'окрашивать, окровавливать' [Пекарский, 1907—1930, стб. 2248—2249; Цинциус, Бугаева, 1979, с. 28].

6. Наряду с заимствованным из русского языка словом *свѣт* 'сват' в якутском языке в значении 'лицо, сватающее кого-либо' употребляется собственно якутское, не имеющее параллелей в других тюркских языках *svɛrvmhʒv*, *svɛrvmhv*, *hvɛrvmhv*; долг. *hʒ·rvmhʒv*: '1) посланник, посол, вестник, гонец; 2) сват, сваха, сватанье'. Семантический комплекс здесь такой же, как, например, *elči* 'посол' → 'вестник' → 'сват' [Севортян, 1974, с. 350—351].

7. *А:п* — 'дверь' — означает в якутском языке также 'вход, проход, отверстие, ворота, проем, устье...'. В значении 'проем, проход, отверстие, шель...' оно имеет тюркские и монгольские параллели [Антонов, 1961, с. 29; 1971, с. 90; Севортян, 1974, с. 82].

8. В якутском не сохранились тюркские названия войлока *kljls...* ~ *kli:s* (сибирская и центральная зоны) и *ketʃʼa...* (юго-западные языки и чувашский), так как с утратой овцеводства была забыта и эта реалья: як. *бэ:λ:эх* < рус. *войлок*.

9. Як. *beje* 'сам, «Я» человека, личность, особа, существо, тело, туловище' < монг., монг. письм. *beje*, калм. *bē, bijə*, халх. *bijə*; бур. *beje* 'тело, сущность' [Kałużyński, 1961, S. 40; Рассадин, 1980, с. 67]. Ср.

др.-т. *bod* 'тело, существо' (> сиб. тюрк. *pət ~ pos ~ pəj* 'сам') > монг. 'особа, фигура' > як. *бодо* 'своеобразный вид, физиономия'.

Древнетюркское *əz*, сохранившееся почти во всех тюркских языках, за исключением сибирских (*pəj...*), карачаево-балкарского, гагаузского и чувашского (*k'es, k'endi, ɣam*), сохраняет в якутском более старое, конкретное значение 'центр, середина, сердцевина дерева' [Севортян, 1974, с. 507].

10. Якутский и долганский выражают понятие 'высокий' разными способами: в долганском используется слово *vhyv* (ср. *vzv/vs:vn* в диалектах алтайского языка туба, кумандинском, челканском, теленгитском с тем же значением), которое в якутском имеет значение 'длинный, долгий (о пространстве и времени)'. В значении 'высокий' в якутском языке употребляется *yrdyk*, ср. др.-т. *örkü*: '1) находящийся вверху, занимающий высокое положение; 2) сверж'; *örü* 'вверху, вверх' [Древнетюркский словарь..., 1969, с. 389—390]. Широко употребляющаяся в большинстве тюркских языков лексема *pɪlɪk/mv:zɪk/pɛɪk* в якутском языке в каком-либо значении не отмечена [Исхаков, 1962, с. 219].

11. Якутский и долганский варианты *hɛpɪhɛkɪ, hɛbɛkɪ, hɛpɪhɛkɪ* 'легкий' не имеют параллелей в других тюркских языках. Судя по наличию *hɛ-*, слово не принадлежит к древнейшему тюркскому слою якутской лексики.

12. Во всех тюркских языках, кроме сибирских, употребляются различные фонетические варианты *jaz* 'писать'; это слово появляется в средневековых тюркских памятниках (XI—XIII вв.). Г. Клаусон определил его как огузское, но очень древнее слово (см., например, древнее тюркское заимствование в венгерском *ír* 'писать') [Clauson, 1972, р. 984]. Употреблявшееся в этом значении в рунических текстах *biti-, bit-* 'вырезать надпись, писать' в тюркской огласовке сохранилось только в огузском и карлукском наречиях узбекского языка (*bit-*) и в уйгурском (*pýt-*). В алтайский (алтай-кижи и телеутский) и тувинский языки это слово попало уже через монгольский: *pɪhɪl, pɪzi*. В

якутском оно сохранилось в монгольском оформлении как элемент парного слова *сурук-бичик* 'письменность'.

Якутское слово 'писать' *svryj-* (долг. *hvyryj-* < монг.; монг. письм. *žiru-, žuru-*, бур. *zura-*, халх. *džurb-*, орд. *džuru-* 'рисовать, чертить') относится к древнейшим монгольским заимствованиям, в которых монгольский *ž-* и *č-* перешли в *s-* [Poppe, 1959, S. 683]: монг. *žiru-* (< ?), тюрк. *jaz-* [Räsänen, 1969, S. 193; Clauson, 1972, р. 984] (о бурятском происхождении монгольских заимствований такого типа см. [Kalužynski, 1961, S. 126; Рассадин, 1980, с. 79]).

На основе рассмотренного материала можно сделать вывод о том, что специфика этой группы якутской лексики сформировалась в результате: 1) прямого лексического заимствования из других языков ('войлок', 'сам', 'писать'); 2) «сдвигов» значения общетюркской ('лоб') или межтюркской ('муха', 'сосна') лексики при наличии синонимического ряда или под влиянием и по семантической модели языка-субстрата или адстрата ('медь'); 3) образования собственно якутской лексики по тюркской семантической модели, но при других словообразовательных и лексических средствах ('сват', 'высокий', 'заяц').

По своим морфологическим особенностям якутский язык ближе всего стоит к языку орхонских памятников (настояще-будущее на *-ap*, причастие на *-tax* < др.-т. *-мыш* [Убрятова, 1960в, с. 2—3]), т.е., по классификации Н.А. Баскакова [1969, с. 318], к древнеогузскому языку. Но специфическая огузская лексика, характерная для современных юго-западных огузских языков, в якутском отсутствует (например, *курт* 'волк' вместо *бөрө*, *алын* 'лоб' в противоположность *маңлай*, *кабак*; *карымджа* 'муравей' вместо *кумурсха* и т.д.).

Во второй группе можно выделить три слова, которые связывают якутский и огузские языки.

1. Специфическое огузское название зайца *tabɪsqɑ:n* (см. выше).

2. Слово *bul-* в значении 'находить' встречается в старейших текстах, а из живых языков — только в

турецком, гагаузском, караимском и якутском, во всех остальных языках — *tap-/tab-* [Севортян, 1974, с. 252; Clauson, 1972, р. 335, 435; Древнетюркский словарь, 1969, с. 533].

3. Слово *ънах/ънақ* 'корова' связывает якутский язык не только с юго-западными (огузскими), но и с сибирскими, из которых только диалекты сибирских татар (*səjər, t̪səqar, s̪:jər*) и некоторые алтайские диалекты — телеутов, алтай-кижи, бачатских телеутов и туба имеют другие лексемы со значением 'корова' (*ʏj ~ vj*, в туба также *//inɛk* [Щербак, 1961, с. 97; Севортян, 1974, с. 359; Широбокова, 1978]).

Еще более условно можно выделить якутско-кыпчакские изоглоссы.

1. 'Муравей'. В материалах атласа употребляется десять наименований муравья, но лишь четыре образуют межъязыковые ареалы. Из них три отмечены уже в древнетюркских памятниках: вариант *qarīnča, qarīn-čak*, употребляемый сейчас только в южных (огузских) языках, встречается у Махмуда Кашгарского с пометкой «огузское» [Древнетюркский словарь, 1969, с. 647]; другой вариант, *qumursya*, наблюдается уже в рунических текстах VIII в. (Гадательная книга) [Bang, Gabain, 1929], но в более поздних текстах иногда определяется как кыпчакское слово [Clauson, 1972, р. 662]. В современных тюркских языках этот вариант образует обширный ареал, охватывающий карачаево-балкарский, ногойский, кумыкский, татарский, башкирский, каракалпакский, узбекский, киргизский, казахский, чулымский, хакасский, тувинский, тофский, теленгитский, шорский, якутский языки, диалекты сибирских татар.

Третий древний вариант названия муравья, *t̪ʃʷətaɬ...*, который в словаре Махмуда Кашгарского охарактеризован как чигильский [Древнетюркский словарь, 1969, с. 645], образует очень интересный ареал, охватывающий карлукское наречие узбекского языка, южный диалект киргизского и алтайский язык. Четвертый ареал можно назвать телеутским — он включает в себя телеутский диалект, диалект бачатских телеутов, эуштинский говор томского диалекта и калмакский говор томского диалекта — *kyzyrym*.

2. 'Волк'. Из многочисленных названий волка, известных в тюркских языках, наиболее древнюю фиксацию имеет *bəri*, оно отмечено в китайских источниках для языка тоба в 436—557 гг. [Pritsak, 1955, S. 56] и для языка туюку в 628—807 гг. Слово *kurt*, характерное для современных юго-западных языков, уже в словаре Махмуда Кашгарского имело помету «огузское» [Древнетюркский словарь, 1969, с. 647]. Ареал *bəri/bory...* очень велик, он охватывает карачаево-балкарский, ногойский, кумыкский, татарский, башкирский, туркменский (кырачский и геокленский диалекты, где также *//mæ:dʒek/gü::rt*), каракалпакский, узбекский, киргизский, казахский и все тюркские языки Сибири.

Эти примеры свидетельствуют скорее не о якутско-огузских или якутско-кыпчакских контактах, а о длительной изоляции якутского языка от тюркского мира, так как эти особенности сформировались как огузские или кыпчакские уже гораздо позже, далеко на западе от мест обитания якутов [Гаджиева, 1979, с. 204—211]. В якутский же язык во всех четырех рассмотренных случаях вошли наиболее древние лексемы.

Попытка выделить общесибирские изоглоссы, которые включали бы и якутский материал, привела к выводу о том, что в данном случае якутско-сибирская общность выражается скорее в отсутствии каких-либо общетюркских слов, например: 1) отсутствие одного из элементов пары: 'борода' — 'усы', якутский и долганский в обоих значениях употребляют *bətək* < др.-т. *bītik*, аз. *моты* и т.д., а все остальные тюрки Сибири, кроме сибирских татар, в значении 'усы' и 'борода' употребляют разные фонетические варианты *saqal ~ sa:l* — аз. *саггал*, каз. *сақ ал* 'борода' < др.-т. *sagab*; 2) отсутствие общетюркского *əz* в значении 'сам'; 3) отсутствие общетюркского *jaz* в значении 'писать' и т.д.

Этимологически однокоренные слова в якутском языке. Яркой особенностью якутской лексики является наличие этимологически однокоренных слов.

В якутском языке имеется довольно большая группа слов, включающих этимологически идентичные

корни — одни из них унаследованы от какого-то древнего тюркского языка, который лег в основу якутского, другие попали из различных монгольских и тюркских языков. Например: як. *сулү* 'калым' < др.-т. *juluu* 'выкуп'; як. *толук* 'возмещение, возполнение убытков' < монг. *doliu* 'выкуп' [Kałużyński, 1961, S. 28]. Ср. як. *дьоллүк/дьэллик* 'бродяга' < монг., калм. *zoliq* (**zoliy*), халх. *дзолук* 'выкуп, фигурка из теста, а иногда человек, которым больной откупается от духов'; як. *сас-* 'прятаться, скрываться' < др.-т. *jaš* 'скрываться'; як. *далда* 'щиток, охотничий снаряд для скрадывания зверя' < монг. *dalda* 'тайный, незаметный', ср.-монг. *dalda* 'защита, ширма'. Из монгольского это слово попало и в другие тюркские языки: кирг. *далда*, *далдā* 'прикрытие', чаг., крым.-тат. *далда* 'задняя сторона, защита' [Porre, 1960, S. 22—23].

Чаше других фонетических соответствий в таких словах встречается соответствие среднеязычных смычных и с: *с/ø*, *ч/с*, *дь/с*.

1. В якутском языке анлаутный *с* выпал на ранних этапах развития языка (предположительно VIII—X вв.) через ступень *с- > h- > ø*. В заимствованиях из монгольских языков XII—XVI вв. *с-* регулярно сохраняется. Поэтому основам с *ø-* могут соответствовать этимологически однокоренные слова с анлаутным *с*: 1) як. *саба*, *сыба* 'мазать, обмазывать' < бур. *шаба* 'подмазывать'; як. *агаа* 'мазать' < др.-т. *suva-* 'обмазывать, мазать'; 2) як. *саба* 'махать, ударять, дуть' < монг. *саба* 'ударять'; ср.-тюрк. *саваш*, *согыш* 'битва, драка' > як. *охсууу* 'битва'; 3) як. *огус* 'ударять, бить'; др.-т. *soqis* совместная форма от *soq-* 'бить, толочь'; як. *согох* 'пест' < *согак*, *соок* 'ступка'.

2. Древнетюркский *ч* в якутском языке перешел в *с*, сохранившись лишь в анлауте некоторых аффиксов в сочетании с другими согласными и в том случае, если он был долгим. Монгольские *ч* и *дь* регулярно сохраняются, поэтому распространенным соответствием является *с/ч* и реже *чч/дь*: 1) як. *уһа* 'задняя часть туловища животного', ср. кирг., алт. *учкаш*, тув. *уш-каш*, хак. *усахс* 'садиться верхом на одно верховое животное', т.е. ехать на крупе. *Учкаш* можно связать с

глаголом *оч* 'сидеть'. Л. Иоки сближал глагол *учкаш* с *уча/уужа* 'задняя часть, крестец, спина' [Севортян, 1974, с. 613]. Як. *удьунах* 'задняя часть бедер' < монг., халх. *ögädzäg*, калм. *ödöd* 'бедро, задняя часть бедра' [Kałużyński, 1961, S. 66]; 2) як. *иччи* 'владелец, хозяин, владыка, хранитель, дух-властелин — особый род существ, пребывающих в определенных предметах и явлениях природы' < др.-т. *iti*, *idi* 'хозяин'. Якутскую форму В. Банг возводит к *idi* через *ii*, *idi-si* > *iizi*, откуда *iz/čč* [Севортян, 1974, с. 239]. Як. *эдьиэн/эдьэн* 'важный, почтенный' в сказках стоит наряду с хан. Хан Иэйэхсит Эдьиэн айыы — миролюбивый дух, миротворное существо < монг. *ežen* 'хозяин, владелец'.

3. Древнетюркскому анлаутному *й* в якутском языке регулярно соответствует *с*, а монгольским *й* и *дь* — *дь*. Это одно из самых распространенных соответствий в этой группе слов: 1) як. *сага* 'ворот, край, граница' < тюрк. *jaga*, *jaka* 'воротник, берег, край, граница', як. *дьага* 'край' < монг. *дьака* 'край, берег, воротник'; 2) як. *сүүс* 'лоб' < др.-т. *jüz* 'лицо'; як. *дьуһун* 'внешний вид' < монг. *žisun*, халх. *dzuiss* = др.-т. *jüz*; 3) як. *сум* 'голод, бескормица' = монг. *žut*. Ср.-монг. *zūde*, калм. *zūdā*, бур. *zuidere* 'быть худым, истощенным' > як. *дьүүдьэй* 'тощать, худеть, сохнуть'.

Такое совпадение в одном языке разнооформленных однокоренных слов связано с тем, что якутский язык прошел через несколько этапов развития фонологической системы, в частности среднеязычных и *с*. Первый этап — это состояние фонетической системы, близкое к тому, которое зафиксировано в орхонских памятниках. О существовании на этой стадии анлаутного *й* можно судить по таким фактам, как названия якутов другими народами: «йако-л» у эвенков и «якуты» у русских. Русская форма, по предположению Д. Банзарова, является монгольской формой множественного числа от древнего самоназвания якутов — *йака*. Ср. также такие слова, как *быыйыл* 'этот год, минувший год; в этом году, в минувшем году' и *эһиыл* 'будущий год, в будущем году'. В первом случае корень *йыл* зафиксирован в *й*-стадии, во втором — в *ich*-лаутной. Но переход твердоядных гласных в мяг-

корядные, возможно, по предположению В.М. Наде-
лева, объясняется *ich*-лаутной стадией развития *й*.

В течение первого этапа *s- > h- > ø-*, затем *ç- > s- < č-* (см. примеры (1)).

На третьем этапе развития якутский язык испы-
тал мощное влияние какого-то монгольского языка. В
него проникают *ч* и *дь*, и в результате взаимодей-
ствия целого ряда факторов формируется система сред-
неязычных смычных. Хронологические рамки этого пе-
риода — XII—XVI вв. (см. примеры (2), (3)).

На четвертом этапе происходит субституция рус-
ского и эвенкийского *й* якутским *дь*.

Монгольские слова, попавшие в якутский язык до
третьего периода, оформлялись по действовавшим в
древнеякутском языке фонетическим законам и не ме-
няли его звуковой системы. А так как якутский язык
испытывал монгольское влияние неоднократно, то фо-
нетические соответствия наблюдаются и в монголиз-
мах: *сүк* 'взваливать кого-либо или что-либо себе на
спину, поднимать на себе, поднимать вверх' < др.-т.
jūk 'кладь, выюк, тяжесть' = монг. *žuge, žöge*, ср.-монг.
žu'e, žö'e 'перевозить, грузить' → монг., бур. *zöse*, орд.
öb dzöši 'имение, имущество'. Эта основа, попав в
якутский язык до третьего этапа, дала слово *сүдһү*
'рогатый скот'; ср. значение тюрк. *мал* '1) имущество,
товар; 2) скот'. На третьем этапе в якутский язык из
монгольского вошло слово *дьүккүй* 'вытянув шею впе-
ред и книзу, настойчиво и беспрерывно тянуть, т.е.
вести'.

Во многих случаях якутские монголизмы, в свою
очередь, были заимствованы монгольским из тюрк-
ских языков: 1) як. *икки* 'два' < тюрк. *еки* > прототюрк.
ekiz 'двойня' > протобулг. *ikir* > монг. *ikire* 'близне-
цы' > як. *игирэ* 'близнецы, двойня' [Рона-Таш, 1974];
2) як. *дьагыл* 'лошадиная масть: с большими пятнами
на лопатках и шее' < бур. *загал* 'с пятнами на шее и
на лопатках'; ср. др.-т. *jayirI* 'ссадина на спине вер-
хового животного от седла' (*jayirI* 'лопатка' > як. *са-
рын* 'лопатка'). Соответствующая монгольская форма
имеет в анлауте *д*: *dayari* < **dağari* 'спина, стертое
седлом место на спине'.

Сложные разновременные процессы языкового
смешения привели к образованию в якутском языке
группы разнооформленных, но этимологически од-
нокоренных слов. Что же касается их семантики, то
исходя из проанализированного материала трудно го-
ворить о какой-либо четкой направленности измене-
ния значений монгольских заимствований в лекси-
ческой системе якутского языка. Значения тюркского
и монгольского по происхождению слов могут почти
полностью совпасть. Это мы видим в основах типа
сыл/дьыл, сага/дьага. Монгольское слово может вы-
теснить тюркское, оставив за ним лишь очень узкую
область употребления (например, так случилось с *су-
луу* 'калым'), либо сам монголизм почти полностью
утрачивает свою семантику и его можно понять толь-
ко в составе определенных выражений (*эдьиэн*). При-
чины таких изменений, выделение разных типов пе-
рестройки семантических соотношений между монго-
лизмами и тюркизмами представляют большой инте-
рес и для лексиколога, и для историка якутского
языка, и для тюркологов вообще.

В южно-сибирских тюркских языках наличие та-
ких этимологически однокоренных слов пока не вы-
явлено, но они представлены в таком маргинальном
и сильно смешанном языке, как чувашский.

То, что в якутском языке присутствуют разноре-
менные, попавшие из разных источников этимологи-
чески однокоренные лексемы, говорит о его смешан-
ном характере.

Такое же явление — наличие фонетических вари-
антов, возникшее благодаря многократным и разно-
родным контактам с носителями различных тюркских
языков — характерно и для чувашского языка. Чуваш-
ское слово может иметь дублиеты и даже триплеты,
возникшие в результате языкового смешения [Ах-
метьянов, 1978, с. 114—115]:

Древнечувашский	Заимствования из кып- чакских языков	Заимствования из та- тарского языка
<i>алак</i> 'дверь' <i>кӑн, хӑн</i> 'разгибай- ся, выпрямляйся'	<i>ашак</i> 'циновка' <i>кун, кӱн</i> 'выпрям- ляйся, соглашайся'	<i>ишек</i> 'дверь' <i>кун</i> 'соглашайся'

Древнечувашский	Заимствования из кыпчакских языков	Заимствования из татарского языка
<i>пар</i> 'дать'	—	<i>бир</i> 'дать'
—	<i>пер</i> 'ударить'	<i>бэр</i> 'ударить'
<i>пах</i> 'смотреть'	—	<i>бак</i> 'смотреть, высматривать'
<i>чён</i> 'жизнь'	<i>тән</i> 'дыхание'	<i>тын</i> 'дыхание'

Таким образом, говорить об общесибирских изоглоссах в области лексики на том уровне исследования, которым мы располагаем в настоящее время, еще сложно. Сибирская общность, противопоставляющая сибирские языки другим тюркским языкам, возникает за счет наличия общего или подобного субстрата и суперстрата, общих или сходных языковых контактов.

Морфологические общесибирские изоглоссы: -а илик

В области глагольной морфологии общесибирскую изоглоссу образует причастие на -а илик ~-галак, которое присутствует в якутском, хакасском, шорском, чулымско-тюркском, тувинском, алтайском языках, в барабинском диалекте сибирских татар и за пределами Сибири в киргизском языке. Особенности его семантической структуры (значение еще не совершившегося действия) и соотнесенность с сибирским ареалом позволяют принять гипотезу о его возникновении под влиянием монгольских языков, которые знают формы с подобной семантикой. Источником этой формы в тюркских языках Сибири скорее всего является древнекыргызский язык, так как именно он дает достаточно данных для непротиворечивой этимологии этой формы (наличие модальной отрицательной частицы *elek*). Для якутского языка и других языков Южной Сибири эта форма может рассматриваться как результат влияния древнекыргызского языка или контактного развития древнекыргызского и древнеякутского языков на каком-то ограниченном этапе.

В якутском особое наклонение — это достаточно широко употребляемая форма, сохраняющая специ-

ческую семантику: действие еще не произошло + действие должно произойти. Ориентированное на план прошедшего времени, оно является наклонением не-совершившегося действия.

Кроме якутского эта форма в системе глагола присутствует в сибирских языках: хакасском, тувинском, шорском, чулымско-тюркском, алтайском и в языках, исторически тесно связанных с Сибирью, — киргизском и языке фу-юйских киргизов.

В диалектах сибирских татар она употребляется в барабинском диалекте, но уже как связанная причастно-падежная форма на -галак-та. По употреблению она близка к деепричастию на -ган-чы, сочетанию -мас борон и передает действие, предшествующее основному действию: *Угуын петергэлэктэ иргэ гитте* 'Вышла замуж, не окончив учебы'; *Алтымышка йеткэлэкт-тэ үлөп куйты* 'Умер, не дожив до шестидесяти'.

Но эта же форма стала базой для формирования будущего ожидаемого действия, выражая близкие к моменту совершения, но еще не совершившиеся действия: *Мин абылтан киткэлэкмен* 'Я еще не уехал из деревни'; *Сес гурытка паргалакма?* 'Вы еще не ездили в город?'

В составе единичных прилагательных этот аффикс встречается в башкирском языке и в заказанском говоре татарского языка: *қачқалак* 'убегающий', *көйгелек* 'беспокойный' [Юсупов, 1985, с. 82].

Ф.Ю. Юсупов центром ареала форм на -галак считает тувинский, алтайский, хакасский языки, дальше изоглосса охватывает якутский и киргизский. Барабинский диалект образует зону вибрации. На границе тоболо-иртышского диалекта изоглосса -галак-та/-галак затухает [Там же, с. 83].

Нужно добавить, что эта форма известна и фу-юйским киргизам. Это особенно значимо, так как исследование Э.Р. Тенишева показало, что фу-юйские киргизы — это осколок енисейских киргизов. Они отделились от основной группы киргизов во второй половине XII в. Сохранившийся в преданиях фу-юйских киргизов топоним «Алтай», который понимается ими как прародина, истолковывается Э.Р. Тени-

шевым как название местности Алтай на крайнем востоке Хакасии юго-восточнее Абакана. Там сейчас проживают качинцы и койбалы. На основании данных этого языка можно судить о языке енисейских кыргызов XVI—XVII вв.

Кыргызский язык, взаимодействуя с языками разных племен, образовал хакасский язык со всеми его диалектами. Через кызыльский диалект хакаского языка язык енисейских кыргызов участвовал в формировании языка чулымских тюрков. Язык фу-юйских кыргызов обнаруживает близость с шорским и сарыг-югурским языками.

Генетические связи существуют между языком лобнорцев и северными (более архаичными) говорами киргизского языка [Тенийшев, 1997, с. 456]. С.Е. Малов писал, что «язык желтых уйгуров и лобнорцев можно объединить, приняв во внимание многие внешние условия этих народов, которые и наложили на их язык свои черты. Это два древних языка, а язык лобнорцев есть древний разговорный язык древних киргизов» [1956, с. 5]. Решению этого вопроса препятствует ограниченность языковых данных, так как к тому времени, когда он стал доступен исследователям, он быстро подвергся ассимиляции со стороны уйгурского языка [Тенийшев, 1995, с. 232], а это не дает возможности определить, была ли в нем форма на *-галак*.

Ареал форм *-галак/-а* илик связан с территорией распространения языка древних кыргызов и с теми языками, на которые он оказывал влияние. Из современных сибирских языков не знает этой формы тофский. Но проведенное В.И. Рассадным [1978, с. 275] сопоставление собранных им данных по тофскому (тофаларскому) языку с данными М.А. Кастрена, полученными в 1847 г., показало, что тофский язык эту форму утратил.

Второе положение, которое нужно учесть при толковании этой формы, это наличие форм с такой же семантикой в монгольских языках. В монгольских языках есть причастие, которое А. Бобровников [1849, с. 136—137] назвал причастие настоящее прошедшее

неоконченное, в современных монгольских грамматиках его называют причастием настоящего времени. Отмечено оно и в памятнике XVII в., летописи «Алтан тобчи» («Золотой свод»), написанной монахом Лувсан Данзаном. Летопись была обнаружена в 1926 г. и известна по единственному найденному в Монголии списку. Хотя сама рукопись относится к XVII в., исследователи-монголоведы пришли к выводу о том, что автор имел в своем распоряжении древние монгольские тексты, возможно и текст «Сокровенного сказания», написанный на уйгуро-монгольском алфавите и не сохранившийся, но именно такой текст использовался для фонетической записи «Сокровенного сказания» китайскими иероглифами [Орловская, 1984, с. 15]. М.Н. Орловская выделяет в языке этого памятника причастие на *-y-a/-d-e*, происхождение которого Г.И. Рамstedт и В.Л. Котвич [Котвич, 1962, с. 302—304] связывали с тюркским суффиксом деепричастия на *-a*.

В положительной форме это причастие обозначает действие, которое началось в прошлом и продолжает существовать в последующем отрезке времени: *Ejen noyirsay-a ajuu* (АТ, т. 2, с. 51) 'Государь еще (оказывается) почивал' (т.е. продолжал спать). Причастие *niyirsay-a* указывает на то, что начавшееся в прошлом действие еще продолжается в тот момент, о котором идет речь. Связка в прошедшем времени *ajuu* показывает, что действие является прошлым по отношению к моменту речи.

Автор отмечает, что положительная форма этого причастия в предикативной функции встречается редко, чаще наблюдается отрицательная форма с отрицательной постпозитивной частицей *dui/edui/edüküi*: *Ejen minu jeb qadayadui bile* (АТ, т. 1, с. 101) 'Государь, [я] еще не пристегнул [колчан со стрелами]'. В таких случаях причастие обозначает, что действие еще не произошло, но его совершение ожидается. Эта отрицательная форма нередко употребляется и в обстоятельственной функции. Она обозначает:

а) действие, не совершавшееся в прошлом: *Buyan Sečen qayan-u köbegün Mangyus tayiji qan orun sayuyadui*

nöğčibe (АТ, т. 2, с. 185) 'Сын Буян Сэгэн-хагана Мангустайджи скончался, еще не сев на ханский престол';

б) еще не совершившееся, но ожидаемое: *Činggis qayan-i bosuy-a edui orun dotura бүкүй-дүр...* (АТ, т. 2, с. 47) 'Когда Чингиз-хаган, еще не вставая, находился в постели...';

в) ожидаемое, но прерванное каким-либо другим действием: *Ögelen eke-yi dongyaduy-a edui Börte üjin ögülerün* (АТ, т. 1, с. 66) 'Матушка Огелен еще не промолвила и слова, как Бортеуджин сказала...';

г) еще не совершившееся в какой-то момент прошлого, когда уже имело место другое действие: *Čayadai čimai-yi törüge edui olan qaračus-i quray-a edui qan ečige-dür činu küčün öggür-ün bi* (АТ, т. 2, с. 63) 'Когда ты еще не родился, Чагадай, и еще не собирался народ, я уже служил твоему отцу'.

Отрицательная частица *edüküi* может принимать показатель местного падежа (ср. *галак-та*) *edüküi-e*: *Quildar yaran-ıyan anay-a edüküi-e... gögrögesün-dür dobtulqu bolun ügderejü nöğčibe* (АТ, т. 1, с. 136) 'Когда рана еще не зажила, Хуйлдар погнался за антилопой, [рана] обострилась и [он] скончался'.

Это отрицательное причастие может выступать и в определительной функции. Оно характеризует предмет с точки зрения действия, которое еще не произошло, но должно произойти: *Namai-yi kürüge edui irgen-dür Kürtügei Qamuy-a edui irgen-i qamuyai* (АТ, т. 2, с. 88) 'Пусть дойдет до народа, до которого еще не дошел я! Пусть соберет воедино еще не собранный народ!'

Эта форма могла субстантивироваться и употребляться как прямое дополнение: *üjedüi-yi üjegülügči* (АТ, т. 2, с. 128) 'Позволяющий увидеть еще не увиденное' [Орловская, 1984, с. 132—133].

Эта форма причастия настоящего времени [Там же, с. 8] с отрицательными частицами *-гүй*, *-дүй* (< монг. письм. *üdei*, *edui*) употребляется в современном монгольском и бурятском языках, в калмыцком вместо причастия настоящего времени используется разделительное деепричастие с частицей *уга* 'не': *бо-*

лад уга хот 'пища, которая еще не сварилась', *э дгад уга шарх* 'еще не зажившая рана' [Пюрбеев, 1993, с. 141].

Сопоставление моделей с причастиями *-aa-гүй-дэ* и *-aa-дүй-дэ*, проведенное Е.К. Скрибник [1988, с. 63], показало, что эта форма причастия с дательным падежом создает модель со значением предела во времени с отрицательной частицей *гүй* 'пока (не)', образуя форму зависимого сказуемого *-aa-гүй-дэ*. В зависимости от того, отрицательная или положительная форма глагола стоит в главном сказуемом, складывается семантика начального или конечного предела во времени: *Эсэгынгээ ер-ээ-гүй-дэ гэрһээн бү гарагты* 'Пока отец не придет, из юрты не выходите'; *Боро хараан бол-оо-гүй-дэ хото хорёогойнгоо саһа хашиш* 'Пока не наступили сумерки, смети снег в ограде'.

Модель с семантикой предшествования образуется с помощью второй отрицательной формы причастия на *-aa* с показателем *-дүй* 'еще не' *-aa-дүй-дэ//* - 'пока еще не'. Отличие в семантике заключается в том, что событие, обозначенное формой с аффиксом *-дүй*, ожидается с уверенностью [Скрибник, 1988, с. 63].

Г.Д. Санжеев называет эти частицы именем-отрицанием. В ходе исторического развития монгольских языков препозиционные отрицательные частицы *есе* начали постепенно заменяться именами-отрицаниями. При чем причастие настоящего времени с отрицанием выражает такое ожидаемое действие, которое еще не совершилось [Санжеев, 1964, с. 85].

Наличие форм, совпадающих по специфической семантике в контактных языковых ареалах, не может быть случайным. Трудно говорить о направленном влиянии, но в монгольских языках форма остается семантически прозрачной, и это можно использовать при анализе тюркской формы. Первым компонентом монгольской формы выступает причастие настоящего (прошедшего незаконченного) времени + имя-отрицание с семантикой 'еще не'. Причастная форма может смениться на деепричастную (калмыцкий язык). Эта структурная схема присутствует и в тюркских формах.

Первый компонент конструкции — аффикс, оформляющий глагольную форму в тюркологических работах, — объясняется как деепричастие на *-а* в якутском и киргизском языках или причастие на *-гу* в южно-сибирских [Щербак, 1981, с. 178] или *-иг/-ик/-ук* [Сат, 1955, с. 79]. Компонент *-лык* Р.М. Бирюкович [1981] и Ф.Ю. Юсупов [1985] объясняют как аффикс *-лык*.

Д.М. Насилов [2000] в статье, посвященной этой форме, анализирует этимологию, предложенную И. Бенцингом, который возводил ее к аналитической конструкции **ган + элз + йок*. Эта гипотеза позволяет объяснить конструкцию второго, наиболее темного компонента.

Усилительная частица *элз* очень употребительна в киргизском языке. Она может быть сопоставлена с общетюркской частицей *ла* (*элз < э + лэ*). Это говорит о наличии в значении данной формы семы усиления, которая передается при переводе словом «еще».

Использование *йок* как отрицания при глагольных формах отмечается в языке желтых уйгуров, чулымско-тюркском языке [Тенишев, 19766, с. 86, 140; Бирюкович, 1981, с. 46—58]. Таким образом, структура этой частицы в якутском и киргизском языках — (*элз + йок > элек/илик*). Она сочеталась с причастной формой на *-гу* (или глагольным именем на *-иг*) или деепричастной формой на *-а* [Насилов, 2000, с. 59]. В южно-сибирских языках аналитические конструкции синтезировались, что вполне отвечает тем процессам, которые свойственны данному ареалу.

Центром образования этой формы в тюркских языках является древнекиргызский язык. Это подтверждается и ее ареалом — зоной иррадиации киргизского языка, и тем, что наиболее непротиворечиво она этимологизируется на материале киргизского — частица *элз*, и тем, что закономерности присоединения отрицания *йок* к глагольным формам присутствуют в языках ареала, связанного с древнекиргызским языком.

Но область распространения формы на *-галак/-а илик* неоднородна. В якутском языке это активная форма, образующая особое наклонение [Коркина, 1970, с. 249], в функции причастия может принимать

различные падежные показатели. При изменении временной отнесенности принимает аффиксы сказуемости, а также вспомогательный глагол *э-* и сохраняет сложную семантику «еще не + ожидаемое действие».

В алтайском языке форма на *-галак* больше смещается в план прошедшего и может замещаться отрицательной формой причастия *-баан*. Такой же процесс К. Шёниг описывает для языка фу-юйских кыргызов. К сожалению, диалектологических материалов по распространению формы на *-галак* и вытеснению ее формой на *-баан* нет, но из опросов носителей алтайского языка видно, что в некоторых говорах эта форма выходит из употребления. В тувинском языке она смещается в зону будущего времени, приобретая значение ближайшего будущего.

В тувинском языке М.И. Черемисиной и Л.А. Шамина выявлена отрицательная форма этого показателя.

В 1981 г. во время экспедиции в Туву Л.А. Шамина и М.И. Черемисина проводили проверку употребления формы на *-галак* у носителей тувинского языка. Опрос населения Тоджинского района (поселки Тоора-Хем, Азас, Ий) показал, что в языке носителей этого диалекта причастие на *-галак* вообще не употребляется. Информанты, с которыми работали лингвисты, ни разу не дали примеров на эту форму. На прямые вопросы относительно предложений, содержащих форму на *-галак* в литературном языке, следовало два типа ответов: «я так не говорю», «такой формы не знаю, это неправильно» и «где-то слышал, кажется, на западе так говорят».

Существенно другая ситуация в центральном районе. Здесь причастие на *-галак* употребляется как в простом, так и в сложном предложении. Но в функции зависимого сказуемого его вытесняет форма на *-баанда*. Кроме «положительной» формы Шамина и Черемисиной впервые удалось зафиксировать форму на *-баалак*. В силу специфики своего значения (форма на *-галак* имеет только одну форму статуса) в тувинском сформировалась псевдоотрицательная форма на *-баалак*. Информанты считали, что смысл фраз от

замены форм *-галак* на *-баалак* не меняется. Но в результате тщательного экспериментального исследования выяснилось, что форма на *-баалакта* в своей противопоставленности форме на *-галакта* представляет действие, которое еще не начало совершаться или начало его совершения не дано говорящему в наблюдении, тогда как форма на *-галакта* соотносится с уже начавшимся или начинающимся действием [Шамина, Черемисина, 1982, с. 58—60].

Сохраняется форма и в хакасском языке, но она, вероятно, очень редко употребляется. Единственный пример получен нами от К.Н. Бурнаковой: *Пабзы төреен палазын аш даа көрбеелек пала төреен, че пабазы ам дааа көргелек* 'Ребенок родился, а отец его еще не видел'.

Ареал формы на *-галак* размывается на периферии, в центре ареала возникают инновационные преобразования. Якутский не затрагивается ни тем, ни другим процессом.

Форма *-ааччу*. Второй общесибирской формой можно считать форму *-ааччу ~ -оччу*. Особенность ее в том, что по происхождению она может быть возведена к тюркской модели, включающей причастие будущего времени на *-gu* и падежный аффикс *-čī*. Появление широкого гласного вместо ожидаемого узкого позволяет предположить, что эта форма перезаимствована из монгольских языков [Kałużyński, 1961, S. 70]. Существенное различие между якутским и другими языками — место указанной формы в глагольной системе: в якутском языке это основа для наклонения обычно совершаемого действия, в других языках — это периферийные, часто сильно субстантивированные глагольные формы.

Форма на *-ыр + id/is*. Третьей изоглоссой, которую можно назвать южно-сибирской, является изоглосса, образуемая аналитической конструкцией со вспомогательным глаголом *id-*. В языках Южной Сибири он стал основой аналитической формы *Т-п + ыт-/ыс-/ый-*, которая из форм с семантикой способа глагольного действия смещается в зону видовых форм. В других тюркских языках ей соответствует форма *-ып йибер*,

где второй компонент — это композитный глагол, возникший еще в древнетюркский период, он отмечен у Махмуда Кашгарского. Такой аспектуальной формы нет в якутском языке.

Эти три формы можно рассматривать как инновационные, возникшие в сибирских языках как в особом ареале.

Таким образом, общесибирские изоглоссы, противопоставляющие сибирские языки другим (или большинству) тюркским языкам, сформированы в результате наличия общего и подобного субстрата, общего внешнего влияния (как правило, монгольского) и общих суперстратных элементов, связанных с древне-кыргызским языком (хотя эти же элементы можно трактовать и как результат монгольского влияния). Говорить о существовании общесибирских изоглосс пока можно только на очень ограниченном материале. Общесибирские инновационные изоглоссы выделить не удалось, ареальный подход демонстрирует наличие только более локальных инновационных зон. Эти процессы будут рассмотрены в гл. 2 и 3.

Глава 2

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ СИБИРИ

Типы фонологических систем тюркских языков Южной Сибири

В данной работе делается попытка рассмотреть не только отдельные (точечные) фонетические соответствия или процессы, связанные с качественным преобразованием звуков (такие, как дезаффрикатизация, спондантизация, назализация и т.д.), но и сопоставить фонологические системы и динамику их изменения как результат взаимодействия нескольких факторов.

Тезис о трехсторонней причинной обусловленности фонологических изменений сформулировал А. Мар-

тине [1960]: он говорит о взаимодействии таких факторов, как функциональный, структурный и субстантный. Тем самым он предложил системный подход к анализу истории языковых подсистем, поскольку понятие системы подразумевает именно сложное взаимодействие разных сторон изучаемого явления: функциональной, структурной и субстантной. Как известно, под структурой системы понимаются отношения между ее элементами: субстантные факторы — чисто фонические особенности звуковых элементов, образующих эту структуру; функциональные факторы определяют включенность элементов фонологического уровня в другие языковые системы, создавая достаточное количество звуковых оболочек для значимых единиц. Динамика системы обеспечивается взаимодействием всех этих факторов. Накапливающиеся различия в любом из них или между элементами системы могут являться причиной перестройки фонологической системы. Н.И. Стеблин-Каменский считал, что причины фонологических изменений связаны в первую очередь с субстантным фактором, и искал причины фонологических изменений на уровне аллофонического варьирования. Изменения функциональной нагруженности фонем или фонотактических закономерностей оформления морфем тоже могут послужить толчком к перестройке фонологической системы (см. ниже о переносе фонотактических закономерностей, присущих корневой морфеме, на словоформу в целом).

Таким образом, системная фонология при оценке фонологических систем и поиске причины их изменения ставит своей целью учет всех трех аспектов звуковых систем: субстантного, структурного и функционального в их взаимосвязи и взаимодействии [Плоткин, 1982, с. 4—10].

Если провести оценку фонологических систем Сибири по ряду параметров, отражающих особенности их субстантной базы и фонологической структуры, а также некоторые функциональные особенности (под функциональными особенностями в данном случае понимается взаимодействие фонетического уровня с

другими языковыми уровнями, т.е. способность фонем образовывать оболочки для единиц морфологического и лексического уровней, что на уровне фонологической системы связано с возможностью ее употребления в разных позициях), то мы получим возможность объяснить некоторые противоречия, возникающие при определении типа языка по широкому кругу данных и особенностей развития некоторых фонетических подсистем. Так, якутский язык, по определению Е.И. Убрятовой, является «сверхогузским». В то же время обращает на себя внимание, что в развитии консонантной системы шумные согласные якутского языка развиваются по кыпчакской модели. Южно-сибирские языки, кыпчакские по системе глагола, сохраняют некоторые огузские черты в фонетической системе, например древнетюркский ауслаутный γ . Чтобы разрешить это противоречие, попробуем оценить тюркские языки Южной Сибири по вышеуказанным параметрам.

Структурный параметр. По широко распространенному в тюркологии мнению, фонетические системы тюркских языков обладают значительным сходством, имеют «простую и ясную архитектуру, постоянную в своих основных чертах» [Bazen, 1959]. Структурные схемы, представляющие звуковые системы тюркских языков, варьируются незначительно (см., например, таблицы классификации согласных в сериях «Языки народов СССР», т. 2 «Тюркские языки», «Языки мира», том «Тюркские языки»). Все сибирские языки обладают одной общей структурной особенностью: наличием особого локального ряда среднеязычных. Но относительная близость структурной организации фонетических систем тюркских языков связана со значительными различиями функциональных и субстантных характеристик составляющих их элементов.

Субстантный параметр. На базе субстантных различий, присущих тюркским языкам, В.М. Наделяев предложил классификацию систем согласных в тюркских языках, построенную на их фоническом качестве: система оппозиций по напряженности, долготности, звонкости/глухости и придыхательности. Эта класси-

фикация, несмотря на ее субстантную базу, может рассматриваться как системная, поскольку данные В.М. Надеяева демонстрируют взаимозависимость фонического качества согласных и степени их функциональной свободы. Фонический признак оказывается связанным со структурными и функциональными особенностями соответствующих систем. В Сибири представлены три типа из четырех возможных: в якутском оппозиция шумных разворачивается по звонкости/глухости, в тувинском и тофском — по напряженности, в хакасском, алтайском, шорском — по долготности.

Функциональный параметр. Н.К. Дмитриев делил тюркские языки (по синтагматическим закономерностям употребления шумных согласных) на языки со связанным анлаутом и с относительно свободным анлаутом. Если в систему оценки включить и другие позиции (инлаут и ауслаут), то можно выделить языки, в которых шумные согласные противопоставлены во всех возможных позициях — анлауте, инлауте и ауслауте (среди тюркских языков Сибири это тофский (тофаларский) язык); анлауте и инлауте (якутский); анлауте (тувинский); инлауте и ауслауте и только в инлауте.

Как распределяются тюркские языки Сибири между двумя последними группами, зависит от того, как определяется статус первичного γ — как шумного (например, в диссертации Н.А. Мандровой по языку чалканцев) или как малошумного (в работе И.Я. Селютиной [1983, с. 155] по языку кумандинцев). Учитывая явно вторичный характер оппозиции шумных в анлауте якутского языка и включение первичного γ в систему малошумных, можно условно разделить тюркские языки Сибири на две группы: языки, в которых оппозиция шумных представлена не только в инлауте, и языки, в которых она представлена только в инлауте. По этому основанию в первую группу войдут тофский и тувинский языки, во вторую — все остальные языки Сибири.

Языки первой группы традиционно сопоставляются с языками Восточного Туркестана и юго-западной (огузской) группой тюркских языков, которые также

имеют более сложную систему модальных оппозиций в подсистеме шумных согласных. Наибольшее внимание обычно привлекает наличие в анлауте шумных звонких (или ленисных) согласных, так что проблема разворачивания оппозиции шумных понимается как проблема озвончения тюркского анлаута.

Все языки этой группы имеют и определенную общую особенность субстантной базы — оппозиция шумных согласных строится по степени напряженности, силе/слабости или (Восточный Туркестан) придыхательности. В языках второй группы шумные согласные противопоставляются по звонкости/глухости (якутский язык) или по долготности/краткости (алтайский, хакасский). Такая связь явно не случайна и может быть ключевой при определении исторической динамики языковых систем (табл. 7).

Из табл. 7 видно, что якутский по большей части параметров совпадает с алтайским, шорским и хакасским языками. Но для якутского, тофского и тувинского существует последовательная система соответствий между гласными: долгие гласные якутского языка соответствуют кратким гласным тофского и тувинского, а краткие гласные якутского языка — фарингализованным гласным тофского и тувинского. Фарингализованные гласные тофского языка являются позиционными вариантами фонем, возникающими перед сильными согласными.

Наличие зависимости между качеством гласного и согласного в языках уйгуро-урянской группы можно проследить по табл. 8, из которой четко видна описанная выше взаимосвязь между фоническим качеством реализации оппозиции шумных по напряженности и широтой реализации этой оппозиции в слове, т.е. субстантных и функциональных характеристик: языки, в которых присутствует (сохраняется) оппозиция по напряженности, обладают и большей широтой функций согласных в слове. В якутском языке, так же как в кыпчакских, при возможном различии субстантной характеристики согласных функциональная свобода их в слове ограничена, а оппозиция развивается только в инлауте. Наличие оппозиции

Таблица 7

Сопряженность фонических и функциональных признаков согласных в тюркских языках Сибири

Признак	Алтайский		Шорский*	Хакасский	Тувинский	Тофский	Якутский
	Южные диалекты	Северные диалекты					
Фоническая база оппозиции шумных	Долгот- ность	Долгот- ность	Долгот- ность	Долгот- ность	Напря- женность	Напря- женность	Звонкость/ глухость
Наличие оппозиции в анлауте	—	—	—	—	+	+	(+)
в ауслауте	—	—	—	—	—	+	—
в инлауте	+	+	+	+	(+)	+	+
Наличие связи между каче- ством гласного и согласного	—	—	—	—	+	+	—

* В работах последнего времени для шорского языка установлен другой тип фонологической системы с тройной оппозицией в системе шумных согласных: инъективно-эъективные, с акустическим эффектом высокого восходящего резонирования, слабонапряженные краткие орально-аспирированные нефарингализованные/статичные, с акустическим эффектом среднего ровного резонирования, умеренно напряженные полудолгие орально-неаспирированные нефарингализованные/эъективно-инъективные, с акустическим эффектом низкого нисходящего резонирования, сильнонапряженные долгие фарингализованные орально-неаспирированные [Уртегешев, 2002, с. 274].

Таблица 8

Соответствие аспирированных согласных и фарингализованных гласных кратким гласным (по [Roos, 1998, p. 28–40])

Значение	Язык желтых уйгуров	Метатезы	Тувинский	Тофский	Якутский	Обще- тюркский
1	2	3	4	5	6	7
‘высекать огонь’ (ср. тодж. <i>ša-q-ča^hkar</i>)	<i>ça^xq^h/q-</i>	—	<i>ša^hq/ɸ-/ ša^hkar</i>	<i>ša^hq̣</i>	<i>saχ-</i>	* <i>čak-</i>
‘мясо’	<i>e^hɸ ~ye^ht ~e^h</i>	<i>š^ht^h</i>	<i>e^ht/d</i>	<i>e^h!</i>	<i>et</i>	* <i>et</i>
‘сила’ (ср. туркм. <i>erk</i>)	<i>ī^hrk^h ~ye^hrk^h</i>	<i>h^hrk^h ~hrk^h</i>	—	—	—	* <i>erk</i>
‘счастье, предсказание, предчувствие’	<i>ī^hrq^h</i>	<i>h^hrq^h ~hrq^h</i>	—	<i>ī^hrt̪ (wɔrt̪) ɔpa</i>	—	* <i>irk</i>
‘собака’ (ср. салар., новоуйг. <i>išt</i>)	<i>ī^ht^h</i>	<i>š^ht^h</i>	<i>ī^ht/d</i>	<i>ī^h!</i>	<i>it</i>	* <i>it/*it</i>
‘толкать’ (ср. салар., новоуйг. <i>išt-</i>)	<i>ī^hst^h-</i>	—	<i>ī^ht/d-</i>	<i>ī^ht-</i>	<i>ūt-</i>	* <i>it-</i>
‘рубить’	<i>ke^hrt-</i>	<i>k^her^h-</i>	<i>ker^ht/t-</i>	<i>ke^hrt̪-</i>	<i>ker^ht-</i>	* <i>ker^ht-</i>
‘много’ (ср. туркм. <i>köp</i>)	<i>kö^hp^h/w ~ke^hp^h ~kö^hp^h ~kep^h</i>	<i>k^höp^h k^hep^h</i>	<i>Köp</i>	<i>köp̪/ɸ</i>	—	* <i>köp</i>
‘трава’	<i>ɔ^ht^h</i>	<i>h^ht^h</i>	<i>ɔ^ht/d</i>	<i>ɔ^h!</i>	<i>ot</i>	* <i>ot</i>
‘проникать, просачиваться’	<i>ɔ^ht-</i>	—	<i>ɔ^ht/d-</i>	<i>ɔ^ht-</i>	<i>öt-</i>	* <i>öt-</i>

1	2	3	4	5	6	7
'стрела'; тув., тоф. 'пуля'	ɔʰqʰ/q	χɔq	ɔʰq	ɔʰq/hi	ɔχ	*ɔk
'спускаться' (ср. туркм. <i>bat-</i>)	paʰtʰ/t-	pʰaʰtʰ-	bəʰt/d-	bəʰt-	—	*bat-
'хороший, добрый'; як. 'крепкий'	peʰrkʰ	pʰirkʰ/k ~pʰɛʰrkʰ	bɛrt	bʰeʰrt-	bert	*berk
'хороший' (ср. туркм. <i>bek</i>)	—	pʰikʰ/k	bɛk	bʰek/hiʰ	—	*bek
'вошь' (ср. салар., новотурк. <i>pīst</i>)	pīstʰ ~pʰīstʰ	—	bīt	bīʰt	bīt	*bīt/*bit
'кончать, заканчиваться'	pīʰtʰ- ~pʰīʰtʰ- ~pīt- ~pūt-	pʰītʰ- ~pʰūtʰ-	būt/d-	būt-	būt-	*būt-
'сгибаться'; як. 'загибаться' (ср. туркм. <i>bük-</i>)	—	pʰökʰ-	bük	bük-	bük	*bük-
'ударить' (ср. тодж. <i>χaq-/qavar</i> , туркм. <i>qaq-</i>)	qaʰqʰ/q-	χaq-	χaq-/qavar	qaʰq/hi	—	*kak-
'ловить, хватать'	qaʰqʰ/w-	qʰapʰ-	qap-	qaʰp/φ-	χap-	*kap-
'слой, ряд'; як. 'снова'	qaʰtʰ	qʰaʰt	qaʰt	qaʰt	χat	*kat
'твердеть'	qaʰtʰ/t-	qʰaʰt-	qaʰt/d-	qaʰt-	χat-	*kat-
'складывать'	qaʰtʰ/t-	qʰaʰt-	qaʰt/d-	—	qīt-in-	*kat-
'скоблить'	qīʰxqʰ/q- ~qʰīʰxqʰ-	qʰīʰqʰ	—	—	qīrt- ~qīrq	*kirk-

'бояться'	qɔʰxqʰ-	qʰɔʰxqʰ-	qɔʰrt-/ qɔʰrtar	qɔʰrt-/ qɔʰrtar	χɔʰrt-/ χɔʰrtar	*kork-
'ручка' (ср. туркм. <i>θap</i>)	sapʰ/w	—	Sīʰp/v	sīʰp/φ	-yk	*sap
'продавать' (ср. туркм. <i>θat-</i>)	satʰ/t-	—	sat/d-	saʰt-	at-t̃:la:-	*sat-
'давить'	sīqʰ/q- ~zīqʰ- ~zīʰqʰ-	—	Sīʰq/κ-	sīʰq-	īq-	*sīk-
'спина, хребет' (ср. туркм. <i>θīrt</i>)	sīrtʰ	—	sirt/t	sirt	—	*sirt
'косить, ударять' (ср. туркм. <i>θɔq-</i> 'жалить')	sɔqʰ/q-	—	Sɔq/κ-	sɔʰq/hi-	ɔκ-us-	*sɔk
'находить' (ср. тодж. <i>tʰip-/dīʰvar</i>)	taʰpʰ/w- ~tapʰ-	tʰapʰ/w-	tʰīʰp/v-	tuʰp ~tīʰp/φ-	tap-	*tap-
'тащить, везти'	taʰrtʰ/t-	tʰaʰrtʰ-	tʰīʰrtʰ/t-	tīʰrt	tart-	*tart-
'пинать'	teʰpʰ- ~tepʰ-	tʰepʰ-	tʰɛʰp/v-	teʰp/φ-	tɛp-	*tɛp-
'шить'	tīʰkʰ/k- ~tīkʰ-	tʰīʰkʰ/k-	—	—	tik-	*tik-
'устанавливать, втыкать'	tīʰkʰ-	tʰīʰkʰ/k-	tʰik/γ-	—	—	*tik-
'втыкать' (ср. туркм. <i>dīq-</i>)	tīʰqʰ/q-	—	tʰik/γ-	—	—	*tīk-
'разливать'; ж. уйг. <i>id.</i>	tīʰkʰ- ~tīʰkʰ/k-	tʰīʰkʰ-	tʰīʰk/γ-	tīʰk/hiʰ-	tɔχ-	tīʰk-
'держат' (ср. тодж. <i>tʰut-/duʰdar ~ duʰtar</i>)	tuʰtʰ/t-	tʰutʰ-	tʰutʰ/d-	tuʰt-	tut-	*tuʰt-
'лежать'	yaʰt/t-	—	čīʰt/d-	čīʰt-	sīt-	*yat-

1	2	3	4	5	6	7
'нить'	<i>ye^hp^h</i> ~ <i>že^hp^h</i>	<i>šip^h</i> ~ <i>šip</i>	<i>če^ht</i> ~ <i>čep</i>	<i>cep</i>	<i>sap</i>	* <i>yip</i> /* <i>yep</i>
'настигать, догонять'	<i>ye^ht^h/t-</i> ~ <i>e^ht^h-</i> ~ <i>yet^h-</i>	<i>hɛt-</i> ~ <i>hit-</i>	<i>če^ht/d-</i>	<i>ce^ht-</i>	<i>sit-</i>	* <i>yet-</i>
'ноша'; як. 'носить кого-либо, что-либо на плечах'	<i>zu^hk^h</i>	<i>šu^hk^h</i>	<i>čü^hk</i>	<i>cu^hk-</i>	<i>sük-</i>	* <i>yük</i>
Соответствия аспирированных и фарингализованных гласных долгим						
'место жительства, стойбище' (ср. туркм. <i>yı:rt</i>)	<i>yur^ht^h</i> ~ <i>yo^hrt^h</i>	—	<i>čur^ht/t</i>	<i>cu^hrt-</i>	<i>su:rt</i> ~ <i>surt</i>	* <i>yur^ht</i>
-s < *-s/*-š и -š < *-č						
'вешать' (ср. туркм. <i>aθ-</i>)	<i>a^hs- ~ as-</i>	—	<i>a^hs/z-</i>	<i>a^hš/š-</i>	—	* <i>as-</i>
'еда'	<i>a^hs ~ as</i>	—	<i>a^hš-čem</i>	<i>aš-nem</i>	<i>as</i>	* <i>aš</i>
'открывать'	<i>a^hš/č ~ aš</i>	<i>haš-</i>	<i>a^hš/ž-</i>	<i>a^hš/h^y</i>	<i>as-</i>	* <i>hač-</i>
'внутренний, внутренняя часть'	<i>iš/ç</i>	— <i>i^hç-f</i> <i>hiç-f</i> <i>hiç-i</i> <i>heç-i</i> <i>šic-l</i>	<i>iž-in</i> <i>iš-t-l</i>	<i>i^hš-ti</i>	<i>is</i>	* <i>ič</i>

'внутри'	<i>iš-ker</i>	<i>šf-ker</i>	<i>i^hš-ke:ri</i>	<i>i^hš- k^yæ:ri</i>		* <i>ič-kerü</i>
'пить'	<i>iš-</i>	<i>hiç</i>	<i>iš/ž-</i>	<i>iš- ~i^hš/š</i>	<i>is-</i>	* <i>ič-</i>
'резать' (ср. туркм. <i>kes-</i>)	<i>k^yes-</i>	—	<i>ke^hs/z-</i>	<i>k^ye^hš/š</i>	—	* <i>kes-</i>
'переходить'	<i>keš-</i>	—	<i>keš-</i>	<i>k^ye^hš-</i>	<i>kes-</i>	* <i>keč-</i>
'кочевать'	<i>kö^hš/ç- ~köš- ~kiöš-</i>	<i>k^höš-</i>	<i>k^höš/ž-</i>	<i>kö^hš-</i>	<i>kös-</i>	* <i>köč-</i>
Преаспирация у желтых уйгуров						
'давить' (ср. туркм. <i>baθ-</i>)	<i>pa^hs- ~pas-</i>	—	<i>ba^hs/z-</i>	<i>ba^hš-</i>	<i>bat-ta:-</i>	* <i>bas-</i>
'голова'	<i>pa^hš/ç- ~paš-</i>	<i>p^haš</i>	<i>ba^hš/ž</i>	<i>ba^hš/h^y-</i>	<i>bas</i>	* <i>baš</i>
'варить'; тув. id.; 'созревать'	<i>p^his- ~pīs-</i>	<i>p^his- p^hus-</i>	<i>bi^hš/ž-</i>	<i>bi^yi^hš-</i>	<i>bus-</i>	* <i>biš-</i>
'резать'	<i>pīš-</i>	<i>p^huš-</i>	<i>bi^hš/ž-</i>	<i>bi^yi^hš-</i>	<i>bīs-</i>	* <i>bič-/bič-</i>
'свободный, пустой' (ср. туркм. <i>böš</i>)	<i>pö^hs ~pös-</i>	—	<i>boš</i>	<i>bo^hš</i>	<i>bös-χö</i>	* <i>böš</i>
'сколько'	<i>qa^hš/ç ~qaš/ç</i>	<i>q^haš/ç-</i>	<i>qa^hš</i>	<i>qa^hš</i>	<i>χas</i>	* <i>kač</i>
'сжимать, притеснять' (як.)	<i>qi^hs- ~qīs-</i>	<i>q^hīs-</i>	<i>qi^hs/z-</i>	<i>qi^hš</i>	<i>qih-ay-</i>	* <i>kīs-</i>

1	2	3	4	5	6	7
'зима' (ср. туркм. <i>gĩš</i>)	<i>qĩs</i>	<i>q^hĩs</i>	<i>qĩ^hš</i>	<i>qĩ^hš</i>	<i>qĩh-ĩn-</i>	* <i>kĩš</i>
'парный'	<i>qos</i>	—	<i>qo^hš</i>	<i>qo^hš</i>	<i>χos</i>	* <i>koš</i>
'птица'; тоф. 'глухарь'; як. 'утка'	<i>qus</i>	<i>q^hus</i>	<i>qu^hš</i>	<i>qu^hš</i>	<i>qus</i>	* <i>koš-</i>
'три'	<i>us/ç ~ os</i>	— <i>huç-ünçf</i> <i>~ süç-ünçf</i> <i>~ fuç-ünçf</i>	<i>üş</i>	<i>üş</i>	<i>üş</i>	* <i>üč</i>
'наружная, внешняя сторона'	<i>tas-qar</i>	—	<i>da^hš-</i> <i>qa:rĩ</i>	<i>da^hš-</i> <i>qa:rĩ</i>	—	* <i>taškaru</i>
'падать'	<i>t^hus-</i> <i>~ tus-</i>	<i>t^hus-</i>	<i>dū^hš/ž-</i>	<i>dū^hš-</i>	<i>tüs-</i>	* <i>tüş-</i>
'прятаться'	<i>ya^hs-</i> <i>~ yas-</i>	—	<i>čaž-ĩr-</i>	—	<i>sas-</i>	* <i>yaš-</i>

Соответствия чистых гласных в желтоуйгурском, тувинском и тофском долгим гласным в якутском языке

'белый' (ср. туркм. <i>a:q</i>)	<i>aq^h/q</i>	—	<i>aq</i>	<i>aq</i>	—	* <i>a:k</i>
'спина, запад' (ср. туркм. <i>a:rt</i>)	<i>art^h</i>	—	<i>art-ĩ</i>	<i>a^hrt-ĩ</i>	—	* <i>ha:rt</i>
'проходить'	<i>as-</i>	<i>a^hs-</i>	<i>aš/ž-</i>	<i>aš/ç-</i>	<i>a:s-</i>	* <i>a:š-</i>
'голодать'; ж. уйг. <i>id.</i>	<i>aš</i>	—	<i>aš</i>	<i>aš</i>	<i>a:s-tuor</i>	* <i>a:č</i>
'имя'	<i>at^h</i>	—	<i>at/d</i>	<i>at/d</i>	<i>a:t</i>	* <i>a:t</i>

'делать' (ср. туркм. <i>et/d-</i> , аз. <i>et-</i>)	<i>et^h-</i> <i>~ yet^h-</i>	—	<i>et-</i>	—	—	* <i>et-</i>
'дым, чад'	<i>ĩs-</i>	—	<i>ĩš/ž</i>	—	<i>ĩ:s</i>	* <i>hĩ:š/*hĩ:š</i>
'дело, работа'	<i>ĩs</i>	—	<i>ĩš/ž</i>	<i>ĩš</i>	<i>ĩ:s</i>	* <i>ĩ:š</i>
'голубой'	<i>kōk^h~</i> <i>kūk^h</i>	<i>k^hū^hk</i>	<i>kōk/γ</i>	<i>kōk</i>	<i>Kūōx</i>	* <i>kō:k</i>
'сила'; ж. уйг. <i>id.</i>	<i>kuš</i>	<i>ku^hš</i> <i>~ k^hus</i>	<i>kūš</i>	<i>kūš</i>	<i>Kū:s</i>	* <i>kū:č</i>
'есть, всасывать'	<i>op^h-</i>	—	—	—	<i>uop-</i>	* <i>o:p-</i>
'огонь'	<i>ot^h ~ ut^h</i>	—	<i>ot/d</i>	<i>ot/d</i>	<i>uot</i>	* <i>ho:t</i>
'желчь'	<i>ōt^h ~ yōt^h</i>	<i>hōt^h</i>	<i>ōt/d</i>	<i>ōt</i>	<i>ūōs</i>	* <i>ō:t</i>
'пять'	<i>pes</i>	—	<i>ḡeš</i>	<i>ḡeš</i>	<i>biēs</i>	* <i>be:š</i>
'нога, бедро'	<i>po^ht^h ~ pi^ht^h</i>	—	<i>ḡut/d</i>	<i>ḡut</i>	<i>Bu:t</i>	* <i>bu:t</i>
'мешок, чехол'	<i>qap^h</i>	<i>q^hap^h</i>	<i>χap/v</i>	<i>qap</i>	<i>χa:</i>	* <i>ka:p</i>
'край, бровь'	<i>qas</i>	—	—	<i>haš</i>	<i>χa:s</i>	* <i>ka:š</i>
'молоко'	<i>so^ht^h</i>	—	<i>sūt/d</i>	<i>sūt</i>	<i>ū:t</i>	* <i>sū:t</i>
'четыре'	<i>tior^h</i>	—	<i>dōrt/t</i>	<i>dōrt</i>	<i>tūōrt</i>	* <i>tō:rt</i>
'грудная клетка'	<i>tōs ~ tiōs</i>	—	<i>t^hōš/ž</i>	<i>dōš</i>	<i>tūōs</i>	* <i>tō:š</i>
'дно' (ср. туркм. <i>düyp</i>)	<i>tīp^h ~ tu^hp^h</i>	<i>t^hup^h</i>	<i>dūp/v</i>	<i>dūp</i>	—	* <i>tū:p</i>
'зуб'	<i>tīs</i>	—	<i>dīš/ž</i>	<i>dīš</i>	<i>tī:s</i>	* <i>tī:š/*tī:š</i>

шумных в анлауте в якутском языке вторичного происхождения и легко элиминируется.

По типу связи между качеством гласного и согласного Л. Йохансон выделил четыре типа фонологических систем современных тюркских языков [Johanson, 1998]:

- 1) $\check{V}\check{K}:\check{V}\check{K}$ — туркменский;
- 2) $\check{V}\check{K}:\check{V}K$ — якутский, халаджский;
- 3) $\check{V}\check{K}:\check{V}\check{K}$ — турецкий, азербайджанский;
- 4) $VK:VK$ — кыпчакские языки (нет корреляции).

Суммируя эти классификации и наши собственные данные, можно говорить о наличии двух противопоставленных типов фонологических систем в тюркских языках Сибири:

А. Система, субстанционально базирующаяся на фоническом качестве напряженности; сохраняющая связь между фоническими качествами гласного и согласного или же явные следы этой связи; функционально обладающая большей свободой для согласных в рамках словоформы (наличие оппозиции шумных не только в инлауте, но также в анлауте и иногда в ауслауте).

Б. Система, субстанционально базирующаяся на долготности или звонкости/глухости согласных; не имеющая или утратившая на синхронном уровне связь между качеством гласного и качеством согласного; функционально разрешающая согласным меньшую свободу в рамках словоформы (наличие оппозиции шумных, как правило, только в инлауте).

Система типа А свойственна языкам уйгуро-уряйским, система типа Б — кыпчакским и якутскому.

Тувинский и тофский языки встраиваются в разные группы, по Л. Йохансону, хотя относятся к типу А. В тофском языке, который единственный на территории Сибири обладает оппозицией шумных согласных и в анлауте, и в инлауте, и в ауслауте, сохраняется последовательная зависимость между качеством гласного и качеством согласного: фарингализованный гласный (соответствующий якутскому краткому гласному) употребляется только перед сильным согласным, нефарингализованный — только перед

слабым. Качественно маркированы и гласный, и согласный.

В тувинском языке оппозиция между сильными и слабыми сохраняется только в анлауте у губных и переднеязычных согласных; в инлауте фонологическую нагрузку различения морфем принял на себя фарингализованный гласный, а сильные согласные утратили свое качество напряженности. Рефлексом прежней оппозиции по напряженности в тувинском инлауте является фарингализованный гласный, а слабый согласный может реализовываться и в озвонченном варианте (слабый, а не звонкий).

В якутском языке живая связь между качеством гласного и согласного утрачена; установившееся качество согласного уже никак не определяется качеством предшествующего гласного и качество гласного не зависит от качества последующего согласного. Отмеченная еще К. Грэнбеком связь между турецким *ad* 'имя' и якутским *aam* 'имя', турецким *at* 'лошадь' и якутским *am* 'лошадь', реализовавшись в качестве якутского долгого гласного перед слабым согласным, перестала влиять на дальнейшие преобразования якутских шумных. Турецкое *ad* > *adi* 'имя > его имя', якутское *aam* > *aama* id.; якутское *am* > *ama* 'лошадь > его лошадь' и турецкое *at* > *ati* id. Различие в качестве согласных в якутском языке уже реализовалось в различиях качества гласных. Но это произошло раньше, чем аналогичный процесс в тувинском, когда озвончение в тюркских языках еще только начинало развертываться (см. др.-т. *d* > як. *t*). Поэтому в якутском языке процесс озвончения — это именно процесс.

Таким образом, на современном этапе якутский язык, по системе соответствий исторически связанный с языками типа А, перешел в другое качество, совпав по всем вышеуказанным показателям с языками кыпчакскими типа Б. Уже внутри типа Б классификационным параметром, определяющим отношение якутского к другим входящим в него языкам, служит характер формирования оппозиции шумных в инлауте (противопоставление озвончения «собственного кыпчакского» и сибирского типов). В якутском ста-

ло развиваться озвончение шумных согласных в интервокальной позиции и в позиции после сонорных на морфемных швах. Это изменение быстрее развивается в группах периферийных согласных: губных и гуттуральных. По этому признаку якутский сближается с такими сибирскими языками, как алтайский, хакасский, шорский, чулымско-тюркский.

Формирование оппозиции шумных в локальной группе губных согласных

Губные согласные представлены в якутском языке тремя фонемами: [b], [p], [m]. Шумные противопоставлены по звонкости/глухости, что, как уже указывалось, довольно редко для сибирских тюркских языков, где противопоставление идет либо по долготы/краткости (диалекты алтайского), либо по силе/слабости (тувинский, тофский).

[b] — губно-губной, звонкий, смычный. То, что смычка может быть очень слабой, отметил еще О.Н. Бётлингк [1989, с. 182], указав, что, согласно материалам Миддендорфа, у некоторых якутских групп между гласными появляется звук, подобный английскому *w*. Спирантизацию *b* в интервокальном положении подтвердили экспериментальные исследования, проведенные Н.Д. Дьячковским.

[p] — губно-губной, глухой, смычный, он произносится с большей степенью напряженности, поэтому у него не отмечается неполносмычности и эпизодически появляется придыхательная артикуляция [Дьячковский, 1977, с. 9—11].

[m] — губно-губной, смычный, носовой сонант.

Противопоставление *p* — *b*, позволяющее определить в якутском языке эти звуки как особые фонемы, прослеживается только в двух позициях, одной из которых является анлаут.

По характеру употребления анлаутных губных согласных якутский язык по сравнению с другими тюркскими языками Сибири довольно близко стоит к языку древнетюркских рунических памятников, в которых регулярно употреблялся *b*-, а в некоторых говорах

перед последующим носовым — *m*- [Gabain, 1950, S. 52—53, 342]. В древнетюркском языке *p*- употреблялся в словах, заимствованных из санскрита, китайского и иранских языков, хотя в отдельных случаях *p*- появлялся и в исконных тюркских словах [Brockelmann, 1954]. О происхождении анлаутных губных согласных существуют различные точки зрения, определяемые тем, как их сторонники решают вопрос о характере пратюркского анлаута. Те, кто отрицает наличие в пратюркском языке оппозиции по силе/слабости (звонкости/глухости) в системе шумных, восстанавливают **p*-, который «в чувашском, хакасском и шорском отразился в относительно сильном глухом, а по другим тюркским дал звонкий или полувзвонкий *b*-» [Шербак, 1970, с. 89—90, 163]. Другие восстанавливают в пратюркском **b*- и **p*- [Porre, 1960, S. 9—12; Doerfer, 1963, S. 97].

Вероятность существования в пратюркском языке **p*-, исчезнувшего в тюркских языках через ступень *h* (у Рамштедта: **p* > **f* > **ph* > *h* > $\emptyset$) подтверждается наличием этого звука в ряде тюркских языков, а также тибетской транскрипцией древнетюркского *h*- [Рона-Таш, 1974, с. 38; Doerfer, 1971, p. 163].

На основании некоторых древних заимствований из якутского языка в эвенкийский Н. Поппе делает предположение, что древнеякутский язык имел **h*- < **p*-. 1. Эвенк. алд. *herbek* 'палец' < др. як. **härbäk* id., як. *эрбэх* 'большой палец'; ср.-монг. *herekei* id., монг. письм. *erekei* id., халх. *erxi* id. 2. Эвенк. алд. *heksari* 'прикрепляй' < др.-як. **hiksari* > як. *ыксаары* 'плотно закрытый' из *ыкса*- 'закрывать' < монг. письм. *igči, igči* [Porre, 1959, S. 100]. Против такого объяснения формы якутских заимствований в эвенкийском языке возражает С.А. Иванов [1993, с. 182].

Возможно, что *b*-(~*p*-) < **p*- в нескольких словах сохранился в тюркских языках [Brockelmann, 1954, S. 24—25]. Одно из этих слов *булаан* 'буланый — лошадиная масть' в якутском переаимствовано из русского (ср. як. *улаан* 'о конских мастях: мышастая, буланая, соловая', монг. письм. *улауан*, орд., калм. *ulān*, халх., бур. *ulāṅ* (подробный разбор этого слова см.

[Doerfer, 1965, S. 366—367]). Других следов $*h- < (*p-)$ в якутском языке не отмечено, нет их и в заимствованиях из монгольских языков. Как единственный случай отражения прамонгольского $h-$ в якутском языке Ст. Калужиньски приводит слово *χokur* 'тупой, короткий', монг. *hogar*, монгол. *χugur*, монг. письм. *oqor*, бур. *oxor* [Kałużyński, 1961, S. 57].

В.М. Иллич-Свитыч, опираясь на соответствия в ряде слов монгольскому $h-(*p-)$ и тунгусскому $p-$ тюркского $b-$, который в некоторых тюркских языках отразился как $p-$ при наличии в системе $b-$, интерпретирует это как сохранение пратюркской оппозиции губных шумных в анлауте. Исходя из своей гипотезы о троичном противопоставлении шумных алтайских лабиальных, он предполагал следующее их развитие на тюркском уровне: $p^c \rightarrow$ тюрк. $*h- > \emptyset-$ /монг. $*h > \emptyset-$ /тунг. $*p;$ $p \rightarrow$ тюрк. $*p-(> b)$ /монг. $\emptyset > h$ /тунг. $*p-/*b \rightarrow$ тюрк. $*b-$ /монг. $*b-$ /тунг.-маньчж. $*b-$.

Например: $*pus$ 'пар, испарение' (тур. *pus* 'пар, легкий туман', кумык. *pus*, башк. *boş* 'пар', тув. *bus-tal-*, башк. *boşlan-* 'испаряться') ~ тунг. $*pus-$ 'дуть' (эвенк. *hus-*, *hustan* 'задуть, погасить', маньчж. *fusu-* 'дуть, брызгать'); тюрк. $*piş-$ 'вариться, созреть' (др.-уйг. QBN *pyş-* 'зреть, поспевать'; Rby *pişür* 'варить'; хотан. *piş-, püš, püšür* 'зреть, созреть, поспевать'; хам. *piş* 'вариться, зреть'; тур. *piş* 'вариться, печься, преть, созреть', каз. *pis* 'вариться', ног. *pis* 'вариться, готовиться, спеть', туркм. *biş* 'печься, готовиться', як. *bus-* 'вариться'; чув. *piş-* 'вариться') ~ монг. $*his$ 'закисать' (монг. письм. *isge-, esge-, isgü-* 'заквашивать, закисать', калм. *is* 'прокисать').

Таким образом, В.И. Иллич-Свитыч предполагает, что после утраты сильного придыхательного p^c в ряде тюркских языков сохраняется оппозиция $p - b$. Это касается в первую очередь двух групп тюркских языков, в одну из которых входят тувинский, тофский, язык желтых уйгуров, саларов, уйгуров-урианхайцев; вторую представляют языки огузского круга: турецкий, азербайджанский, туркменский.

В Сибирском регионе — это тувинский и тофский языки, фонологическим признаком систем согласных

которых является противопоставление по силе/слабости. Оппозиция $p^c - p$ в тувинском работает только в анлауте, так как звук типа p^c может употребляться только в начале слова перед гласным: *пар* [$p^c a \eta$] 'тигр' ~ *бар* [$pa \eta$] 'есть', *паш* [$p^c a \eta$] 'котел' ~ *баш* [$pa \eta$] 'голова', *пam* [$p^c a \eta$] 'никчемный' ~ *бат* [$pa \eta$] 'спускайся' [Сегленмей, 1979, с. 95]. Слов, в которых употребляется p^c в тувинском, по подсчетам С.Ф. Сегленмей, около 60. Второй лабиальный шумный согласный $p-$ может реализоваться в звонких, глухих и ползвонких оттенках. В современной орфографии его принято обозначать через *б*, но он может реализоваться в полностью глухих оттенках, отличаясь от [p^c] степенью мускульного напряжения.

В тофском языке В.И. Рассадин выделил три шумные губные фонемы, одну из них — [v] — губно-зубную щелевую слабую фонему можно исключить из дальнейшего рассмотрения, так как она употребляется только в словах, заимствованных из русского языка, хорошо владеющими русской речью [1971, с. 45—46].

Тофская фонологическая система характеризуется последовательным противопоставлением шумных согласных по степени напряженности во всех позициях. Это существенно отличает тофский язык от тувинского и сближает его с саларским и языком желтых уйгуров.

В начале слова в тофском языке p употребляется очень редко: *пыгъ* 'пороша', *паж* 'котел' (общее название любой посуды для варки пищи), *пжк* 'насытиться жирной пищей'. Большая часть слов с анлаутным $p-$ в тофском языке заимствована из русского: *па:r* 'пара', *п:l* 'пол'. Губно-губная слабая смычная ротовая фонема [b] в анлауте может реализоваться как в глухих, так и в звонких вариантах. В ряде случаев тувинский и тофский [$p-$] совпадают: тув. $p^c a \eta$, тоф. *pas* 'котел'; тув. *пжк*, тоф. *пж:k* 'насытиться'; тув. *пак*, тоф. *паq* 'полость щек, зашечные мешки у бурундука'.

Факт влияния древнего уйгурского языка на язык населения древней Тувы — это уже достаточно широко

ко принятое в тюркологии положение. По мнению В.М. Наделяева, древние уйгуры тюркизировали население древней Тувы — чиков, предков современных тувинцев, и наличие сильных согласных в тувинском анлауте — это результат влияния уйгурского суперстрата [1986, с. 59]. Глухие сильные и слабые согласные, противопоставляемые как фонемы, существовали в языке древних уйгуров Турфана и Ганьсу, которые говорили на языке, отличающемся от карлуко-уйгурского языка таких памятников, как «Кутадгу билиг», словарь Махмуда Кашгарского, произведения Ибн-Муханны, Ахмеда Югнеки и Рабгузи [Тенишев, 1976б, с. 132]. Э.Р. Тенишев выделил язык древних уйгуров Турфана и Ганьсу IX—XIV вв. как особый, отличающийся как от языка памятников арабского и уйгурского письма, написанных в тот же период, но в более западных регионах, так и от языка памятников рунического, манихейского и уйгурского письма, найденных в Турфане и Ганьсу, но написанных в более раннее время. Это язык таких памятников, как «Золотой блеск», «Жизнеописание Сюань Цзана», тексты, изданные Ф.В.К. Мюллером, В. Бангом, А. Габен, П. Пелльйо, различного рода юридические документы и хозяйственные записи и т.д. Э.Р. Тенишев считает, что в этом языке господствовала система согласных, основанная на противопоставлении сильных аспирированных и слабых неаспирированных $q - q^c$, $k - k^c$, $t - t^c$, $p - p^c$, $s - s^c$ [Там же].

При реконструкции этой системы автор использовал данные саларского и сарыг-югурского языков, где существует противопоставление такого типа.

В языке желтых уйгуров оппозиция губно-губного слабого глухого, иногда слегка озвонченного и губно-губного сильного придыхательного в анлауте имеет фонологический характер: *пер* 'давать' ~ *п^сер* 'бить', *пыр* 'один' ~ *п^сыр* (звукоподражание полету птиц) [Тенишев, Тодаева, 1966, с. 12; Тенишев, 1976в]. В саларском существует противопоставление такого же типа, причем губно-губная смычная слабая непридыхательная может реализоваться: а) в слегка озвонченном варианте: *пу* 'этот', *пес* 'пять', *пар* 'есть';

б) в почти звонком *b*: *бир* 'один'; в) в звонком *b*: *беş* 'пять', *бил* 'знать' [Тенишев, 1976б, с. 45]. Э.Р. Тенишев считает, что изменение звукового строя этих языков произошло под сильным влиянием китайского, но это касается главным образом субстантивной характеристики согласных, образующих оппозицию. Вопрос о том, образовалась ли эта оппозиция только под внешним влиянием или здесь можно проследить более древний тип фонологической системы, присущий языку древних уйгуров, остается еще спорным.

Другой группой языков, где наблюдается дифференциация губных шумных в анлауте, являются огузские языки. Сопоставляя данные азербайджанского, турецкого и туркменского языков, А.М. Мамедов выделил следующие группы слов с лабиальным шумным в анлауте: а) слова, имеющие во всех сопоставляемых языках только *b*- (*бир* 'один'); б) слова, в которых в одних языках представлен *p*-, в других *b*-, и наоборот (аз. *бармаг* ~ тур. *parmak*, туркм. *бармак*; тур. *pisirmik* ~ аз., туркм. *биширмэк*; аз., тур. *balta* ~ туркм. *palta*). Привлечение письменных памятников не разъяснило динамики становления губного анлаута в этой группе языков [Мамедов, 1979, с. 9—11]. Проблема *media lenes*, часто возникающая в связи с употреблением звонких гласных в анлауте огузских языков, связана с типом фонологического противопоставления шумных в них. Противопоставление идет не по наличию/отсутствию голоса, а по степени напряженности. Так, «в азербайджанском языке в пре- и поствокальной позиции в односложных словах звонкие смычно-взрывные согласные *b* и *d* противопоставляются соответствующим глухим согласным *p* и *t* не по участию голоса, а по интенсивности и длительности» [Вейсалов, Исаева, 1987]. Учитывая сложную историю этих языков, в формировании которых приняли участие не только огузские, но и кыпчакские племена, можно предположить, что разница принципов организации фонологических систем (сильные/слабые, звонкие/глухие) могла вызвать противоречивое восприятие шумных согласных, это положение было закреплено и усилено последующим междialeктным смешением.

Якутский язык по характеру шумного губного анлаута оказывается обособленным от языков этих двух групп, по другим параметрам (лексика, морфология) ему наиболее близких, так как оппозиция $p \sim b$ в якутском явно вторичного происхождения и связана с массовыми заимствованиями русской лексики. Из 164 слов с глухим губным анлаутом, зафиксированных в словаре Э.К. Пекарского, лишь 6 П.П. Барашков [1953, с. 37] отнес к коренным якутским словам. Это слова, обладающие сильной модальной окрашенностью (образные, звукоподражательные), которые имеют свои особенности и в фонетическом плане: *пыс, пас* (звукоподражательные слова), *па, пахай* (междометия) и производные от него *пахайдыны* 'скверноватый'. Остальные слова с анлаутным p — это заимствования из русского, именно благодаря им в анлауте формируется оппозиция по звонкости/глухости у губных согласных: *баар* 'есть, имеется' $\sim$ *паар* 'пар' [Дьячковский, 1977, с. 8].

Явная вторичность оппозиции $b \sim p$ заставляет отнести якутский к группе языков с одним шумным губным согласным в анлауте. Это неоднородная группа. Первую ее подгруппу составляют языки с преимущественно звонким анлаутом (т.е. могут употребляться слова (преимущественно заимствованные) и с глухим анлаутом, но оппозиция $b \sim p$ отсутствует): башкирский, казахский, каракалпакский, киргизский, караимский, а также язык древнейших рунических памятников). Во вторую подгруппу входят языки с преимущественно глухим шумным согласным p , но его качество очень сильно варьируется от языка к языку, так как он употреблялся в языках с разными типами фонологических систем.

Вторая позиция, в которой в якутском противопоставлены глухие и звонкие шумные губные, — позиция после сонорных l и r . Сочетаемость сонорных с шумными звонкими губными довольно ограничена, b может употребляться после l , r и j , у шумных глухих возможности сочетания несколько шире: p употребляется после l , r , n и m [Там же, с. 138]. В позиции после r можно подобрать квазиомонимы: *кырпа* 'не-

дорослый, недошлый' $\sim$ *кырбаа* 'бить, ударять, драть-ся'; *Чарба* — название реки $\sim$ *чарпа, чаппа* 'осколок, всякий дрязг...' Если принять гипотезу о первоначальной глухости тюркского консонантизма и о появлении звонких в результате ослабления глухих в определенных позициях, то нужно признать, что в данном случае изменение шумных сонорных в якутском языке может иметь и противоположную направленность: $-p < -b < -m$. Например, *чарпа* 'осколок' сопоставим с тюрк. *чарба, жарма*, где *-ма* — аффикс образования имен от глаголов, в языках огузской группы он стал очень важным формообразующим аффиксом. В старейших тюркских памятниках он встречается довольно редко, не имеет широкого распространения и в якутском языке: *сүрбä* 'поток', *сыылба* 'вялый', *талба* 'отборный'.

Деназализация анлаута аффиксов для якутского языка, так же как и для ряда других тюркских языков, в том числе и тюркских языков Сибири, — явление обычное, более редко происходит оглушение $b (< m)$ после сонорного. Глухой согласный в этом аффиксе встречается и в других словах: *чомпо* 'обмакивание, погружение', ср. др.-т. *čom* 'нырять, окуна́ться'; *хампа* 'старость, ветхость, разбитость', ср. др.-т. *qam* 'сваливать, сбивать'. Сочетание $-mb-$ в современном якутском не встречается, но нежелательное стечение согласных могло быть изменено и другим образом (ср. *таммах* 'капля' от *там + бах*). Причина изменения $-m > -b > -p$ после сонорных может быть связана с упрощением групп согласных $-mp + -b-$, $-rt + -b-$. Например: *уөмпүтүм* $<$ *уөмп + бүт + үм* от *уөмп*, *уөм*, *уөн* 'красться, подкрадываться', *хаампытүм* $<$ *хаамп + быт + ым* от *хаам*, *хаамп* 'идти (шагом, пешком), ходить, прохаживаться' [Бётлингк, 1989, с. 226—236].

Но это не объясняет все случаи $m > (b) > p$ и $b > p$ после сонорных, такие изменения имели место и в заимствованиях из монгольских языков: як. *бырпас* 'вспыльчивость, горячность в характере', *бырпастыгас* 'сморщенный, раздражительный, характерный'. Ср. бур. *birbai* 'делать кислое лицо, выражать неудоволь-

ствие'; кирг. [Юдахин, 1986] *бурбуй*- 'вытянуть в трубочку сморщенные губы', *бурбунда*- 'сильно злобствовать'; як. *сампай*, *сымпай* 'короткие волосы в хвосте у лошади' < монг., бур. *hāmbā*, халх. *saḡal sambē*; *хонпоогор* 'горбатый, выгнутый, пустой' < монг., орд. *хотбогор*, *хотбō*, калм. *хумбā* [Калужиньски, 1961а, б].

Таким образом, оказывается, что в этой позиции, где *b ~ p* в якутском противопоставлены как фонемы, они могут быть возведены к одному прототипу: *b* или *b < m*. Исходя из этого можно сделать вывод, что фонологическая оппозиция *b ~ p* сформировалась на собственно якутской почве и связана с изменением сочетаемости сонорных и шумных согласных в тюркском слое якутской лексики и с массовыми заимствованиями из монгольских и-русского языков, например:

1) *сүүрбэ* < др.-т. *jegirmi*; *тапныт* 'тянувший' < *тарт* + *быт*, где *-быт* < др.-т. *-mis*, *түрмэ* < рус. *тюрьма*;

2) *албын* 'обман' ~ *булпут* 'наша охота, добыча' ~ *алмаас* 'алмаз', *албын* < монг. письм. *albin* id., *булпут* < *булт* + *быт* (< др.-т. *-mis*); *алмаас* < рус. *алмаз*;

3) *салбаа* 'облизывать, обсасывать' ~ *илчит* 'унесший', где *салбаа* < тюрк., тур., ног., тат. диал. *йалма*, каз., к.-калп. *жалма* 'лизать, ..., глотать' ~ *илчит* < *илт* + *бит* (< др.-т. *-mis*).

Как видно из приведенных примеров, в формировании оппозиции шумных губных в позиции после сонорных большую роль сыграли изменения тюркского *m*. Складывание фонологической оппозиции губных согласных определили два процесса, связанные с изменением дистрибуции *m*: назализация анлаута слов и денализация анлаута аффиксов.

Для якутского языка характерно развитие анлаутного *m*-, который встречается всего в 2 раза реже, чем *b*-. В древнетюркских рунических и уйгурских памятниках *m*- встречается редко, большая часть слов с *m*- заимствована из санскрита, арабского, персидского и других языков. В тюркских основах *m*- обычно является результатом ассимиляции начального *b*- носовым согласным корня: *ben ~ men* 'я', *bun ~ mun* 'мучение', *bengü ~ mengü* 'вечный', *bīḡ, biḡ ~ miḡ* 'тысяча',

bin ~ min 'садиться верхом'. Это соответствие для классификации говоров в древнетюркских языках использовали И.А. Батманов и Дж. Клосон [Батманов и др., 1962, с. 48]. В местоимении 1-го л. ед. ч. *b*- встречается в памятнике Тоньюкуку, в уйгурском памятнике Моюн-Чуру, в большинстве енисейских памятников. В памятнике Кюль-Тегину употребляется *men, meḡin, maḡa*. *Men* встречается в Суджинском памятнике и в памятнике Могилян, но там же пишется *bengü* и *buḡ*. У Махмуда Кашгарского для губно-губного носового сонорного *m* отмечена позиция в начале, середине и конце слова, но добавлено, что имеющийся в начале слов *m*- в языке огузов, кыпчаков и суваров заменяется на *b*. Появление *m*- в древнетюркском зависело от наличия в слове носового согласного.

Те слова, которые в рунических памятниках употреблялись с *b*- ~ *m*-, в якутском языке дали *m*-. *мин* 'я', *мун* 'горе, мука', *минэ* 'ездовой (о лошади)', *мэнэ ~ мэгэ ~ мөнө ~ мөгө* и т.д. 'непреходящий, вечный', *мэнэ танара* 'неизмеримое небо' = *мэнэ халлан өлбөт мэнэ уута* 'вечная вода, живая вода' ~ *ойун мэнэгэтэ*.

Этот процесс охватил все современные тюркские языки, но в огузских языках, как и во времена Махмуда Кашгарского, *m*- других тюркских языков может соответствовать *b*-, например 'рог': кирг. *müjüz/müjüs*, карач.-балк. *mujuz*, кумык. *müjüz/müjuz/mujuz*, тат. *mүг'ез/мүгез/моегез/мөжөз/можз*, башк. *moegoeḡ/moejoeḡ*, сиб. тат. *mү:s/moegoes/moejoes/moejIs/moegoes*, бачат. тел. *mү:s*, чул.-тюрк. *mү:s*, алт. *mү:s/mү:s'/mүjys*, шор. *mү:s/mүгys*, хак. *mү:s*, тув. *mөjs/m'i:s*, тоф. *m'I:s*, долг. *mэ's*, як. *mэs* ~ гагауз. *bujnus/bujnuz*, аз. *bujnus/bojnus/bujnuz/böjnöz*, туркм. *bujnuḡ/buinuz* (Материалы ДАТЯ).

В якутском языке очень развита ассимиляция *b*- ~ *m*- под влиянием носовых согласных основы, слов типа *b*- + гласный + носовой согласный основы почти не встречается. В словаре Пекарского таких слов насчитывается около 20. Подобная картина наблюдается в киргизском языке (а также в сибирских тюркских языках), где корнеслов, состоящих из сочетания начального *b*- с последующими гласными и носовым

согласным, по материалам «Киргизско-русского словаря» К.К. Юдахина, насчитывается лишь около 10.

Как уже отмечалось, в якутском языке противопоставление *т-* и *б-* является фонематическим. В словаре Э.К. Пекарского насчитывается около 60 пар слов, различающихся только *б-* и *м-*: 1) *мал*, *маал* (др.-т. *mal*) 'скаrb, добро, имущество' ~ *баал* (рус. *бал*) 'бал'; 2) *Мааһа* (рус. *Маша*) 'Маша' ~ *Бааһа* (рус. *Вася*) 'Вася'; 3) *бэри* (ср. маньчж. *бэри*) 'лук', *кэлтэгэй бэри* 'железный наконечник стрелы для гусей' ~ *мэри*, *мээри* (ср. монг. 'дурак') 'болтун, болтовня'; 4) *бэйи*, *бэйэ* 'ужо, погоди' ~ *мэйи*, *мэйи* 'голова, мозг'; 5) *бэ* (указательная основа) ~ *мэ* 'на, возьми'; 6) *бай* (междометие удивления, согласия) ~ *май* (одно из начальных слов припева); 7) *баалы* (часть имени собственнoго — Кизли Баалы Тойон, Кизн Кизли Баалы Хотун сылгы айыыста) ~ *маалы* (самостоятельного значения не имеет), *халы-маалы* 'беспорядочный' и т.д.

Таким образом, в составе слов, противопоставленных по *м-* и *б-*, значительную часть составляют заимствования из других языков, образные и звукоподражательные слова, междометия, а также основы, где *м-* появилось в результате явной ассимиляции. Это говорит о том, что система, в которой противопоставление *м-* и *б-* является фонологическим, сложилась относительно недавно. О времени становления якутского анлаутного *м-* можно отчасти судить по характеру заимствования монгольских и русских слов с губным анлаутом. Монгольские *т-* и *б-*, как правило, сохраняются, но могут дать комбинаторно не обусловленные колебания: 1) *бүдүрүй* ~ *мүдүрүй* 'спотыкаться' < монг., монг. письм. *büdüri*, калм. *büdr*, бур. *Buudäre*, халх. *buidere*; 2) *бэччый* ~ *мэлчий* ~ *мэччий* 'пасти' < монг., монг. письм., бур. *belči*, халх., калм. *beltši*; 3) *мэргэн* ~ *бэргэн* 'меткий стрелок' < монг. письм. *mergen*, бур. *mergen*, калм. *mergen*; 4) *муруки* 'бурундук', ср. бур. *burxi tarbaayan*, халх. *burxi* 'сурок-самец' [Kałużyński, 1961].

Русские *б-*, *п-*, *в-*, *ф-* регулярно заменяются в якутском *б-*, а *м-* совпадает во всех позициях с якутским *м-* [Слепцов, 1964, с. 88—89]. Колебания в употреблении *б-* и *м-* в словах, заимствованных из рус-

ского языка, носят, как правило, комбинаторный характер. Из 500 слов с губным анлаутом, заимствованных из русского языка, только около 30 употребляются в словаре Э.К. Пекарского в двух вариантах, колебания в употреблении *б-* и *м-* возникают обычно из-за наличия в основе других сонорных согласных. Значит, можно предположить, что ко времени проникновения в якутский язык русских слов (с 1620 г.) противопоставление *м-* и *б-* уже установилось, хотя по чередованию *м//б* разнятся между собой не только диалекты (в одних предпочтительнее *м-*, в других *б-*), но и отдельные слова [Убрятова, 1960б, с. 84—88; Афанасьев, 1965, с. 83—85; Воронкин, 1984; Барашков, 1985].

Как особый случай фонетически не обусловленного чередования *м//б* О.Н. Бётлингк выделил:

1) местоимение 1-го л. ед. ч. *т-* // местоимение 1-го л. мн. ч. *б-*;

2) аффикс принадлежности 1-го л. ед. ч. в неопределенном падеже *т-* // в других падежах *б-*;

3) аффикс сказуемости 1-го л. ед. ч. *б-*;

4) глагольное отрицание в императиве, деепричастии и причастии будущего времени выражается через *та* // в других формах глагола через *ба* [Böhtlingk, 1851, S. 172].

Значит, если в анлауте слова *т-* якутского языка восходит к *б-* языка рунических памятников, то в анлауте ряда аффиксов *т-* рунических памятников соответствует в якутском языке *б-*:

1. Аффикс причастия абсолютно прошедшего времени: др.-т. *-mis* ~ *-mīs* ~ *-mūs* ~ *-mus* ~ *-mas* ~ *-mās* (*jer tāgri törümistā* 'с тех пор, как возникли земля и небо'); як. *-быт* (*-ным*, *-мыт*) [Ястремский, 1900]. Те тюркские языки, которые имеют эту глагольную форму, сохранили в анлауте аффикса *т-* (караханидский, чагатайский, староосманский, турецкий, азербайджанский, уйгурский).

2. Аффиксы местоименного происхождения: а) личнo-притяжательные; б) сказуемости; принадлежности 1-го л. мн. ч.: др.-т. *-miz* (*-miz*, *-muz*, *-imiz* и т.д.) (*jaıymiz* 'наши враги', *törümüz* 'наши законы'); як. *-быт* (*-ным*, *-мыт*). Полагают, что аффиксы принад-

лежности развились из форм родительного падежа личных местоимений. Об этом говорит то, что аффикс 1-го л. ед. ч. имеет во всех языках *m*, а в южных тюркских языках личные местоимения в *Casus indefinitus* имеют в анлауте *b-* (*ben*), который только в родительном падеже заменяется на *-m*, а также подтверждают данные монгольских языков, в которых притяжательные аффиксы развились из форм родительного падежа [Котвич, 1962, с. 166—167]. Южные тюркские языки сохраняют *m-* (караханидский, чагатайский, турецкий, азербайджанский, туркменский, узбекский, современный уйгурский), а в сибирских тюркских языках и в некоторых кыпчакских *m- > b-* (*β*) (хакасский, шорский, тувинский, тофский, татарский, башкирский, кумыкский, карачаево-балкарский). В языке барабинских татар сосуществуют формы с начальными *b-* и *m-* [Дмитриева, 1966, с. 206]. В тех случаях, когда временные глагольные формы образуются при помощи аффиксов принадлежности, в якутском и других сибирских языках в анлауте аффикса употребляется *b-*. Аффикс сказуемости, также возводимый к личным местоимениям, несколько отличается по употреблению *m-* и *b-*. Это объясняется тем, что он восходит к *Casus indefinitus* и первоначальную форму имел с *b-*.

3. Формы отрицания у глаголов образуются в якутском языке при помощи аффиксов *-ma* (*-ба*), *-m* (*-б*) [Убрятова, 1966, с. 414]. Отрицательные основы глагола в древнетюркском языке имели форму *-ma* (*qılma* 'не делать', *ölürmä* 'не убивать'), которая сохранилась в большинстве тюркских языков. Изменили ее сибирские тюркские языки и киргизский. В анлауте аффикса отрицательной формы глагола в тувинском и хакасском *m-* появляется только после основ на носовой согласный.

Якутский язык первоначально имел формы с *m-*, который сохранился в ряде аффиксов:

1) отрицательный аффикс *-ma* при повелительной форме;

2) отрицательная форма деепричастия на *-an-* → *-мына*;

3) отрицательная форма деепричастия на *-аары* → *-маары*.

Таким образом, формы отрицания в якутском языке совпадали с древнетюркскими, которые сохранились в большинстве тюркских языков, а затем якутские аффиксы изменились так же, как южно-сибирские и киргизские (*m > b*). Это изменение охватывает и те аффиксы, которые в современном якутском языке уже омертвели: 1) упоминавшийся выше аффикс *-бах < др.-т. -таq — тарбах* 'палец', *эрбэх* 'большой палец', *таммах* 'капля', *барбах* 'нехороший'; 2) утративший в современном языке продуктивность аффикс образования имен от глаголов *-ба < др.-т. та*, который образовывал: а) существительные со значением предмета или результата действия; б) прилагательные с характеристикой по результату действия: *уолба* 'усыхающий, заросший водоем' от *уол-* 'усыхать, убывать', *үүрбэ* 'гурт скота' от *үүр-* 'гнать', *талба* 'отличный' от *тал-* 'выбирать' [Харитонов, 1960, с. 37]. В случаях, когда тюрк. *-m > як. -b* в аффиксах, утративших продуктивность, этот аффикс присоединялся к основе, оканчивающейся на сонорный согласный *l* или *r*; если основа заканчивалась на носовой, то деназализация *m-* аффикса не происходила (*таммах*). Но в продуктивных формообразовательных и формоизменяющих аффиксах (падежные аффиксы лично-притяжательного склонения) деназализованный вариант появляется после гласной основы: *табабын* вин. пад. лично-притяжательного склонения от *таба(м)* 'олень', *агабыныын* совм. пад. от *ага* 'отец', *бөрөбөр* дат. пад. лично-притяжательного склонения от *бөрө* 'волк' и т.д.

Это можно объяснить тем, что аффиксы причастия на *-быт*, отрицательные формы причастия *-бат* и *-батах* и т.д. входят в группу аффиксов, непосредственно присоединяющихся к основе. А на морфемных швах в якутском происходят интенсивные ассимилятивные процессы, в результате которых эти аффиксы оказываются многовариантными. Выравнивание парадигмы могло произойти по наиболее частотному варианту, который стал употребляться как основной

и после гласных. Доказательством может послужить то, что это касается аффиксов со структурой CVC или CV, а аффиксы типа (V)CV более устойчиво сохраняют качество согласного. Сравним поведение отрицательного аффикса *-та* в императиве и в тех случаях, когда он является частью другого аффикса: *утуйума* 'не спи!', *барыма* 'не ходи!' ~ *утууйбат* 'не спавший', *барбат* 'не ходивший'. Интересна в этом отношении форма ускоренности действия *-бахтаа*, в которой нередко после гласных начальный *-б* аффикса чередуется с *м*: *аһаабахтаа*- и *аһаамахтаа*, *кэспээбхтээ* и *кэспээмэхтээ*. Этимологически форма *-бахтаа* разлагается на компоненты *бах-таа*, где первый элемент восходит к древнетюркской форме *-таq* (*mäk*), образующей абстрактные существительные [Харитонов, 1960, с. 40], т.е. процесс выравнивания анлаута аффиксов с губными согласными мог в якутском пойти дальше, как это и случилось в сибирских языках, но был прерван и на монгольские заимствования уже не распространился. Ср. як. *төгөрүмтэ* ~ *тэгэримтэ* 'окольный путь' < монг., монг. письм. **tögüri* (+ *mte*) и як. *тиэрбэс* < тюрк. **tägürmäč* < др.-т. *tägirmi* [Kałużyński, 1961, S. 91].

Таким образом, на якутской почве возникла фонологическая оппозиция шумных *p ~ b*, изменилась дистрибуция *m*, в результате чего сформировалась оппозиция *m ~ b* в анлауте. Сохранилась существовавшая в древнетюркском оппозиция *-p ~ -m* в ауслауте (*көм* 'закапывать' ~ *көп* 'рыхлый', *ап* 'волшебство' ~ *эм* 'сосать', *бизм* 'моя кобыла' ~ *сизп* 'карман' и т.д.), ограниченная лишь низкой частотностью *-p* в этой позиции, что было свойственно и древнетюркскому языку. По характеру изменения *m* в анлауте слов и аффиксов якутский оказался в одной группе с другими тюркскими языками Сибири и киргизским.

Формирование оппозиции шумных в локальной группе переднеязычных согласных

Переднеязычные смычные согласные образуют в якутском такую же симметричную систему, как и губные: шумный глухой смычный *t*, шумный звонкий

смычный *d*, смычный носовой сонант *n*. По положению языка они являются апикальными, спорадически встречается придыхательное произношение *t*. В абсолютном конце слова *t* и *n* являются имплозивными (*n* имеет имплозивное произношение перед *d*, *t*, *č*) [Дьячковский, 1977, с. 13—19]. Фонологическая оппозиция *t ~ d* имеет место в анлауте и инлауте (в интервокальном положении и после сонорных).

В словаре Э.К. Пекарского приведено около 200 корней с анлаутным *d*-, корней с *t*- в 3 раза больше, около 50 слов имеют варианты в произношении *t ~ d*-. Можно подобрать ряд квазиомонимов с противопоставлением *t — d*:- *tala:r* 'слегка волноваться' // *dala:r* 'много говорить'; *talbar* 'отборный' (> *tal* 'выбирать', ср. аз., шор., см. *talla* 'выбирать', ойр., тел. *talda*, к.-кир. *tanda* 'выбирать') [Räsänen, 1969, S. 457] // *dalbar* 'большой берестяной сосуд, вмещающий до одного ведра кумыса, кожаный, кумысный сосуд' (в Ботурусском улусе — 'стол, лабаз для кушанья; почесть', 'сердечный теплый прием с обильным столом'), монг., халх. *dalbai* 'быть широким и плоским', бур. *dalbai* 'развертываться, растопыриваться', калм. *dalwä* 'быть широким и плоским (о парусе, тарелке)', *dalwäγrāγ* 'плоская тарелка, большая широкая миска' > тув. *dalbai* 'расправляться (напр., о крыльях)', алт., тел., шор. и др. [Радлов, 1893—1911, т. 3, с. 896] *talbai* 'растягивать руки, развернуть крылья, чтобы лететь'; ср. [Räsänen, 1969, S. 130; Калужински, 1979, с. 82] *dal* 'скотный двор' (ср. бур. *dal* 'навес' [Räsänen, 1969, S. 130] // *tal* 'выбирать' (ср. аз., шор. *talla* 'выбирать') и т.д.

Анлаутный *d*- встречается в целом ряде тюркских языков: это языки юго-западной (азербайджанский, турецкий, туркменский и т.д.) и северо-восточной (тувинский, тофский) групп. (О появлении *d*- в кыпчакских языках см. [Schütz, 1972].) На происхождение этого *d*- существуют различные точки зрения, которые можно свести к двум противоположным утверждениям: в пратюркском языке был один анлаутный дентальный смычный — глухой (сильный) **t*, а звонкий (слабый) **d*- появился в результате позиционного озвончения, влияния последующего гласного,

иноязычного влияния, под воздействием фазовой фонетики и т.д. [Рясянен, 1955, с. 138; Щербак, 1970, с. 90—91]. А.М. Щербак считает, что *d-* в огузских и тувинском языках появился в результате ослабления анлаутного *t-* и слабый (звонкий) был результатом этого процесса, а сильный (глухой) представляет исходную ступень.

Сторонники другой точки зрения восстанавливают для пратюркского анлаута два смычных **t-* и **d-*, а для алтайской общности три: **t-*, **d-*, **δ-*. В.М. Иллич-Свитыч развил гипотезу о наличии в алтайском анлауте троичного противопоставления по характеру смычки для гуттуральных, дентальных и лабиальных. Противопоставление дентальных строится на соответствии:

(**t-*) *t^c* (тюрк. **t-* > огуз. *t-*, *d-*, тув.-карагас. *t-*, *d-*); монг. **t-*, тунг. **t-*;

(**d-*) *t-* (тюрк. **d-* > огуз. *d-*, тув.-карагас. *d-*); монг. **d-*, тунг. **d-*;

(**δ-*) *d-* (тюрк. **j-* > огуз. *j-*, тув.-карагас. *č-*); монг. **d-*, тунг. *d-* [Иллич-Свитыч, 1971, с. XIII].

В.М. Иллич-Свитыч так представил это противопоставление по языкам:

Алтай- ский	Тунгусо-маньчжурские			Монголь- ский письм.	Тюркские			Корей- ский
	эвен.	нан.	маньчж.		тур.	тув.	др.-т.	
<i>*t^c</i>	<i>t-</i>	<i>t-, c-</i>	<i>t-, c-</i>	<i>t-, č-</i>	<i>t-, d-</i>	<i>t-, d-</i>	<i>t-</i>	<i>t-</i>
<i>*t-</i>	<i>d-</i>	<i>d, ʒ</i>	<i>d, ʒ</i>	<i>d-, ʒ</i> <i>-t-, -č-</i>	<i>d-</i> <i>-t, d-</i>	—	<i>t-</i>	<i>t-</i> <i>-th-</i>
<i>*d</i>	<i>d</i>	<i>d, ʒ</i>	<i>d, ʒ</i>	<i>d, ʒ</i>	<i>j</i>	<i>č-</i> <i>-d-</i>	<i>j-</i> <i>δ-</i>	<i>t-</i> <i>-d-</i>

Концепция Иллича-Свитыча нашла продолжение в трудах А.В. Дыбо, С.А. Старостина, О.А. Мудрака.

Таким образом, с точки зрения сторонников этой гипотезы, турецкий и другие огузские языки в этом отношении архаичнее древнетюркских языков, так как «сохраняют (в несколько измененной форме) пратюркское противопоставление **d-* и *t-*» [Иллич-Свитыч, 1963, с. 44].

В отличие от группы губных смычных, где, согласно этой концепции, выпадает сильный *p^c-* (>*h-* > *ø-*), в группе переднеязычных изменяется самый слабый

d- (**δ*), который в тюркских языках (в отличие от монгольских и тунгусских) спирантизуется и дает *j-*. Первая ступень по степени напряженности *t^c* и вторая *t* в одних тюркских языках совпадают в *t-*, в других сохраняется оппозиция шумных переднеязычных в анлауте.

В наиболее ранних памятниках древнетюркской письменности анлаутный *d-* почти не наблюдается. Его нет в орхонских, енисейских и уйгурских памятниках. В словаре Махмуда Кашгарского он встречается очень редко: в I томе — 7 слов, во II — 4 слова, в III — 10 слов (см. [Муталибов, 1967]). Махмуд Кашгарский указывает, что переход *t-* > *d-* характерен лишь для огузов и их родичей, но во многих словах, которые рассматриваются в словаре как огузские, сохраняется *t-*. (Об употреблении *d-* в литературных памятниках Средней Азии см. [Brockelmann, 1954, S. 28—29].) Как доказательство вторичного характера огузского *d-* можно рассматривать и то, что халаджский язык, сохраняющий черты древнего языка аргу, имеет в анлауте *t-* [Doerfer, 1971, p. 171]. Среди тюркских языков Сибири наличие фонологической оппозиции анлаутных неносовых смычных характерно лишь для тувинского и тофского языков. Систему анлаутных смычных, близкую тувинской, описывает Э.Р. Тенишев [1963, с. 11—15] в саларском и сарыг-югурском языках. Близкая система имеется в языке уйгуров-урянхайцев.

В тувинском языке противопоставление сильных и слабых согласных имеет последовательный характер в анлауте; в инлауте и ауслауте возможны лишь слабые. На основную оппозицию по силе/слабости накладывается дополнительная по звонкости/глухости [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 86; Сегленмей, 1979]. В тофском языке сильные согласные в анлауте довольно редки и употребляются в ограниченном числе слов [Рассадин, 1971, с. 60].

Сопоставление тувинского *t^c* и *d* с языками огузской группы, а также с саларским и тофским, показало, что случаев несовпадения тувинского *d-* и огузского *d*, тувинского *t^c* и огузского *t-* больше, чем

совпадений [Левитская, 1966]. Часто расходятся и тувинские, и тофские анлаутные дентальные: тоф. *da-ra* ~ тув. *таара* 'хлебные посевы, зерно'; тоф. *dʒiʃs* ~ тув. *тос* 'девять'; тоф. *dən* ~ тув. *тон* 'шуба' [Рассадин, 1971].

Обстоятельно разбирает соответствия *t*- и *d*- в огузских и тувинском языках А.М. Шербак [1970, с. 90—95]. Он приходит к выводу, что «слова с начальными глухими (сильными), с одной стороны, и слова с начальными звонкими (слабыми) — с другой, не образуют последовательно разграниченных рядов даже внутри группы огузских языков». Иную точку зрения при анализе того же материала высказывает С.А. Старостин [1991, с. 6—12]. Он устанавливает следующую закономерность:

п.-ог.	аз.	тур.	туркм.
* <i>t</i> -	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i> -
* <i>d</i> -	<i>d</i> -	<i>d</i> -/ <i>t</i> -	<i>d</i> -
	перед задними гласными		
	<i>d</i> -		
	перед передними гласными		

Из 92 рассмотренных выше примеров лишь 12 дают исключения: аз. *daj*, тур. *taj*, туркм. *taj* 'жеребенок'; тур. *dal*, аз. *tāl* 'тальник, ветвь'; аз. *tān*, тур., туркм. *den* 'одинаковый'; аз. *tāp*-, тур. *ter*-, туркм. *dep*- 'лягать'; аз. *tār*, тур. *ter*, туркм. *der* 'пот' и т.д.

Якутская система анлаутных дентальных смычных не объясняется ни огузской, ни тувинской. Огузскому и тувинскому *d*- в якутском регулярно соответствует *t*. Совпадение якутского *d*- с огузским или тувинским *d*- происходит лишь в отдельных словах:

аз.	тур.	туркм.	тув.	як.
<i>dāxi</i>	<i>dahī</i>	—	<i>дагін</i>	<i>даганы</i> ~ <i>таганы</i> 'и, тоже'
<i>daj</i> —	<i>dāj</i>	<i>dəg</i>	<i>dəg</i>	<i>дагай</i> ~ <i>тагай</i> 'трогать'
<i>тоз</i>	<i>тоз</i>	<i>тōδ</i>	<i>дōзун</i>	<i>дуохун</i> ~ <i>доохун</i> 'пыль'

В тех случаях, когда анлаутный *d*- совпадает в тувинском, тофском и якутском языках, слово, как правило, оказывается заимствованным из монгольского: 1) як. *дэгдэй* 'приподниматься над землей' //

тоф. *dəyede*- 'вознестись на небо', монг. старописым. *degde* 'подниматься вверх, воспарить, взлететь', ойр. *degde* 'подняться вверх, вырасти'; халх. *дэгдэ*, бур. *дэгдэ*, калм. *дэгд*- 'подниматься, взлетать'; 2) як. *дэлэ-гэй* 'обильный, обширный' // тоф. *dələhej* 'мир, земной шар' // тув. *делегей* 'мир', монг. старописым. *delekei*, ойр. *delekei*, халх. *дэлхий*, бур. *дэлхэй* 'просторный, обширный'.

Итак, якутский язык по характеру анлаута шумных переднеязычных согласных отличается от огузских и группы восточных языков (тувинский, тофский, уйгуро-урянхайский, саларский, желтойгурский), которая тесно связана с одним из диалектов древнего уйгурского языка. Но он сближается по этим параметрам не только с новыми и новейшими кыпчакскими языками, но и с древним языком орхонских текстов:

'язык': др.-т. *til/til*, як. *төл*, карач.-балк. *til*', ног. *těl*, кумык. *til*, тат. *təl/těl*, башк. *təl*, к.-калп. *til*, узб. *til/ti:l*, каз. *til*, уйг. *til*, сиб. тат. *tll*, бачат. тел. *tll*, чул.-тюрк. *tll/tll*, алт. *tll'/təl'/təl'*, шор. *til*, хак. *төл*, долг. *төл*, як. *төл* ~ тув. *дөл*, тоф. *dəl* ~ гагауз. *d'il* ~ аз. *dil* ~ туркм. *dil* ~ узб. (диал.) *dil*;

'верхушка, темя': др.-т. *töprü*; гагауз. *t'ep'ä/t'ep'e*, карач.-балк. *töppe*, ног. *töbö*, кумык. *töbe/tebe*, тат. *tybae/töbae/tübdäe/tübae*, башк. *tybae*, чув. *t'yp'e/t'öp'e*, к.-калп. *toeb'e/toeb'oe*, узб. *töbae/taepae/terae*, кирг. *töbø*, каз. *töbø*, уйг. *töpaе*, сиб. тат. *tybae/toeb'oe*, алт. *töbø*, хак. *toemen*, як. *tieboe* ~ туркм. *dere/defe/daepae* (но аз. *taepae*);

'лить, сыпать': др.-т. *tök*, карач.-балк. *tök*, ног. *tök/tök'*, кумык. *tök/tök'*, тат. *tyk/tyg/tük*, башк. *tyk*, чув. *tək*, к.-калп. *toek*, узб. *tök/tök*, кирг. *tök*, каз. *tök*, уйг. *tök*, сиб. тат. *tyk/toek*, бачат. тел. *tök*, чул.-тюрк. *toek*, алт. *tök*, шор. *tök*, хак. *tæk/tyk*, долг. *təq*, як. *təq* ~ гагауз. *d'ök*, туркм. *doek*, узб. *dök*, но тув. *t'oeck*, тоф. *tök*;

'голос, шум': др.-т. *taviš/tavuš*, карач.-балк. *tawuf*, кумык. *tawuf*, тат. *tawəf/tawəf/tawəf*, башк. *tawəf*, узб. (диал.) *tawəf/tawuf*, кирг. *tabəf/tabuf//dobuf//do:f*, уйг. *taβəf/to:f*, сиб. тат. *tawəf*, бачат. тел. *tabəf*, чул.-тюрк. *təβəf*, алт. *tabəf/ta:βəf*, шор. *ta·Bəf/tabəf*, хак. *ta·βəf/ta·Bəf*, долг. *təβs*, як. *təβs* ~ тув. *da:f*, тоф. *da:f*;

‘стелить’: др.-т. *tōšā*, карач.-балк. *təʃe*, кумык. *tōʃ'e/*
təʃe, тат. *myʃae*, башк. *tyʃae*, к.-калп. *toese/toesoe*, узб.
təʃ'ae/tə'ae/təʃae, кирг. *təʃə*, каз. *təʃə/təʃə*, сиб. тат. *təʃae/*
tyʃae, алт. *təʃə*, шор. *təʃe*, хак. *toeʒe/toeʒe* ~ тув. *doeʒe*,
doeʒe, гагауз. *d'əʃe/d'əʃe*, аз. *dəʃae*, туркм. *doeʃae*.

Слова с анлаутным *d*- представляют в якутском языке слишком большую и характерную группу, чтобы их можно было объяснить только единичными заимствованиями или озвончением, хотя можно отметить и такие случаи: с начальным *d*- вошли в якутский язык некоторые эвенкийские слова, например *далыс* ‘род передника’. Иногда начальное *d*- можно объяснить и озвончением. Так, О. Бётлингк послелог *diäpü* производит от *tii-* ‘достигать’, а озвончение объясняет тесной связью с предшествующим словом [Böhtlingk, 1851, S. 159].

Но основной источник появления анлаутного *d*- — монгольский язык. Хотя якутский язык имеет склонность воспринимать монгольский анлаутный *d*- как глухой *t*- (1), в большинстве случаев он сохраняет монгольское *d*- (2) [Kałużyński, 1961, S. 42–44].

1) *taryi* ‘касаться’ < монг. письм. *dayari*, орд. *dāri-*, калм. *dār-*, халх. *daerə*; *toluk* ‘выкуп’ < монг. *doliy*, бур. *dolig* = др.-т. *juluy* ‘купля’ > як. *sulū* ‘калым’; *maaga*, *магы* ‘свалявшаяся шерсть’ < монг. письм. *daḡaki*, калм. *dāḡə*, *dāḡə*, бур. *daḡi*, халх. *dāḡi* = тюрк. *jaraui* ‘необработанная шерсть’ > (?) як. *сабыргах* ‘волосы (шерсть) подле висков, загривок’;

2) *дэлэгэй* ‘широкий’ < монг. *delegei*, монг. письм. *de-lekei*, орд. *delexi*, халх. *delxi*; *домнут* ‘предсказания’ < монг. письм., халх., калм. *dom*; *дал* ‘загон’ < монг. письм., халх., калм., бур. *dal*.

Непоследовательность в восприятии якутским языком монгольских *d*- и *t*- может быть объяснена не только одновременностью контактов и изменениями, которые произошли в самом монгольском языке, но и тем, что оппозиция *t*- ~ *d*- складывалась в течение какого-то времени и восприятие *d*- постепенно менялось. Анлаутный *d*- является результатом монгольско-тюркского двуязычия предков современных якутов. Его стабилизации могло способствовать то,

что на якутский язык переходили большие группы эвенков, а для эвенкийского языка начальный *d*- обычен. Интересно, что мало отразившись в бытовой лексике, анлаутный *d*- очень характерен для звуко-подражательных и образных слов и для собственных имен, особенно исторических и сказочных, причем некоторые из них не имеют монгольских параллелей. Например: Дыгын, Тыгын сын Эр Эллай-а [Антонов, 1971, с. 109].

Оппозиция *-t* ~ *-d* в интервокальной позиции также связана со смешанным характером якутского языка. Древнетюркскому *d* в якутском соответствует большей частью *t*. Н.Д. Дьячковский даже высказал предположение о том, что древнеякутский язык вообще не знал *d*. Но в древних орхонских памятниках из-за особенности графики одним знаком (вернее, двумя в зависимости от рядности слова) обозначались *-d* < *-d** и *d* < *t*, которые возникали на морфемных швах обычно после глухих согласных (*idi*, *jīšda*, *qontuqda*), в первом случае закономерно древнетюркскому *-d* (пратюркский межзубный **-d-*) в якутском соответствует *-m*, который совпадает с *-t* < др.-т. *-t* [Porre, 1959, S. 678].

Например: др.-т. *adaq*, як. *атах*, хак. *азак*, тув., тоф. *adak*, алт., тел. *айак*, тур. *ayak*, аз. *ajag*, туркм. *аяк* ‘нога, ножка’; др.-т. *adir* ‘разделять, отделять’, як. *атырдьях* ‘рогатка, вилы’, туркм. *айыр*-, тур. *ayir*-, хак. *азыр*-, алт. *айры*-, кирг. *айыр*, уйг. *айри*- ‘отделять, разделять, разлучать’; др.-т. *jada*, як. *самыы*, алт. *joyu*, тув. *чадаг*, хак. *чадаг*, аз. *jajag*, кирг. *жөө*, уйг. *ййак* ‘пеший, пешком’.

Это соответствие *r* ~ *d* ~ *t* ~ *z* ~ *j* не представляет хронологически последовательной стадии развития [Дмитриев, 1955, с. 326–328]. Так, появление *-j* вместо *-d* более ранних текстов уйгурского письма в языке среднеазиатских литературных памятников вызвано влиянием все более распространявшихся с запада языков *-j*-группы. В словаре Махмуда Кашгарского встречается много вариантов слов с *δ(ɔ)* ~ *d(ɔ)*, которым в языке «Атэбэт ул-хэкал» (XII в.) и «Кысас эл-энбийэ» (XIV в.) соответствует *-d*-. Имеются

диалектные варианты чередования $d//\delta//\ddot{u}$ [Насилов, 1974, с. 19; Малов, 1951, с. 126; Brockelmann, 1954, S. 29—31]. Язык рунической и уйгурской письменности — это язык $-d$ -группы. Но $-d$ -венского списка «Кутадгу билиг», написанного уйгурским шрифтом, в каирской и наманганской редакциях может соответствовать не только $-d$ -, но и δ , а язык желтых уйгуров, которых С.Е. Малов считал ближайшими потомками древних уйгуров-буддистов, — это $-z$ -язык. Кроме желтых уйгуров к $-z$ -группе относятся хакасы и шорцы, а к $-d$ -группе — тувинцы и тофы. Нарушая привычную схему, по которой западные языки относились к $-j$ -группе, языком $-d$ -группы оказался халаджский язык, сохранивший $-d$ -языка аргу [Малов, 1951, с. 126—299; Döerffer, 1971, p. 162—163]. Якутский язык обычно включается как $-t$ -подгруппа в группу $-d$ -языков. Но это единственный язык, в котором $-d$ -отразился как глухой. Только в некоторых памятниках $*\delta$ может как исключение переходить в $-t$ -перед последующими глухими: $\ddot{a}tk\ddot{u}$ вместо $\ddot{a}dg\ddot{u}$ 'хороший' в рукописях на брахми [Gabain, 1950, S. 7], $qod\ddot{u}qi > qodqi > qotqi$ 'скромный' и т.д. [Brockelmann, 1954, S. 30—31].

Если др.-т. $-d =$ як. $-m$ -, то монг. $-d$ -, соответствующий др.-т. $-d$ - (δ^*), сохраняется: як. *кутурук* 'хвост' < др.-т. *quduruq*; як. *кудурган* 'подбрюшник' < монг. *quduryan* 'подхвостник'; як. *kädär* 'в стороне, наоборот, противоположное тому, что следует' < монг., бур. *xeder* 'упрямый, строптивый, несговорчивый', халх. *xedär* 'непослушный, упрямый', калм. *kedr*, *heder* [Ковальски, 1931] 'свирепый, вспыльчивый, гневный' > алт. [Радлов, 1893—1911, т. 2, ч. 2, с. 1134] *kädär* 'с норовом (о лошади)', саг., койб. *kedär* 'в сторону', тув. *xädär* 'грубоватый, упрямый', кирг. [Юдахин, 1986] *kidir* 'задержка, помеха, препятствие', хак. *kider* 'запад, на запад' ~ тюрк. [Древнетюркский словарь, 1969] *ked* 'конец, задняя часть', *kedin ~ kidin* 'сзади, задний', *kederti ~ kiderti* 'сзади', кирг. [Юдахин, 1986] *kijin* 'после, затем'; ср. як. *kädärgi ~ kädirgi ~ kädirgä* 'противоположность, противное направление, наоборот' < монг. [Kowalski, 1931] *gedergen* 'задом, сзади', *gedergü*

'задом, обратно, назад', бур. *gederge* 'назад, обратно, вспять', халх. *gedræg id.* > тюрк., кирг. [Юдахин, 1986] *kädärgi* 'помеха, препятствие', к.-калп. *kädärgi*, алт., тел. *kädärgi* 'находящийся в стороне' ~ як. *kätä* 'упорный, упрямый', *kätäyärin* 'противоположная сторона юрты', *kätäx* 'затылок, тыл, задняя сторона, задний' = тюрк. [Древнетюркский словарь, 1969] *ked ~ ket* 'конец, задняя часть', *kedin ~ kidin* 'сзади, в западном направлении, затем, потом'; як. *amax* 'нога' < др.-т. *adaq*; як. *adaqa* 'пути, кандалы' < монг., бур. *adaga* 'пути'.

Хотя и монгольский $-d$ - в якутском языке часто оглушается [Kałużyński, 1961, S. 43]: як. *xamaa* 'забивать гвоздь, укреплять' < монг., монг. письм. *qada*-, бур. *xada*-, калм. *xadъ* > алт., кирг. *qada*-, тув. *kada*-, каз. *kaga*, тат. *kada*-, як. *samağay* 'дырявый, открытый' < монг., монг. письм. *žadayai*, халх. *dzadъge*; як. *samaa* 'мочь, быть в состоянии' < монг. письм. *čida*-, бур. *sada*-, калм., халх. *šadъ* > алт., кирг. *čyda*, хак. *syda*; ср. як. *adaa* 'не мочь, быть не в состоянии' < монг. письм. *jada*-, халх. *jadъ*; як. *хомуур* 'коса, косовица' < монг., монг. письм. *qaduyur*, халх., бур. *xadür*, ср. *хадый- ~ ходуй-* 'косить' < монг. письм. *qadu*, орд. *xadu*-, бур. *xada*-.

В приведенных примерах монгольские $\ddot{c}$ - и $\ddot{ž}$ - отражаются как s -, что говорит о древности заимствования, поэтому можно предположить, что монгольский $-d$ - перешел в якутский $-m$ - на более ранних этапах заимствования. Возможно, что часть слов с интервокальным $-d$ - попала в якутский язык в результате позднейшего притока какого-то тюркского диалекта, в котором процесс озвончения интервокальных согласных пошел дальше, чем в якутском.

Як. *kudu* 'тайком, незаметно', *arÿi kudu* 'чуть не хватает, маловато (только о жидкостях)', *kuduk* 'неполно, недостаточно', *kudurui* 'укорачиваться, понижаться (в цене), уступать (в условии)'. Ср. тув. *qudu* 'низкий, плохой, вниз, внизу', *quduqu* 'низкий, низший', *qudula* 'понижаться, снижаться' = тюрк. [Древнетюркский словарь, 1969] *qody* 'вниз, внизу, находящийся ниже', *qodyqu* 'находящийся внизу, нижний' (от *qod*- 'класть, оставлять') = як. *хоту* 'север, на

север, вниз по течению', *xotugu* 'северный'; як. *dalbar* 'всплывать на поверхность воды (об оцепеневшей рыбе весной и осенью)', *dalbaryi-* 'цепенеть, неметь, делаться бесчувственным, затмеваться', *dalbar, dalbaryi* 'оцепенеть, застыть, замереть' = кирг. [Юдахин, 1986] *dalbar* 'устать, выбиться из сил', *dalbyra-* 'изнемогать', *dalai-* 'ослабеть, стать вялым'. Ср. тюрк. [Древнетюркский словарь, 1969] *tal* 'лишиться чувств', тел., алт., шор., саг., койб., каз. и др. [Радлов, 1893—1911, т. 3, с. 87] *tal* 'уствовать, быть усталым, слабым' = як. *tal* 'замереть, обмереть' [Kałużyński, 1961].

Именно это смешанное происхождение якутского *-d-* могло привести к диалектному чередованию *-t- ~ -d-*, широко распространенному в якутском языке [Афанасьев, 1965, с. 65—67].

С.Е. Малов [1951, с. 6] к древним чертам тюркских языков относил наличие в них фонетических комплексов *rt, nt, lt* на морфемных швах, т.е. они должны встречаться не только в неразложимых основах типа *алтун* 'золото' и *алтан* 'шесть', но и в *алты* 'взял', а не *ал-ды*, как во всех тюркских современных языках.

В якутском языке имеются аффиксы с глухим алаутом после *r, l, n*. Это, например, формы исходного падежа, который после гласных и дифтонгов употребляется с *tt-*, а после *-j* и *-rt-* аффикса теряет долготу, но остается глухим. О.Н. Бётлингк считал, что сочетание *-rt-* в неразложимых основах объясняется как сохранением более древних форм (поскольку озвончение *t* после сонорных перед последующими гласными — явление позднейшее), так и тем, что в ряде случаев *t* в сочетаниях с сонорными восходит к *tt*.

Фонетические изменения на морфемных швах объясняются действием звуковых законов, присущих современному якутскому языку, а также историей отдельных аффиксов. Изменения закономерностей сочетаний согласных в неразложимых производных основах и при присоединении аффиксов связаны с историческими изменениями фонологической системы якутского языка. Консонантизм современного якутского языка сильно отличается от консонантизма дру-

гих тюркских языков Сибири, но у них есть общие черты, которые позволяют предположить, что якутская система начинала перестраиваться по тем же законам, что и другие тюркские языки Сибири: из шумных согласных в ауслауте возможны только глухие. В интервокальном положении на морфемных швах — при присоединении вокально-начальных аффиксов — периферийные группы согласных озвончаются, в основах их употребление невозможно (*n*) или ограничено (*x, k*). В отличие от них *-m-*основа не озвончается перед гласными аффикса: як. *көт* 'лететь' > *көтөт* 'заставить лететь'; *сыт* 'лежать' > *сытар* 'заставить лежать', ср. тув. *тут-ар ~ тудар* 'тот, что будет держать', алт. *тут-ар ~ тудар*; хак. *чат-ар ~ чадар* 'тот, что будет летать'.

Эта особенность сближает якутский язык с киргизским, в котором ауслаутный *-m* также сохраняется перед гласными аффикса. И.А. Батманов [1963] предположил, что явление озвончения *-m-* в интервокальной позиции развилось уже после того, как киргизы ушли с Енисея. Но якутский и киргизский языки с языками Южной Сибири, а также с рядом других тюркских языков объединяет то, что *-m* и *-d* в ауслауте не противопоставлены, и это противопоставление не восстанавливается и после присоединения аффикса, начинающегося с гласной, в отличие от таких языков, как турецкий, азербайджанский.

Эта тенденция не получила полного развития, позднее начинают действовать другие закономерности, часто возникающие под влиянием контактов якутского языка с другими языками. Интересный материал для изучения истории якутского языка представляет и история отдельных аффиксов.

В якутском языке консонантно-начальные аффиксы могут присоединяться к основе, оканчивающейся на согласный, разными способами; от этого в значительной мере зависит и число вариантов аффиксов по начальному согласному. Аффиксы могут присоединяться при помощи соединительного гласного, например: *утуйума!* 'не спи!', *барыма!* 'не ходи!', *барыман!* 'не ходите!'. При изменении способа присоеди-

нения отрицательного аффикса его начальный согласный начинает изменяться: *барбатын!* 'пусть не идет!' Формы с «вторичным» анлаутом (*-бат*, *-батах* и др.) закрепляются в якутском языке уже как основные. Аффиксов, присоединяющихся при помощи присоединительного гласного и не изменяющих поэтому начального согласного, в якутском языке очень много: *-мсий/-ымсий*, *-ргаа/-ыргаа*, *-талаа/-ыталаа* и т.д. Условно одновариантными можно считать аффиксы, у которых в зависимости от окончания основы происходит выбор между консонантно-начальным и вокально-начальным вариантами аффиксов: вин. пад. *таба-ны* 'олень', *ого-ну* 'ребенка', но *ат-ы* 'коня', *эт-и* 'мясо'.

Если к основам, оканчивающимся на согласный, непосредственно присоединяется аффикс, начинающийся на согласный, то на стыке морфем может иметь место ассимиляция разного типа: прогрессивная, регрессивная, прогрессивно-регрессивная, полная, частичная. Наиболее типичной, имеющей аналогии в других тюркских языках, считается прогрессивная ассимиляция, когда начальный согласный аффикса изменяется в зависимости от конечного согласного основы. О.Н. Бётлингк обобщил изменения этого типа в следующей схеме:

1. *з* — после тяжелых кратких и долгих гласных и дифтонгов с тяжелым аулаутом;
г — после легких кратких и долгих гласных, *й*-дифтонгов и трифтонгов, *р*, *л* и *l*;
к — после *к*, *т*, *п*, *с*;
х — после *х*;
н — после *н*, *н* и *м* (пример — аффикс дат. пад.);
2. *т* — после простых гласных, дифтонгов, *к*, *х*, *т*, *п*, *с*, иногда *н*, *н* и *м*;
д — после *й*-дифтонгов, трифтонгов и *р*;
н — после *н*, *н* и *м*;
л — после *л*;
l — после *l* (пример — окончание неопределенного вин. пад.);
3. *б* — после всех гласных, *р*, *л* и *l*;
п — после *к*, *т*, *х*, *п*, *с*, иногда *н*, *н* и *м*;

- м* — после *н*, *н* и *м* (пример — аффиговый посессив 1-го л. ед. ч. перед падежными окончаниями);
4. *л* — после гласных, дифтонгов твердого ряда, *л*, иногда *р*;
l — после мягкорядных гласных и дифтонгов, *l*, иногда *р*;
т — после *к*, *х*, *т*, *п*, *с*, иногда *н* и *м*;
д — после *й*-дифтонгов, трифтонгов и *р*;
н — после *н*, *н* и *м* (пример — окончание обстоятельного падежа);
5. *с* — после гласных, *к*, *х* и *н*;
ч — после *т*, *с* и *м*;
дь — после *р*, *л* и *l*;
нь — после *н* (единственный пример — аффикс *-сyt*).

Но этими закономерными чередованиями, по материалам О.Н. Бётлингка, охвачено только около 30 аффиксов; по результатам более поздних исследований число закономерно изменяющихся аффиксов может быть увеличено, но не менее часто встречаются такие случаи, когда аффиксы с одинаковым анлаутом после основ на один и тот же согласный имеют разное количество вариантов. Есть аффиксы, которые вообще не меняют начальный согласный в этой позиции: это типично для всей группы уменьшительно-ласкательных аффиксов (*-чык/-чик/-чук/-чүк*; *-ка/-кэ/-ко/-кө*; *-чаан/-чээн/-чөөн/-чөөн*). К этой группе относится и аффикс *-тай*, который часто употребляется при именах собственных, а также при существительных и прилагательных, используемых в функции обращения: *урунуурэ үэйэнтэйим* 'беленький горностаичик-мой', *сэрэбийдээх сэгэртэйим* 'имеющий жребий дружочек-мой'.

Этот аффикс А.М. Щербак рассматривает как новообразование в тюркских языках; встречается он в казахском, киргизском, узбекском и татарском [Щербак, 1977, с. 102]. При его присоединении наблюдаются случаи регрессивной ассимиляции: *сэгэртэй* → *сэгэртэй*. Этот тип ассимиляции в большей степени присущ сочетанию *рт* внутри основы (*орто* → *отто*),

встречается он также на стыке конечного согласного основы и начального согласного аффикса в производных основах. Грамматическим омонимом этого аффикса является аффикс *-тай*, оформляющий имена собственные: Эрбэхтэй Бэргэн, Отохтой Бэргэн, Хаан — Олбохтой и т.д.

Закономерности присоединения аффикса *-тай* к основе столь различны, что можно предположить здесь совпадение двух аффиксов, возникших в разных ситуациях.

1. Монгольский аффикс *-тай*, оформляющий имена собственные и выражающий обладание чем-либо: Чэриктэй (название одного из наслегов), ср. монг. *čerigtei* < *čerig* — др.-т. *čerig*, як. *сэрии* 'войско'; Чолбонтой, ср. монг. *čolbon* 'Венера'; Уйантай, ср. монг. *ujan* 'нежный'; Айантай Бэргэн, ср. монг. *ajan* 'путешествие' и т.д. В этом случае сочетание *нт* на морфемном шве сохраняется.

2. На стыке морфем развивается прогрессивная ассимиляция: Күннэй, Тимирдэй, Хахадай (от *хахай* 'лев'). Начальный согласный аффикса изменяется по типу, описанному О.Н. Бётлингком. В этом случае аффикс восходит к древнетюркскому послелогу *teg* 'как, словно, будто', что подтверждается семантикой этих имен: «Подобный солнцу», «Подобный железу», «Подобный льву». Но в якутском языке этот древнетюркский послелог имеет еще два рефлекса:

1) в составе аффикса сравнительного падежа *-таагар*, *-лаагар*, *-наагар*, *-даагар*, который состоит из *-таа* (< *-ta* < **-teg* < *teg*) + *гар* (результат метатезы древнетюркского аффикса *-рак*, обозначающего степень качества прилагательных и наречий и сохранившегося в некоторых живых тюркских языках). Фонетическое преобразование древнетюркского *teg* в этом аффиксе наиболее отвечает закономерным соответствиям древнетюркского *у* в якутском языке: это должен быть либо долгий гласный, либо дифтонг;

2) более редкий тип соответствия — это аффикс *-нык/-дык*, который присоединяется к личным и указательным местоимениям, образуя сравнительно-личные и сравнительно-указательные местоимения: *мин-*

гинник 'такой, как я', *эйигинник* 'такой, как ты', *ман-нык* 'такой'. Количество фонетических вариантов по первому согласному ограничено тем, что он присоединяется только к косвенным основам, которые имеют показатель *-н*.

Итак, на базе одного древнетюркского послелога в якутском языке развивались три формы: 1) словообразовательный аффикс имен собственных *-тай/-дай/-най*; 2) аффикс сравнительного падежа *-таагар/-даагар/-наагар/-лаагар*; 3) аффикс лично- и указательно-сравнительных местоимений *-нык/-дык*. Разные способы отражения древнетюркского *у* показывают, что в якутский эти формы вошли в разное время и с разными группами тюркоязычных предков якутов, но они имеют общую тенденцию к изменению начального согласного аффикса (количество вариантов в первом и третьем случаях ограничено качеством конечного согласного основы). Однако полностью совпадающий с первым случаем и по форме, и по функции, но монгольский по происхождению аффикс *-тай* не подчиняется этой тенденции.

Можно предположить, что процессы ассимиляции на стыке основы и аффикса активно развивались в то время, когда якутский еще не утратил связи с другими тюркскими языками Сибири: по количеству вариантов словоизменяемых аффиксов он сближается с такими языками, как тувинский, шорский, хакасский, хотя и не совпадает полностью. Но после периода монгольско-якутского двуязычия эта тенденция ослабевает: так, уже сформировавшиеся ассимилятивные варианты аффиксов полностью сохраняются, но многочисленные аффиксы, попавшие в якутский с монгольской лексикой позже, остаются одно-, двух-вариантными. Расширяется дистрибуция шумных согласных в связи с нарушением развития тенденции, согласно которой периферийный согласный, стоящий в анлауте аффикса, при присоединении к основам на гласный или сонорный согласный последовательно озвончается. Начинает развиваться другой тип ассимилятивных изменений, охватывающий и монгольские заимствования, например: *хагдан/хандан/хар-*

дан/... 'сухая трава'. Эти изменения охватывают в основном центральные районы Якутии и в меньшей степени отмечаются в маргинальных зонах, что является надежным доказательством их позднего происхождения.

Изменение законов сочетаемости сонорный + *t* на морфемных швах приводит к тому, что *t* и *d* оказываются в одной и той же позиции в словах, не сохранивших или утративших в сознании носителей возможность морфологического членения.

В ряде аффиксов и основ якутский *-m-* появляется на месте тюркских *s, š, z*:

1) аффикс принадлежности 3-го л. ед. ч. + *ma* (-*a*) < тюрк. *sā/š*;

2) аффикс принадлежности 1-го л. мн. ч. + *быт* < тюрк. *māz, bāz*;

3) аффикс принадлежности 2-го л. мн. ч. - *гыт* < тюрк. *ḡāz, -ḡāz, -yāz*;

4) аффикс условного наклонения глаголов - *тар* и - *батар* < др.-т. -*sar, -masar*;

5) аффикс отрицательных причастий настоящего времени - *бат* < тюрк. -*māz, māz*;

6) аффикс причастий прошедшего времени - *быт* < тюрк. -*māš, -māz*;

7) аффикс повелительного наклонения глаголов 3-го л. ед. ч. - *тын* < тюрк. *sān*;

8) аффикс деепричастия на - *аат* < тюрк. *yac* [Убрютова, 1960б, с. 71—72; Böhrling, 1851, S. 180].

Это же соответствие наблюдается в ряде основ: як. *итии* 'жара' < тюрк. *isig* 'горячий'; як. *отут* 'тридцать' < тюрк. *otuz, otuz*; як. *утах* 'жажда' < тюрк. *susaq*; як. *ытарга* 'серьги' < тюрк. *isīrya*; як. *хотуо* 'рвота' < тюрк. **qotō* < *qosay*; як. *кытарах* 'яловый, скудный' < тюрк. *kizirak, kisrak*.

В тюркских языках переход *c > t* отмечен в народных говорах Западного Казахстана [Убрютова, 1960б, с. 72]. Спорадическое чередование *d* и *s* наблюдается в монгольском письменном и в халхасском. В бурятском языке оно приобретает последовательный характер — в конце слога проточному *s* других монгольских диалектов всегда соответствует *d* [Владимир-

цов, 1929, с. 397; Санжеев, 1953, с. 87]. Так как переход *c > t* в якутском происходит в тюркских основах и формах, то объяснить его простым заимствованием из монгольских языков нельзя. Возможно, что это — территориальное явление, связанное с каким-то общим для якутского и монгольских языков субстратом.

В якутских диалектах отмечается появление *k* вместо *t* в литературном языке: *хойук* вместо *хойут*, *урук* вместо *урут* (Чурапчинский, Таттинский, Мегинно-Кангаласский районы), *күбэ* вместо *түбэ* (Чурапчинский), *илдьик* вместо *илдьит* (Мегинно-Кангаласский). Это явление нашло отражение и в словаре Э.К. Пекарского: *тыбыл* ~ *кыбыл* 'сжимать ногами коня', ср. тюрк. *kimi*, *кэмил* ~ *тэмил* 'целый (непочатый) лоскут', *tilim* 'узкий лоскут'. Переход *t > k* (и *k > t*) встречается и в других тюркских языках. Так, в чувашском языке общетюркскому *t* может соответствовать *k* и наоборот. *K* вместо *t* отмечается в говорах мишарей и некоторых диалектах караимского языка [Левитская, 1966].

В древнетюркском анлауте *n-* отмечен только в вопросительном местоимении *на* 'что?'. В якутском *n-* представлен достаточно широко. Слова с анлаутным *n-* появились в якутском языке в результате заимствования из монгольских, тунгусских и русского языков: *накый* - 'сгибать колено' < монг., калм. *naki*, халх., бур. *naḡi* (< **nakiji*), ср. як. *такый* - 'гнуть ноги', алт., тел. *такы*-, *наалагай* (< *налагай* ~ *ньалагай*) 'комар, мошка' < монг., монг. письм. *naḡaliṅqai, naliṅqai*, халх. *nālinxē* [Kaḡuzyński, 1961, S. 55]; *нэлби* ~ *нэлбэ* ~ *нълбэ* '1) плечевая накидка с застежками; 2) навес у ребячьей зыбки' < эвенк. *нэлби* '1) кисточки для украшения нагрудников; 2) дверное полотнище палатки'; *налба* 'плетень для перегораживания реки' < эвенк. *налба* '1) id.; 2) морда-ловушка'; *наада* < рус. *надо*; *наймы* < рус. *наем*; *найаан* < рус. *навязчивый*.

Анлаутный *n-* в якутском языке неустойчив и легко деназализуется: *догор* 'друг' < монг. *nōkōr*; *нонуо* ~ *ногуо* ~ *дъогуо* 'следующий, другой' < монг., монг. письм. *nōgūge, nōkō'e*, бур. *nuḡō*.

В анлауте и ауслауте общетюркское *n*, как правило, сохраняется, хотя возможны различные колебания *n > l*, *n > d*, *n ~ n ~ j ~ ɟ* и т.д., но они (кроме *n ~ n ~ j ~ ɟ*) имеют позиционно обусловленный характер.

Формирование оппозиции шумных в локальной группе среднеязычных согласных

Система среднеязычных согласных в якутском языке построена столь же симметрично, как и система губных и дентальных. Это среднеязычные глухой и звонкий *ɕ* и *hɕ* и носовой *ɲ*. Проточные представлены двумя звуками *j* и *ɟ*. Н.Д. Дьячковский определяет *ɕ* и *hɕ* как аффрикаты. При их артикуляции сначала происходит смычка средней части языка с передней частью твердого неба, которая раскрывается постепенно, образуя щель. Щелевой компонент аффрикат *ɕ* и *hɕ* в среднем составляет от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{5}$ их общей длительности (в начале слова у *hɕ* может снижаться до $\frac{1}{4}$) [Дьячковский, 1977, с. 31, 36].

Но права была Е.И. Убрятова [1960б, с. 68], когда писала, что особенностью якутского языка является наличие среднеязычных смычных согласных, так как определяющим признаком этой группы согласных является принадлежность их к среднеязычной локальной группе, колебания по степени аффрицированности иногда не ощущаются даже лингвистами. Анализируя взаимодействия якутского и эвенкийского языков, исследователи отмечают, что «*ч* в обоих языках произносится одинаково, употребляется он в начальном и интервокальном положениях, также в сочетании с согласными. Поэтому в эвенкийском произношении заимствованных слов *ч* не меняется» [Романова и др., 1975, с. 69—72]. Подобным образом описывается и соотношение якутского *дь* и эвенкийского *д'*. Это при том, что в эвенкийском языке *ɕ* определяется как среднеязычный глухой смычный чистый (без аффрицированности), *д'* — как среднеязычный смычный чистый (без аффрицированности) звонкий. Звуки *ч* и *д'* описаны по материалам наканновского го-

вора М.И. Матусевич и А.А. Горцевским в кабинете экспериментальной фонетики ЛГУ. В других говорах им могут соответствовать также среднеязычные смычные (томмотский говор), переднеязычные палатализованные *т'*, *д'* (ербогаченский говор), в некоторых говорах восточного наречия встречаются среднеязычные аффрицированные [Константинова, 1964, с. 21—22; Андреева, 1988, с. 36; Цинциус, 1949, с. 210].

Разница в восприятии якутских аффрикат и эвенкийских среднеязычных смычных не мешает восприятию и даже не замечается. Нечто подобное происходило и при попытках отразить своеобразие произношения увулярных и заднеязычных согласных. Двойная реализация их то как смычных, то как проточных не всегда отмечалась собирателями. Е.И. Убрятова [1960б, с. 79] писала, что некоторым из наблюдателей нужно было «с большим трудом приучать себя различать *х* и *к*».

Неразличение *ɕ* и *т'*, *к* и *х* связано с тем, что эти согласные четко маркированы по локальному признаку, переднеязычному *т* противопоставлены среднеязычный *ɕ*, заднеязычному *к* — увулярный *q*. Оппозиция по преградности имеет для них второстепенный характер. Это нашло отражение и во введении двух знаков для звонкого среднеязычного в словаре Э.К. Пекарского, и в описаниях этих звуков в старых якутских грамматиках [Хитров, 1858, с. 5].

Интересную закономерность относительно перестройки системных отношений в этих группах согласных установил С.А. Иванов. По его материалам видно, что в центральной группе говоров постепенно системообразующую роль начинает играть признак преградности. Современные *hɕ* и *ɕ* встречаются преимущественно в словах монгольского и эвенкийского происхождения: як. *чакыыр* ~ *чокуур* 'огниво' < монг. *čakiyur* < *čaki* 'высекать огонь' = др.-т. *čaq* > як. *сах* 'высекать огонь'; як. *дьаный* ~ *дьонуй* 'преследовать, мстить' < монг. *žani* 'угрожать' = др.-т. *jan* > як. *саан* 'грозить'. Замена эвенкийского и русского *j* якутским *hɕ* — это субституция ближайшим по качеству звуком.

В древнетюркском языке рунических текстов среднеязычной звонкой аффрикаты (или смычного) не было, впервые эта артикуляция описывается в словаре Махмуда Кашгарского (XI в.). Некоторые специалисты считают употребление особого знака для комбинации согласных *лѣ* свидетельством наличия звонкой аффрикаты в древнетюркском языке. В тюркских языках появление *ѣ* связано большей частью с изменениями *j*, иногда с озвончением *č*, например в азербайджанском в односложных словах, что отдельные исследователи рассматривают как следы первичных долгих гласных: як. *aas* 'голодный', ср. аз. *ač* 'голодный' (ср. як. *aččyk* < *ač* + *səq*).

Важной особенностью якутского языка является сохранение в нем древнетюркского носового *j* (~*ɲ*) — не вторичного *ɲ*, появившегося в результате назализации среднеязычных *č* и *dʒ*, которые встречаются почти во всех сибирских тюркских языках, а древнетюркского *j*, который кроме якутского отмечается только в тувинском и тофском. Древнетюркский *j* (~*ɲ*) и вторичный *ɲ* получили полное освещение в работах Е.И. Убрятовой [1960б, с. 93—99] и В.М. Надеяева [1963]. Наличие в древнетюркском *j* очень важно для реконструкции системы пратюркского консонантизма.

Использование методов лингвогеографии при изучении якутских диалектов позволило С.А. Иванову [1993, с. 226] выделить закономерности распределения этих вариантов в якутском языке. В центральном районе Якутии назализованные варианты вытеснены чистым *j*.

Формирование оппозиции шумных в локальной группе заднеязычных и увулярных согласных

В современном якутском языке выделяют три фонемы заднеязычной артикуляции *k*, *g*, *ŋ* и две — язычковой (увулярной) *q* и *q̣* [Дьячковский, 1977, с. 42, 45]. Глухой увулярный *q* в орфографии передается как *x*, но в щелевом варианте он встречается реже, чем в смычном [Там же, с. 45]. Употребление

смычного увулярного вместо *x*, который считается свойственным литературному языку, описано во многих диалектологических работах. Для долганского языка, ближайшего родственника якутского, вообще выделяют только три фонемы четвертой артикуляции (в четвертую артикуляцию входят межзубноязычные, заднеязычные и язычковые) — *q*, *g* и *ŋ*. Язычковые *q*, *q̣* появляются как факультативные аллофоны *k* и *g* в твердоядных словоформах перед широкими монофтонгами, после них и дифтонгоидов [Надеяев, 1982, с. 37—38], т.е. на обычную для тюркских языков зависимость от рядности слова выбора между заднеядным и увулярным звуком (увулярный в твердоядном, заднеязычный в мягкорядном либо заднеязычный в твердоядном, межзубноязычный или среднеязычный в мягкорядном) накладываются дополнительные ограничения, связанные с подъемом окружающих гласных. Но если в долганском фонологичным оказывается только противопоставление *k* ~ *g* как глухого и звонкого (или, по данным экспериментального исследования, как долгого и краткого) [Бельтюкова, 1977], а противопоставление между заднеязычными и увулярными имеет чисто комбинаторный характер и фонологическим не является, то в якутском языке сформировалась более сложная система, в которой *k* ~ *g*, *q* ~ *q̣* образуют бинарную оппозицию по звонкости/глухости, а *k* ~ *g*, *q* ~ *q̣* противопоставлены по месту образования как заднеязычные и увулярные.

Во многих случаях в якутском языке *y* и *g*, *q* и *k* также находятся в отношении дополнительной дистрибуции. В анлауте увулярный глухой согласный употребляется только перед широкими твердоядными гласными: *a*, *a:*, *ɔ*, *ɔ:*, т.е. так же, как и в долганском, на дистрибуцию *q̣*/*x* накладывается дополнительное ограничение, но в ауслауте *q̣*, а в инлауте *q̣* и *q* могут употребляться после всех широких гласных и дифтонгов — и твердоядных, и мягкорядных [Дьячковский, 1977, с. 46—47; Убрятова, 1985б, с. 43]. По сравнению со всеми тюркскими языками дистрибуция заднеязычных и увулярных в якутском языке су-

щественно перестроилась, увулярные стали употребляться в словах с широкими гласными, ограниченная зависимость от рядности гласных сохранилась только в анлауте. На выбор заднерядного или увулярного согласного в большей степени оказывает влияние предшествующий гласный; гласный, следующий за увулярным, может быть и узким. Увулярный может употребляться и после узких твердоядных кратких гласных, но в этом случае последующий гласный обязательно должен быть широким.

Закономерности употребления заднеязычных и увулярных внутри морфемы и на стыке морфем несколько различаются: внутри морфем после сонорных *l* и *r* могут употребляться (в зависимости от качества гласных) *y* и *q*, *q* и *k*, а при присоединении словоизменятельных аффиксов, имеющих в анлауте *k-/q^x-*, по законам ассимиляции после *j*, *l*, *r*, так же как после узких гласных, возможен только заднеязычный вариант. Например, изменение анлаута аффиксов дательного падежа безличного склонения или аффикса принадлежности 2-го л. мн. ч.: *ayaya*, *hziye*, но *olga*, *sirejge*, *dzyrgo* и т.д., *ayayut*, *hziyut*, но *baigut*, *olgut* и т.д.

Приведенная выше закономерность — одна из причин, по которой *q* и *g*, *q^x* и *k* могут реализоваться в одинаковых фонетических условиях: *h3ol-ga* 'году' — *h3ol3a* 'рок, участь', *ylar3a* 'хребет, шкура вдоль хребта' — *ylar-ga* 'гневу' и т.д.

Встречаются нарушения вышеописанных закономерностей и не на морфемных швах, чаще это происходит в мягкорядных словах: *ege* 'тем более, подавно' — *eye* 'задняя мысль, скрытый умысел', *el3k* 'насмешка' — *beleq^x* 'подарок' [Дьячковский, 1977, с. 48].

Все это позволяет рассматривать *y* и *q*, *q* и *k* как самостоятельные фонемы. Отсюда вытекает ряд проблем, связанных с формированием системы заднеязычных и увулярных в якутском языке: 1) причины перестройки комбинаторных закономерностей употребления заднеязычных и увулярных вариантов; 2) время, в которое происходят эти изменения; 3) противопоставление по месту образования и активному орга-

ну (заднеязычные — увулярные) и способу образования (смычные — проточные).

Вторым фонологически релевантным противопоставлением согласных данной артикуляции является противопоставление по звонкости/глухости. В современной тюркологии существует несколько вариантов фонологических реконструкций пратюркской фонологической системы [Рамстедт, 1957; Шербак, 1977; Рорре, 1960]. Одни исследователи строят ее сверху вниз — от алтайского или ностратического состояния к пратюркскому, другие восстанавливают пратюркскую систему, исходя из данных только или преимущественно тюркских языков. И в том и в другом случае по количеству фонем эти системы оказываются очень близки к древнетюркским руническим памятникам. Но сами фонологические системы, опирающиеся на одну и ту же материальную базу, существенно различаются. А.М. Шербак, рассматривая дифференциальные признаки и учитывая степень противопоставления по звонкости/глухости в живых тюркских языках, пришел к выводу, что общетюркский консонантизм был построен на противопоставлении шумных и сонорных, глухие и звонкие шумные являлись аллофонами одной фонемы и существовал особый ряд ротовых сонорных: *β*, *δ*, *γ*, *j*. Другие авторы восстанавливают систему, где согласные, составившие у Шербака особый ряд сонантов, рассматриваются как звонкие щелевые *j*, *y'*, *y* [Сравнительно-историческая грамматика..., 1984, с. 170—172], т.е. получается фонологически релевантная оппозиция по звонкости/глухости в системе шумных. Эта проблема принципиально важна для понимания эволюции фонологической системы каждого отдельно взятого тюркского языка. В области рассматриваемой группы согласных восстанавливается либо противопоставление шумного *k*, представленного двумя аллофонами: глухим *k* и звонким *g*, и сонорного *y*; либо противопоставление шумного глухого смычного *k* и шумного звонкого проточного *y*.

Для якутского, а также алтайского (литературного и южных диалектов) и киргизского, где наиболее

последовательно произошло выпадение второго ряда согласных — звонких спирантов или ртовых сонорных — все современные заднеязычные и увулярные фонемы, существующие в их системах, должны, таким образом, возводиться к одной пратюркской фонеме *k/q*. Отсюда следует еще один вопрос, связанный с историей образования этой группы согласных фонем в якутском языке: как сформировалось фонетическое противопоставление глухих и звонких согласных четвертой артикуляции в якутском языке?

Дистрибуция заднеязычных и увулярных шумных согласных в большинстве тюркских языков (нарушения отмечаются в чувашском и некоторых говорах татарского языка) связана с гармонией гласных — в мягкорядных словах употребляются заднеязычные согласные, в твердорядных — увулярные: гагауз. *qa:r/ qar*, алт., карач.-балк. *qar*, ног. *qar*, кумык. *qar*, аз. *ar*, каз. *qar*, шор. *qar*, тув. *χar*, тоф. *qar* и т.д. 'снег'; гагауз. *kifi*, карач.-балк. *kifi*, кум. *gifi/kifi*, тат. *kefε*, туркм. *kifi*, каз. *kifi*, алт. *klʒl/kʒlʒl*, тув. *kʒʒl/kʒʒl*, аз. *hçifi* 'мужчина, человек'.

Только у согласных этой артикуляции и реже у / происходит смена локального ряда, у согласных третьей артикуляции меняется к тому же и активный орган в результате действия законов сингармонизма. Якутский язык отличается очень строго выдержанной гармонией гласных (и небной, и губной), он единственный среди тюркских языков Сибири не знает никаких нарушений гармонии: ни нейтральных гласных, как в диалектах хакасского языка, ни изменения рядности гласного под влиянием *j*, как в тофском, ни негармонирующих аффиксов. Нельзя также сказать, что рядность гласных не находит отражения в качестве согласных. Заднеязычные согласные в твердорядных и мягкорядных словах между собой значительно различаются. В твердорядных словах смычка происходит между задней частью языка и мягким небом, в мягкорядных — место смыкания языка с небом значительно сдвигается вперед. Место образования заднерядных варьируется в зависимости от качества соседних гласных [Дьячковский, 1977, с. 42].

На рис. 7а в работе Дьячковского, передающем кинорентгенограмму слова *сиик* 'влага', настройку можно определить как межзубноязычную [Там же, с. 43].

Следовательно, в якутском языке зависимость качества согласного от рядности гласных сохраняется (для узких гласных), варьирование этого качества оказывается ограниченным, оно происходит только в рамках заднего ряда либо сдвигается вперед, захватывая межзубноязычную (а может быть, и среднеязычную) зону (ср. количество оттенков, зависящих от вокального окружения, выявленных в экспериментальном исследовании других тюркских языков, например кумандинский *k* (*k'*, *y'*, *g'*, *y'*, *q'*, *χ*, *q*) [Селютина, 1983, с. 100]). Из числа возможных вариантов увулярные оттенки в словах с узкими гласными исключены. Можно предположить, что это ограничение охватывало когда-то и слова с широкими гласными, т.е. на каком-то этапе развития якутского языка увулярная артикуляция вообще отсутствовала или была очень ограничена. Это подтверждается тем состоянием, которое мы наблюдаем в долганском и маргинальных говорах якутского языка, где употребление увулярных более ограничено, чем в якутском литературном языке и говорах Центральной Якутии. Исчезновение или предельное ослабление увулярной артикуляции связано с действием двух факторов: действием субстрата, в котором отсутствовала или имела другую дистрибуцию увулярная артикуляция и исчезновением всего ряда звонких спирантов (сверхслабых, по Щербаку).

Изменение дистрибуции заднеязычных и увулярных В.В. Радлов рассматривал как одно из доказательств того, что якутский язык по своему происхождению не может быть тюркским, так как уже в языке рунических памятников для *k*, *m* и *k*, *g* существовали разные знаки, в то время как сами законы гармонии гласных не были еще столь строго выдержаны, как в якутском. Поэтому такое противоречие можно объяснить только тем, что закономерности сингармонизма были «навязаны чужому, не тюркскому языковому материалу». Одним из возможных источников такого влияния он считал какой-то древний монгольский

язык и возможную причину сдвига видел в нейтральном *i*. С монгольским влиянием связывает перестройку отношений гласных с велярными и увулярными согласными и Е.И. Убрятова [1960б, с. 107].

В монгольских языках зависимость употребления увулярных и велярных согласных от рядности гласных в основном сохраняется. Исторический *k*, который в монгольских языках реализуется как *k*, *kx* и *h*, в словах заднего ряда был велярно-заднеязычным сильным, а в словах переднего ряда — заднеязычным сильным. Также и *g* имело различную реализацию — велярно-заднеязычную в словах твердого ряда и заднеязычную в словах переднего ряда [Санжеев, 1953, с. 89; Убрятова, 1960б, с. 7].

В старомонгольской письменности для заднеязычных и увулярных согласных употреблялись различные знаки, и некоторые исследователи рассматривают их как самостоятельные фонемы. Фонологический статус этих звуков в различных монгольских языках неодинаков. В современном монгольском языке существуют семь фонем третьей артикуляции (заднеязычные — заднетвердонебные, переднемягконебные и увулярнозаднеязычные): сильные *x* и *x'*, слабые *g* и *g'*, сверхслабые *ŋ*, *ŋ'*, *y*.

Согласные делятся на твердые и мягкие, составляя соотносимые по артикуляции пары, исключение — сверхслабая фонема *y*. В мягкорядных словах твердые фонемы *x* и *g* проявляются в заднеязычных оттенках, а в твердорядных — в языковых, а иногда фарингальных оттенках [Наделяев, 1957]. В современном бурятском языке заднеязычные *x* и *g* и увулярные *χ* и *q* находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, увулярные встречаются исключительно в твердорядных словах и не употребляются в мягкорядных, а заднеязычные употребляются только в мягкорядных словах [Бураев, 1987, с. 61].

В отличие от монгольского и бурятского в калмыцком увулярные и заднеязычные описываются как самостоятельные фонемы: заднеязычный смычный ротовый согласный употребляется наиболее часто в мягкорядных словах, но встречается и в твердоряд-

ных: *karag* 'мнительный', *taqa* 'курица', *eke* 'мать'. Фонема *χ* — увулярный сильный срединный ротовый согласный — описана П.Ц. Биткеевым в смягченных и твердых оттенках, условия употребления того или иного варианта не уточняются, все приводимые примеры даны в твердорядных словах перед или после широких гласных.

Заднеязычная слабая смычная фонема *k* в калмыцком, так же как и *k*, более употребительна в мягкорядных словах, где встречается во всех позициях, в твердорядных — в основном в середине и конце слова. Увулярный слабый смычный ротовый встречается преимущественно в твердорядных словах, но иногда и в мягкорядных перед широким *æ* [Биткеев, 1965, с. 42]. Калмыцкий язык сближает с якутским возможность употребления заднеязычных согласных как в твердорядных, так и в мягкорядных словах, а увулярного — в мягкорядных словах перед широкими гласными.

Но еще более близкие аналогии дистрибуции согласных этой артикуляции встречаются в тунгусо-маньчжурских языках. Заднеязычные и увулярные распределены в них неоднородно. Эвенкийский имеет три заднеязычные фонемы: глухой смычный *k*, звонкий смычный *g* и носовой *ŋ*. Щелевой заднеязычный *y* встречается в интервокальной позиции как вариант *g*. В эвенском добавляется увулярный смычный *q ~ χ ~ qχ*. Он выступает как вариант *k* и его появление определяется составом гласных. В солонском в анлауте *k > x*, а в интервокальном положении иногда *x//h*. Заднеязычный звонкий реализуется как щелевой. В негидальском отмечается тенденция к спирализации *k*: *k* и *k*, *χ* и *x* дифференцируются в зависимости от состава гласных в слове [Цинциус, 1949, с. 215]. В ряде тунгусо-маньчжурских языков, так же как в тюркских и монгольских, качество согласных (заднеязычных или увулярных) определяется составом гласных в слове и тоже связано с гармонией гласных, но сингармонические серии гласных связаны не столько с рядностью, сколько с подъемом. Очень четко это положение сформулировал В.А. Аврорин для нанайского языка: «Закон сингармонизма гласных базируется на от-

меченном выше делении гласных на две серии, зависящие от степени подъема языка, и на парном расположении гласных в сериях, то есть — при наличии пары гласных каждого ряда: переднего, заднего и среднего, — при обязательной принадлежности одного из каждой такой пары звуков к первой серии (более низких по подъему), а другого — ко второй серии (более высоких по подъему)» [1959, с. 40]. Но эта закономерность не может быть перенесена на все языки этой группы. Для эвенкийского языка В.И. Цинциус установила наличие «слоговой, или ступенчатой, гармонии» и считала это весьма важным отличием от тюркских языков, где «сингармонизм охватывает все слово» [1949, с. 122—124].

Связана со степенью подъема и организация гармонии гласных в эвенском языке. К твердоядным гласным относятся передние, задние и смешаннорядные гласные более низких подъемов: *ý, ý̃, a, ā, æ, ý, ŷ, o, õ*. К мягкорядным гласным — передние, задние и смешаннорядные гласные верхнего и среднего подъемов: *и, ï, ē̃, э, ē, у, ŷ, ө, õ̃*. Твердоядные гласные более напряжены и имеют более низкий тембр. В ряде восточных диалектов гласные твердого ряда являются фарингализованными [Новикова, 1960, с. 52—56]. Отмечаются в тунгусо-маньчжурских языках и трехрядные гармонии гласных.

Гармония гласных, связанная с их подъемом, встречается и в языках других семей, например в корякском отмечен сингармонизм, где гласные представлены двумя рядами: 1) гласные более высокого подъема *и, у, э*; 2) гласные более низкого подъема *э, о, а* [Жукова, 1972, с. 8—9]. При самом разном типе организации сингармонических рядов, которые встречаются в языках Северо-Восточной Азии, возможным общим параметром является более низкий тембр, присущий как гласным заднего образования, так и гласным нижних ступеней подъема. Связь велярных вариантов с гласными более низкого тембра является почти универсальной, но в якутском языке она оказалась более сложной.

Принимая во внимание то состояние, которое существует в долганском языке, сохранившем целый ряд более древних черт в своей фонетической системе [Убрятова, 1985б, с. 22], можно предположить, что и в якутском на каком-то этапе появление увулярных было возможно только в словах с широкими твердоядными гласными, эта закономерность сохранилась в якутском языке для анлаута: *kel* 'входить', *kos* 'переселяться', *kyoq*^x 'синий, зеленый' и т.д. Такая дистрибуция встречается и в некоторых тунгусо-маньчжурских языках, например в низовском говоре негидальского, где отмечается веляризация заднеязычных перед гласными *а* и *о*. Расширение употребления увулярных — мягкорядных слов с широкими гласными — происходит позднее, причиной такого процесса могло быть выравнивание по аналогии.

Связать изменение дистрибуции заднеязычных и увулярных с определенным субстратом достаточно сложно. Таким субстратом не мог быть эвенкийский язык, с носителями которого якуты находятся в тесном контакте — в эвенкийском отмечаются только заднеязычные согласные [Андреева, 1988, с. 36]. Современные контакты якутов и эвенков приводят к замене увулярного *x* заднеязычным *k* в говорах якутов северо-западных районов, что связано с отсутствием увулярного глухого в эвенкийском [Романова и др., 1975, с. 150]. В эвенском языке различаются заднеязычный и увулярный варианты *k*. В западных говорах увулярный вариант встречается лишь в начале и конце слова в сочетании с гласными *а, ā, о, õ* [Новикова, 1960, с. 66—67]. Так же как в истории изменения *s > h* [Широбокова, 1984], в становлении рядов заднеязычных и увулярных в якутском языке прослеживается несколько этапов, связанных с воздействием различных субстратов: 1) ослабление противопоставления заднеязычных и увулярных вследствие выпадения древнетюркского *y*; 2) изменение дистрибуции заднеязычных и увулярных как результат действия субстрата, где увулярные возможны только в соседстве с широкими твердоядными гласными; 3) расширение дистрибуции увулярных в инлауте и ауслауте в словах

с широкими мягкорядными гласными (внутрисистемное изменение по аналогии); 4) ограничение употребления увулярных в маргинальных диалектах под влиянием эвенкийского языка.

Оппозиция шумных в тюркских языках Южной Сибири

Чтобы понять сущность указанных выше процессов, нужно определить то состояние системы, которое можно считать исходным на каком-то отрезке исторического развития этих языков.

В классификации В.В. Радлова синтагматические закономерности, присущие гласным и согласным, стали основой характеристики языков. Важнейшими классификационными признаками он считал: 1) небную гармонию; 2) губную гармонию; 3) употребление глухих и звонких согласных в начале, середине и конце слов; 4) озвончение конечного взрывного перед гласным аффикса; 5) глухие двойные согласные; 6) назализацию *n* перед *m*, *n*; 7) наличие *l* и *l*.

Для восточной группы, куда входили алтайцы, барабинцы, обские и енисейские тюрки с их подразделениями (т.е. носители всех тюркских языков Сибири, кроме тувинского, тофского и якутского), он выделял следующие классификационные признаки: наличие глухих (шумных) в начале и конце слова и звонких в середине слова; озвончение конечного взрывного перед гласными аффикса; наличие глухих двойных согласных в середине слова.

Для западной группы (киргизы, западно-сибирские татары, башкиры и поволжские татары) он считал закономерным употребление в анлауте глухих согласных, кроме звонкого *b*- и в виде исключения *d*-; употребление в конце слова только глухих взрывных согласных; переход заднеязычных и губных конечных согласных перед гласными аффикса в звонкий; сохранение конечного *m* глухим при присоединении аффиксов с гласным в анлауте; наличие *l* и *l*; употребление *s*, *z*, *ш* во всех позициях; переход друг в друга разных шипящих и свистящих: *ч* в *ц*, *ш* в *с* и т.д.

В третьей среднеазиатской группе (таранчи, кульджи, сарты, узбеки и т.д.) В.В. Радлов отмечал наличие звонких заднеязычных в начале слова; сохранение качества *k*, *n* и *m* в конце глаголов при присоединении аффиксов на гласный.

Языки четвертой группы (южные наречия) характеризуются преобладанием звонких *b*, *g*, *d*, *b* в начале слова, спорадическим переходом *b* > *v*, преобладанием в конце слов звонких согласных; переходом *ч* > *дж*. Якутский язык В.В. Радлов не включил ни в одну из этих групп.

Установилось понятие «озвончение кыпчакского типа» и «озвончение сибирского типа». Эта характеристика оглушения и озвончения согласных используется Д.Г. Тумашевой как классификационный признак при описании языка сибирских татар. Прослеживается несколько этапов этого процесса:

а) оглушение полное, позиционно не ограниченное; озвончению в интервокальной позиции подвергаются *n*, *k*, *q* (кыпчакский тип);

б) оглушение полное, позиционно не ограниченное, озвончение в интервокальной позиции *n*, *k*, *q*, частично *s*, *ш* (элементы озвончения алтайского типа);

в) оглушение происходит только в начальной позиции, в интервокальной позиции озвончаются *n*, *k*, *v*, *s*, *ш*, *m* (алтайский тип) [Тумашева, 1977].

На парадоксальность звукового строя якутского языка, в котором согласные изменяются по кыпчакскому типу, указывает в своей классификации К. Шёниг.

В южно-сибирских тюркских языках нет абсолютно последовательного озвончения шумных. Такой процесс характерен только для словоизменительных морфемных швов.

По экспериментальным данным Д.И. Чанкова, *-n* в конце слова при наращении вокально-начального аффикса всегда озвончается: *хап-ы* 'его мешок'. В корневых словах в интервокальном положении тоже встречается звонкий оттенок фонемы *n*. В качинском диалекте озвончение полное, а в сагайском — частичное [Чанков, 1957, с. 18—19].

В интервокальной позиции, как правило, озвончается -т: *ат* 'имя' — *ада* 'называй', *ит* 'делай' — *идем* 'сделаю', но *алты* 'шесть', *артых* 'лишний' — в таких сочетаниях оглушается сонорный [Там же, с. 28, 32].

Рассмотрим формы 1-го прошедшего времени в алтайском языке:

<i>мен сақы-ды-м</i>	<i>көр-ди-м</i>	<i>кел-ди-м</i>
<i>сен сақы-ды-н</i>	<i>көр-ди-нъ</i>	<i>кел-ди-нъ</i>
<i>ол сақы-ды</i>	<i>көр-ди</i>	<i>кел-ди</i>

Но в форме на -*атан* -т- в составе аффиксальной морфемы остается глухим:

<i>мен бар-а-та-м</i>	'я поеду непременно' (< -а турган)
<i>сен бар-а-та-ң</i>	'я хочу поехать'
<i>ол бар-а-тан</i>	

При этом восходящая к той же аналитической конструкции настояще-будущая повествовательная форма дает звонкий вариант согласного:

<i>мен бар-а-д-ын</i>	(< -а тур)	<i>сақы-га-м</i>
<i>сен бар-а-д-ыңъ</i>		<i>сақы-га-нъ</i>
<i>ол бар-а-т</i>		<i>сақы-ган</i>

В корневой морфеме заднеязычный согласный может сохраняться глухим, но в анлауте аффиксальной морфемы после гласного закономерно озвончается.

Часто глухие варианты — это результат морфологических преобразований, например: хак. *апар* (< *алып бер*) 'вести', алт. *кату* 'твердый' (*кат* + *лығ*), *отык* 'огниво' (*от* + *лығ*), *этэ* 'пастись' (*эт* + *ло*), *жыту* 'вонючий' (*жыт* + *лығ*).

Но это не единственная причина сохранения глухих вариантов согласных в интервокальной и постконсонантной позициях в сибирских языках. Данный вопрос еще требует решения.

Фонологическая система языка орхонских памятников

Итак, на современном этапе языки, фонологические системы которых опираются на признаки звонкости/глухости и долготности, совпали по характеру

развития. Возникает вопрос о связи и переходах между разными типами систем, а также о том, как соотносены по времени системы типа уйгуро-урянской и якутской. Является ли якутская система более древней по отношению к уйгуро-урянской или якутская — результат преобразований системы типа уйгуро-урянской? Принятая точка отсчета в исторических исследованиях по тюркским языкам — данные языков древнейших тюркских письменных памятников. При всем разнообразии оценок языка орхонских текстов (близкий древнеогузскому языку, степное койне, искусственный язык верхушки тюркского общества, не отражающий особенностей народного языка) именно он является древнейшей зафиксированной формой тюркского языка и остается важнейшим критерием при установлении древности или инновационного характера тех или иных языковых изменений.

Следующий вопрос, который требует ответа в этой связи, — вопрос о типе звуковой системы древнетюркского языка, зафиксированного в языке орхонских памятников, и отношение к ней древнеякутской системы.

Для тюркского праязыка реконструируется система с очень бедным составом согласных, в которой оппозиция шумных еще не сформировалась. Смотри, например, реконструкцию консонантной системы тюркского праязыка, предложенную авторами «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» [1984, с. 171, 176] (табл. 9).

Развертывание системы, увеличение числа оппозиций стимулируется обычно функциональными факторами, но весьма существенную роль могут играть и чисто фонические, субстантные факторы. Аллофоническое варьирование может быть предпосылкой развертывания новой фонологической оппозиции.

С этой точки зрения интересно сопоставить предлагаемые интерпретации фонологической системы языка древнетюркских памятников с материалами тюркских языков Сибири.

Термин «древнетюркские языки» в тюркологической литературе относится преимущественно к языку

Таблица 9

Консонантизм тюркского праязыка

По характеру артикуляции		По месту артикуляции				
		Губные	Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные	Увулярные
Ранняя стадия						
Смычные	Глухие	<i>p</i>	<i>t</i>	—	<i>k</i>	<i>q</i>
Щелевые	Глухие	—	<i>s, š</i>	—	—	—
	Звонкие	—	<i>z</i>	<i>j</i>	—	—
Аффрикаты	Глухие	—	<i>č</i>	—	—	—
Сонанты	Боковые	—	<i>l</i>	—	—	—
	Дрожащие	—	<i>r</i>	—	—	—
	Плавные	<i>m</i>	<i>n</i>	—	<i>ŋ</i> (?)	—
Поздняя стадия						
Смычные	Глухие	<i>p</i>	<i>t</i>	—	<i>k</i>	<i>q</i>
	Звонкие	<i>b</i> (m?)	—	—	—	—
Щелевые	Глухие	—	<i>s</i>	—	—	—
	Звонкие	—	—	<i>j</i>	<i>ɣ'</i>	<i>ɣ</i>
Аффрикаты	Глухие	—	<i>č</i>	—	—	—
	Звонкие	—	—	—	—	—
Сонанты	Боковые	—	<i>l</i>	—	—	—
	Дрожащие	—	<i>r</i>	—	—	—
	Плавные	—	<i>n</i>	—	<i>ŋ</i>	—

рунических памятников и к древнеуйгурскому. Памятники рунического письма VII—X вв., сохранившиеся на территории Монголии и Сибири, оставлены тюрками Второго тюркского каганата и первыми каганами Уйгурского каганата. Более поздние уйгурские тексты принадлежат древним уйгурам, они написаны руническим, уйгурским и другими алфавитами. Разнообразие используемых систем письменности отражает сложный по этническому составу и политической ситуации период развития тюркских языков на территории Восточного Туркестана.

Новые подходы к классификации тюркских языков были предложены А.Н. Кононовым [1980], который использовал признак чередования широких и узких, передних и задних гласных преимущественно в аффиксальных морфемах.

Он выделил две группы тюркских языков: языки, в которых использовались широкие гласные (с этим признаком он связывал некоторые языки огузов, кыпчаков, чигилей), и языки, использовавшие узкие гласные в ряде аффиксальных морфем — древнеуйгурский язык.

В последние годы появились новые фундаментальные работы по древнетюркскому языку. Труды Л. Йохансона, М. Эрдаля, К. Шенинга, Т. Текина открывают новый период в изучении тюркских языков.

Появившиеся новые подходы и новые материалы позволяют более корректно выделить систему признаков, связывающих новые и древние тюркские языки.

Древнетюркские памятники написаны на различных графиках (рунической, уйгурской, брахми, арабской), приспособленных к передаче тюркской речи и не всегда точно отражавших звуковую систему этих языков. Это может усилиться при переводе текстов на современную систему записи, которая является комбинацией транслитерации и фонематической транскрипции. По выражению А. Габен, транскрибирование древнетюркских текстов носит интерпретирующий характер. Для передачи различия слов по ряду в рунической письменности использовались специальные написание согласных, поэтому количество знаков для их передачи далеко не соответствует количеству согласных фонем. В языке рунических текстов выделяют 15 (Щербак), 16 (Кононов, Кабешавидзе) или 17 (Прицак) фонем; это зависит, в частности, от того, признается ли отдельной фонемой *j*. Их легко разделить по локальным группам: губные *b, p, m*, переднеязычные *d, t, n, z, s, ɲ, l, š, č, r*, среднеязычные *j, j(ñ)*, гуттуральные *g, k, ɣ, q*. Но все модальные характеристики имеют уже характер интерпретаций (табл. 10).

Фонологическое противопоставление согласных, определяемое многими исследователями как оппозиция шумных согласных по степени участия голоса, прослеживается в ауслауте и инлауте: *ab* 'охота', *äb* 'дом' ~ *ap* 'и'; *tär* 'пинать' ~ *äm* 'лекарство'; *ud* 'спать',

Таблица 10

Система согласных

Древнетюркский язык (по [Clauson, 1972, p. VIII])										
Consonant	Plosive		Fricative		Nasal	Affricate		Sibilant		Semi-vowel
	v	u	v	u		v	u	v	u	
Labial	b	p	v	(f)	m	—	—	—	—	(w)
Dental	d	t	d'	—	n	—	—	z	s	—
Dentipalatal	—	—	—	—	—	c	ç	—	—	—
Palatal	—	—	—	—	ñ	—	—	(j)	ʃ	y
Postpalatal	g	k	?	—	ŋ	—	—	—	—	—
Velar	?	k	ð	x	ŋ	—	—	—	—	—
(no [Pritsak, 1965, S. 32])										
p	t	k	—	—	z	—	—	—	—	—
b	d	g	—	—	—	č	—	—	—	—
m	n	ŋ	ñ	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	y	—	—	—	r	—	—	—
Einige korrelationen:										
Stimme	p	t	k	s	—	—	—	—	—	—
	—	b	d	g	z	—	—	—	—	—
Intensität	b	d	g	z	—	—	—	—	—	—
	—	p	t	k	s	—	—	—	—	—
Nasalität	b	d	g	y	—	—	—	—	—	—
	—	m	n	ŋ	ñ	—	—	—	—	—
Язык орхоно-енисейских надписей (по [Кормушин, 1997, с. 94])										
По способу образования			По месту образования							
			Губно-губные	Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные				
Шумные	Смычные	Звонкие	b	d	—	g/y				
		Глухие	p	t	—	k/q				
	Щелевые	Звонкие	—	z	j	—				
		Глухие	—	s, š	č	—				
Сонорные			m	n	ñ	ŋ				
			—	l	—	—				
			—	r	—	—				

öd 'время' ~ ut 'побеждать'; at 'лошадь' ~ on 'десять', ton 'одежда'; ög 'мать', jog (joγ) 'поминки' ~ joq 'жалкий, убогий', toq 'сытый' ~ tog 'мерзнуть'; äs 'друг' ~ äš 'переходить' ~ az 'мало', ač 'соблазнить' [Кабешавидзе, 1972; Pritsak, 1961].

И.Н. Кабешавидзе рассматривает это как противопоставление по звонкости/глухости, которое довольно последовательно представлено в группе смычных; в группе проточных характерно только для свистящих s — z. Взрывные дополняются гоморганными носовыми фонемами и выстраивается симметричная система смычных p — b — m, t — d — n, k — g — ŋ, очень похожая на систему согласных, представленную во многих современных тюркских языках. Но такую схему для древнетюркского языка можно принять только, если не учитывать данные современных тюркских языков, так как в противном случае нужно учесть, что b, d, g дают в современных языках два совершенно различных типа рефлексов, которые показывают, что одним знаком в древнетюркской графике передавались звонкий аллофон шумного и согласный, модальные характеристики которого (и по характеру преграды, и по степени участия голоса) требуют уточнения.

Наиболее убедительное объяснение этой системы дано А.М. Щербаком. В предложенной им реконструкции пратюркского состояния смычные несонанты (сильные, слабые) противопоставляются щелевым сонантам (сверхслабым) [Щербак, 1970, с. 106]. Спорными кажутся только некоторые детали: А.М. Щербак предполагает наличие особого ряда зубноязычных *θ/*ð, несонанта *θ и сонанта *ð, которым в древнетюркском соответствуют j- и -d-, но такой ряд отсутствует в тюркских языках. Наличие θ в башкирском и туркменском не имеет значения, так как там эти звуки всего лишь субституты s и особой фонологической позиции (где межзубные были бы противопоставлены зубным) не имеют. В башкирском языке межзубный приобрел статус фонемы тогда, когда появился вторичный s. Древнетюркские j и d (ð) не являются вариантами одной фонемы, их рефлексy пересекаются в тех тюркских языках, где сохраняется j-, а -ð- > -j-.

Сложившаяся в древнетюркском языке система в отличие от предлагаемой реконструкции сформировала оппозицию между рядом смычных глухих и рядом, модальная характеристика которого остается еще

не совсем ясной. Графемы, передающие эти согласные, используются и для обозначения звонких аллофонов шумных согласных. Язык рунических текстов зафиксировал тюркский язык в стадии перелома, когда формировалась новая серия шумных (шумные слабые или шумные звонкие) и шло переразложение этой особой модальной серии между классом сонорных и классом шумных.

В древнетюркском нет отражения той оппозиции шумных, которая характерна для тофского и языков юго-западной группы. Из древнетюркской системы хорошо объясняются системы типа якутской.

Но между якутским и тофским существует достаточно последовательная корреляция гласных: долгие гласные якутского языка соответствуют кратким гласным тофского, а краткие гласные якутского — фарингализованным гласным тофского.

Фарингализованные гласные тофского языка являются позиционными вариантами гласных, возникающими перед сильными согласными. Это заставляет нас обратиться к гипотезе, в которой предлагается более сложная система консонантизма для пратюркского языка, чем приведенная выше. Такую гипотезу о тройном противопоставлении согласных высказывал В.М. Наделяев. Разные варианты системы, имеющей сложную оппозицию согласных, предложены в работах алтаистов и ностратиков. Если принимается гипотеза о тройной оппозиции шумных по участию голоса в тюркском языке, то при переходе к системе типа древнетюркской происходит утрата одной из серий шумных согласных. В разных локальных группах это изменение имело свои особенности. В группе губных выпал сильный шумный p ($> h > \emptyset$), а слабый p в анлауте стал реализовываться в звонком варианте, это и объясняет, почему b — единственный звонкий шумный в древнетюркском анлауте. В других группах сильные и слабые совпали и оказались в оппозиции к сверхслабым $t - d(\delta)$, $k - g(y)$.

Наличие в древнетюркском двух $-j-$ ($-j-$ и j) позволяет предположить, что пратюркский мог иметь сложную систему и в группе среднеязычных: сверх-

слабый $-j-$, $-j$, который сохранился во всех тюркских языках (*aqaq* 'чашка'), и слабый, который мог реализовываться как в звонком, так и в глухом варианте j и $j(\zeta)$. Со сверхслабым вариантом $-j-$ совпал в большинстве тюркских языков рефлекс сверхслабого межзубного согласного.

Эта линия развития позволяет наиболее логично объяснить системы, существующие в сибирских языках типа якутского. В праякутском восстанавливается картина, очень близкая той, что зафиксирована в языке древнетюркских памятников.

Предлагаемые реконструкции О. Прицака и И.В. Кормушина, а также А.Н. Кононова [1980, с. 42—86] и Л. Йохансона [Johanson, 1998] на структурном уровне представляют собой типичную тюркскую схему консонантизма. В каждом локальном ряду в ней представлено три смычных согласных и отсюда предполагается обычная оппозиция: глухой — звонкий — сонант или сильный — слабый — сонант. Большая часть авторов склоняется к оппозиции по напряженности. При описании фонологической системы языка рунических памятников речь идет о реконструкциях или хотя бы об интерпретационном характере предлагаемых схем, так как особенности рунического алфавита требуют предварительной фонологической интерпретации текста.

Восстанавливаемый ряд глухих шумных не требует специального комментария. Восстанавливаемый ряд звонких весьма противоречив, так как для каждой выделяемой звонкой фонемы в живых языках имеются два ряда соответствий: $b > b$ и $b > v > g > \emptyset$; $d > d$ и $d > d > t > z > r > j$; $g > g$ и $g > r > j > v > \emptyset$. Например: др.-т. *tay* 'гора'

1) V ; V , V^v

гагауз. *da*; чув. *tü*; кирг. *to*; бачат. тел. *tu*; тат. *tu//taw//tow*; як. *tā*; долг. *tā*; алт. (туба) *taw*;

2) $q \sim y$

аз. *daq*; туркм. *da:q*, узб. *taq/taq*; узб. (диал.) *dae/dnq*; чул.-тюрк. *taq*; алт. *taq*; шор. *taq*; хак. *taq*; тув. *taq*; тоф. *day*;

3) карач.-балк. *taw*; кумык. *taw*; ног. *taw*; тат. *taw/tw/tow*; башк. *taw*; к.-калп. *taw*; каз. *taw*; узб. *taw*; кирг. *tow*; сиб. тат. *tw/ta-w*;

др.-т. *toу* 'рождаться'

1) V, V^v, V

чув. *tü*; тат. *tu/tu^w*; сиб. тат. *tü*; бачат. тел. *tü*; кирг. *tu*;

2) *q* ~ *γ*

аз. *doq*; туркм. *doq*; узб. *tuq/doq*; чул.(н) *tuq*; алт. *tuq*; шор. *tüq*; хак. *tüq*;

др.-т. *jaу* 'идти (об осадках)'

1) V, V:

чув. *f'ü*-; кирг. *hǰa*: ~ *hǰæ*:; бачат. тел. *ha*:; алт. (южн.) *ha*:;

2) -w

карач.-балк. *dǰaw* ~ *dǰ'aw/zaw*; ног. *zaw* ~ *dǰaw* ~ *jaw*; кумык. *jaw*; тат. *jaw/ǰaw/ǰǰw/dǰaw/dǰaw/zaw*; башк. *jaw*; к.-калп. *ǰaw*; каз. *zaw*; сиб. тат. *jaw/jǰw*; кумык. *jaβ*;

3) *q/γ*

аз. *jaq*; узб. *jaq/jǰq*; чул.-тюрк. *hǰ'aq*; алт. *haq*; шор. *hǰaq/jaq*; хак. *f'aq/hǰaq/hǰ'ay/fɛɾɣ*; тув. *hǰaq*; тоф. *hǰ'ay*; алт. *hǰeg*.

Это свидетельствует о том, что одной графемой передавались два различных по модальным характеристикам согласных. Первый тип звонких шумных, который сохранился во всех тюркских языках как шумный согласный, на уровне языка древнетюркских памятников выступает еще аллофоном глухих шумных и появляется в определенных позициях — в основном в анлауте аффиксов. Второй тип звонких шумных получает разную реализацию в зависимости от того, в какой локальный класс он входит; их история различается в разных классификационных группах тюркских языков. Так, согласный *d* в центральной группе орхонских памятников дал в якутском языке *t*, в тувинском и тофском *d*, в хакасском, среднечулымском и мрасском диалекте шорского *z*, в южных диалектах Алтая и в кондомском диалекте шорского *j*.

Таким образом, кроме последней названной группы диалектов — южно-алтайских и кондомского — в сибирских языках этот звук вошел в систему шумных согласных. Рефлексов губного *b* в сибирских тюркских языках очень мало, например хак. *ip* 'дом', несколько слов в якутском и т.д.

Но в якутском языке в таких случаях часто сохраняются рефлексы и с *g*, и с нулем звука; например, рефлекс с нулем: уу 'вода' и убаа 'становиться жидким, разжижаться' = тюрк. [Древнетюркский словарь, 1969] *sub* ~ *sug*: *suva*- 'орошать, наводнять', *suuys*- 'стать жидким, водянистым', *suuig* 'жидкий, редкий'; рефлекс с *b*: *убагас* ~ *ыбагас* 'жидкий'; рефлекс с *g*: *угут* 'половодье, наводнение, разлив' = тув. *сугат* 'водопой, орошение, полив', хак. *сугат* 'водопой', алт. *сугат* 'место водопоя, поливной, орошаемый'.

В других сибирских тюркских языках (кумандинский, хакасский, тувинский) сохраняется древнетюркский *γ*, образуя особый класс в ряду сонорных, представленный единичной фонемой (висячая фонема). То, что этот разряд так называемых звонких шумных раскладывается между двумя классами — шумных *d*, *t*, *z* и сонорных *g*, *j*, — позволяет предположить, что в древнетюркском языке еще существовал особый модальный класс, который А.М. Щербак [1970, с. 105—107] выделяет для пратюркского языка, но не в системе шумных, а в системе сонорных. Получаемая система отличается от тех, которые мы наблюдаем в живых тюркских языках. Класс шумных представлен одним рядом фонем. Класс сонорных устроен более сложно: два ряда — сонорные смычные *m*, *n*, *ŋ* и спиранты *β*, *ɖ*, *j*, *ɣ*. Этот второй класс сонорных оказывается весьма неустойчив и уже на древнетюркском уровне начинает распадаться, распределяясь между двумя классами: шумных и сонорных. Шумные совпадают с новообразуемыми звонкими рефлексами шумных согласных.

Таким образом, древнетюркская система характеризуется наличием в анлауте только глухих согласных, за исключением *b*, отсутствием оппозиции шумных в анлауте и ауслауте, так как рассматриваемая обычно оппозиция шумных в ауслауте в древнетюркском языке является в действительности оппозицией между шумными и нешумными. По этим параметрам древнетюркская система оказывается весьма близкой к системе якутской (учитывая происшедшие в якутском языке изменения, связанные с выпадением

сверхслабых и формированием вторичной оппозиции шумных в анлауте, вызванным влиянием монгольского языка). Следовательно, близость фонетической системы якутского языка к языкам кыпчакским в то же время является и близостью якутского языка к языку древнетюркских орхонских памятников, что возвращает нас к тезису Л. Йохансона и А.М. Шербака о перераспределении маркированных признаков в конструкциях $\bar{V}\bar{K}:\bar{V}\bar{C}$ и подтверждает наличие в древнетюркском языке долгих гласных.

Возможна еще одна интерпретация этой фонологической системы: для более раннего периода развития тюркских языков предполагается существование трех рядов согласных в классе шумных. Оппозиция сильных и слабых шумных разрушается, рефлексом ее явились так называемые первичные долгие, которые возникали в позиции перед слабыми согласными (см. выделяемые типы соотношения гласных и согласных в тюркских языках). В таком случае класс сверхслабых согласных сдвигается в систему сонантов, снова оставляя в классе шумных только один ряд.

Якутский язык обнаруживает более древние глубинные связи с языками уйгуро-урянхайскими. На позднем этапе развития связь между качеством гласного и согласного, присущая языкам уйгуро-урянхайской группы, в якутском реализуется в качестве гласного (долгота). Дальнейшее развитие согласных совпадает с тем, что наблюдается в языках кыпчакской группы (озвончение шумных в интервокальной позиции и в позиции после сонорных), что и приводит лингвистов к заключению о сходстве якутского и кыпчакских языков.

Соответствия древнетюркскому анлаутному *j*-

В лингвистической литературе якутский и южно-сибирские языки принято объединять по предполагаемой общности процессов деаффрикатизации и развитию анлаутного *j*-.

Обычно [Убрятова, 1960б, с. 32—33; Рассадин, 1980, с. 82; Сравнительно-историческая грамматика...

1984, с. 296] появление *s*- в якутском языке рассматривается как конечный этап общего для южно-сибирских и ряда других тюркских языков процесса, т.е. предлагаются цепочки изменений: др.-т. $j > \check{z} > \check{c} > \check{s} > s$; др.-т. $\check{c} > \check{s} > s$; др.-т. $s > h > o$. Но может быть предложена и другая интерпретация этих изменений.

Становление якутского *s* связано с такими процессами, существенно изменившими древнетюркскую систему праякутского языка, как $s > h > o$, $j/\check{c} > s$, $\check{c} > s$, $s > t$, $-VsV- > -h-$, $-z-$, $-s-$, $-z- > t$, $-z- > -s$, $-\check{s} > t$, $\check{s} > s$, монг. $s- > s-$, монг. $VsV > VhV$.

Якутскому *s*- соответствуют: др.-т. *j*-(*ç*-), *ç*, монг. *s*-, *ç* (древнейших заимствований), *ž* (древнейших заимствований); якутскому *-s*- соответствуют: др.-т. *-s*-, *-ç*-, *-z*-, *-š*-, монг. *-s*-, *-š*-; якутскому *-s* соответствуют: др.-т. *-s*, *-z*, *-š*, *-č*, *nč*, монг. *s*.

Тюркские языки Сибири дают сложную картину соответствий древнетюркского *j*-, связанную с действием процесса деаффрикатизации *č*-.

Так, в Вопроснике «Диалектологического атласа тюркских языков» на соответствия $\check{y} \sim \check{ж} \sim \check{ж} \sim \check{d}' \sim \check{ч} \sim \check{с}$ задано восемь слов, которые дали по тюркским языкам Сибири следующие варианты: *j*, *h*, $t\check{f}'/(h\check{f})/\check{h}\check{c}$, $d\check{z}'$, $f'(\check{f})$, *s*(*h*).

И.А. Батманов по характеру отражения *j*- выделял шесть подгрупп: а) йокающие языки (туркменский, азербайджанский, диалекты узбекского, татарского...); б) джекающие (киргизский...); в) дёкающие (алтайский...); г) жекающие (казахский, каракалпакский...); д) чокающие (шорский...); е) секающие (якутский...). Все эти варианты, за исключением *ж*-, в Сибири представлены. Кроме того, выделяется шокающая подгруппа — кызыльский диалект хакасского языка.

Анлаутный *j*- последовательно употребляется во всех диалектах сибирских татар, в эуштинском говоре томского диалекта встречается $\check{z}'un$, а в калмакском говоре того же диалекта — $t\check{f}'oer$.

Это легко объясняется влиянием литературного татарского языка: «...*ч* употребляется иногда вместо начального *ж* литературного языка, то есть из стремления “литературно” произносить начальный *ж* воз-

никает глухая аффриката *ч* по общему закону оглушения шумных согласных в начале слова» [Тумашева, 1977, с. 43].

По своим особенностям, в том числе и по *j*, нижнечулымский диалект близок к диалектам томских и барабинских татар. Характерный для этого диалекта *j*- был, по мнению А.П. Дульзона, свойствен языку аринцев, которые населяли эту землю до прихода тюрок [Дульзон, 1973].

В трех словах из восьми *j* отмечен в кондомском диалекте шорского языка: *jaq* 'идти (об осадках)'// *ḥsaq*, *j̣oq* 'нет', *j̣or* 'ходить'// *ḥs̄or*. Употребление *j* в этом диалекте не является последовательным, таким, как диалектно ограниченное употребление *-j*- и *-z*-. Спорадически может появляться и *h*: *ḥoq* 'нет', *hat* 'лежать' [Pritsak, 1959, S. 633].

В одном слове *j* встретился в таежном говоре тоджинского диалекта тувинского языка: *jedl* 'семь' (ДАТЯ). Употребление чистого (неназализованного) *j*- в анлауте ряда слов, обычно включающих в свой состав носовые согласные, характерно для этого говора: *йангыс* вместо *чангыс* 'один', *йоон* вместо *чоон* 'толстый', *йем* вместо *чем* 'пища' [Чадамба, 1974].

В тофском языке *j*- появляется только в позиции сандхи после предыдущего гласного. В материалах Атласа *j*- встречается только в вышеназванных диалектах. Совершенно не отмечен он в тубинском, хотя употребление *j*- считается характерной особенностью этого диалекта [Баскаков, 1966, с. 22]. Вероятно, в обследуемом пункте (с. Никольское Майминского района Горно-Алтайской АО) сильно сказалось влияние литературного языка. Необычные рефлексy *j*, *кь* и *гь*, отмечаемые в этом диалекте [Там же], заставляют предположить влияние самодийского субстрата.

Во всех диалектах алтайского языка, кроме кумандинского, в рассматриваемом ряду соответствий выступает *h* — «согласный малолушумный ртовый среднеязычный смычный» [Чумакаева, 1978, с. 206]. Он последовательно отмечается в пяти пунктах Алтая из шести. Соответствия *ч*//*ж*- северных диалектов звукам *дь*//*ть*- южных диалектов отражения не получили.

Становление этой алтайской системы с *h*-(<*j*-) происходит буквально на наших глазах. В.В. Радлов для алтайского, лебединского и туба диалектов давал «einen Vocal-Consonanten», отмечая только для телеутского диалекта употребление глухого переднеязычного *j*'. В «Грамматике алтайского языка» членов Алтайской духовной миссии, базировавшейся на телеутском и калмыкском наречиях, *j* употреблялся для обозначения смягченного *m*' у телеутов [Чумакаева, 1978, с. 6—7]. В записях Г.Ф. Миллера, сделанных у телеутов Томского и Кузнецкого уездов, употребляется *j* и *tj*: *jill* 'год', *jildys* 'звезда', *jangwar* 'дождь', *jaak* 'щека', но *tjurek* 'сердце' [Боргояков, 1971]. Как аллофоны одной фонемы выступают *h* и *j* в языке бачатских телеутов [Меркурьев, 1975, с. 7]. В калмакском диалекте, «который можно рассматривать как телеутское наречие» [Тумашева, 1977, с. 263], в анлауте сохраняется *j*-. Колебания *h* ~ *j* наблюдаются в теленгитском диалекте: *йолкы* ~ *дьалкы* 'молния', но в теленгитском в этой позиции может выступать и *č*: *чый* 'сырой', *чети* 'семь', *частык* 'подушка' [Бабушкин, 1966, с. 470].

Очень характерен в этом отношении кумандинский диалект, только в одном пункте (п. 16, с. Шунарак Турачакского района), по данным ДАТЯ, отмечается *ḥs̄*' вместо *h* остальных пунктов Алтая. Но экспериментальное обследование этого диалекта, проведенное в с. Егона Старобардинского района И.Я. Селютиной [1976, с. 77], показало, что в одной и той же инициальной позиции *ḥs̄*' и *h* не замещают друг друга без изменения значения слова и без искажения его до неузнаваемости, причем и *h*, и *ḥs̄* соответствуют древнетюркскому *j*; кум. *he:n*, др.-т. *jegen* 'племянник'; кум. *ḥs̄yl*, др.-т. *jil* 'год'; кум. *ḥs̄urt*, др.-т. *jurt* 'семья'; кум. *har-*, др.-т. *jap* 'закрой'; кум. *ḥoq*, др.-т. *joq* 'нет'.

За пределами Горно-Алтайской АО *h* употребляется в языке бачатских телеутов. Кроме того, А.П. Дульзон отметил употребление *t'* вместо *j*- в ячинском говоре нижнечулымского диалекта: *t'yl* 'год', *t'ol* 'дорога'. Произношение *t'* ~ *j* варьируется в некоторых словах: *t'ul* ~ *jul* 'река', *t'oq* ~ *joq* 'нет'.

Подобное изменение *j*- известно в самодийских языках: самод. **j*- > сельк. *ɫ*-, *č*-, кам. *ž*-, *č*-. Аналогичное явление известно в нганасанском и энецком (*j*-, *d*'-), в пуровском говоре лесных ненцев [Хелимский, 1982, с. 41]. Судя по данным письменных источников, появление *h*- < *j*- относительно недавнего происхождения [Боргояков, 1971]. Одной из причин вытеснения *č*- и распространения вариантов с *h* в алтайских диалектах — влияние литературного алтайского языка.

В последовательно чокающем регионе (мрасский диалект шорского языка, тувинский, сагайский и шорский диалекты хакасского языка, среднечулымский диалект) выделяются два пункта, в которых употребляется *h*з, — абаканский говор качинского диалекта и кызыльский диалект. В современном качинском диалекте в анлауте употребляется *č*, который по сравнению с литературным является щелевым звуком [Патачакова, 1973а, с. 15; Чанков, 1957, с. 61]. Но до середины XIX в. для этого диалекта характерно было звонкое произношение, которое сейчас наблюдается только в абаканском говоре. Это устанавливается по рукописным словарям Г.Ф. Миллера и Ф.П. Аделунга, материалы которых опубликованы М.И. Боргояковым. В словаре Миллера материал, определяемый им как хакасский (качинский, кызыльский, сагайский, койбальский), дан под рубрикой «красноярский». Древнетюркскому *j* здесь соответствует: 1) *ч* (*чил-тыс* 'звезда', *чил* 'год', *чазы* 'поле'); 2) *дз*- (*дзир* 'земля', *дзол/чол* 'путь'); 3) *ч*- (*чибирге* 'двенадцать').

Совершенно необычна здесь аффриката *дз*-. В словаре Ф.П. Аделунга в качинском довольно последовательно употребляется *дж*-. Это же произношение в 1804 г. отмечает Г.И. Спасский. В кызыльском диалекте, по словарю Ф.П. Аделунга, за некоторыми исключениями употребляется *j*: *яш* 'год', *якшы* 'хорошо' и т.д. (но *чит* 'молод', *джазы* 'ширина'). Однако в словаре Г.И. Спасского с *j*- сохраняется только несколько слов: *ябалчир* 'пещера', *якши* 'добрый', некоторые из них сохраняют эту огласовку и сейчас: *jaχʃɔ*,

jabal. В большинстве примеров вместо *j* употребляется *č*-. *чел* 'ветер', *чир* 'земля', *чул* 'река', *чарк* 'свет', *час* 'весна' и т.д. В современном диалекте *č*- регулярно переходит в *ž*. Очень редко в кызыльском вместо *ž* может появиться *s*: *sys* 'сто', *saj* 'чай', *systyk* 'перстенец' [Патачакова, 1977, с. 51].

«Якутский» *s*- вместо закономерного *č* отмечается в двух словах Вопросника: тув. *žoldɔs*, тоф. *žoldɔs* 'звезда' (як. *solos*). Это же соответствие отмечается в тофском слове *syldys* 'корни растений', ср. кангатские материалы Миллера: *сылтус* 'звезда', *сылтыс* 'корень' (см. [Боргояков, 1971, с. 122—130]).

За последние 200 лет (со времени записей Г.Ф. Миллера) произошли существенные изменения в фонетике тюркок Сибири: сформировалась подгруппа *h*-языков как в результате перехода *j* > *h*, так и благодаря «вытеснению» *č*. Исчезли звонкие аффрикаты *h*з, в абаканском говоре качинского диалекта употребляется *č*. Кызыльский *j* > *ž* > *h*ʃ > *ʃ*, т.е. изменения *j*-, происходящие в сибирских языках, не представляют собой последовательного процесса дезаффрикации *č*- < *j*- (табл. 11).

Сопоставление процессов, происходивших в некоторых из сибирских тюркских языков (главным образом, в хакасском) и в якутском, показывает, что они имели разный характер и протекали в разное время. В якутском языке практически отсутствуют (в тюркском слое лексики) шумные спиранты и аффрикаты. В южносибирских при всех изменениях, происходивших с этими группами согласных, представлен достаточно большой набор спирантов и аффрикат.

Таблица 11

Язык	Анслаут	Ауслаут
Древнетюркский	<i>j</i>	<i>č</i>
Якутский	<i>s</i>	<i>s</i>
Тувинский	<i>č</i>	<i>ž</i>
Тофский	<i>č</i>	<i>ž</i>
Алтайский	<i>h, č</i>	<i>č, ž</i>
Шорский	<i>č</i>	<i>č, ž</i>
Хакасский	<i>č, ž, s</i>	<i>s, ž</i>

Процесс деаффрикатизации в тюркских языках Сибири

О том, что изменения $j > s$ и $\check{c} > s$ в якутском протекали изолированно от подобных процессов в южно-сибирских языках, свидетельствуют некоторые особенности последних, отсутствующие в якутском языке.

1. Для якутского языка, точнее для тюркского слоя его лексики, совершенно не характерно явление назализации анлаутных среднеязычных согласных, которое широко распространено в тюркских языках Южной Сибири: *йымшак* ~ *нымгах* ~ *чымгах* // як. *сымнагас* 'мягкий', *даңыс* ~ *чагыс* ~ *нагыс* // як. *соботох* 'одинокий', *ньудурук* ~ *чудурук* ~ *нузурук* // як. *сутурук* 'кулак' и т.д.

В якутском анлаутный *л* появляется только в словах, заимствованных из монгольских, тунгусских и русского языка [Грамматика современного якутского литературного языка, 1982, с. 76—77]. По степени развития ассимиляции якутский ближе всего стоит к сибирским тюркским языкам, неразвитость в нем этого процесса является косвенным свидетельством того, что в древнеякутском анлауте отсутствовали среднеязычные аффрикаты, которые могли подвергнуться такому изменению.

2. Не представлено в якутском и $s > \check{c}$ под влиянием $\check{c}$ -основы в словах типа *sač* 'волосы', *sanč* 'колоть, вонзать'.

В слове *sač* анлаутный *s* не подвергся ассимиляции только в гагаузском, азербайджанском и туркменском языках. В туркменском *s* регулярно чередуется с θ . Вариант с анлаутным *s* представлен и в сундырском говоре верхового диалекта чувашского языка, локализующегося в пограничной полосе с марийским языковым массивом. Также нет ассимиляции анлаутного *s* в огузском и некоторых диалектах карлукского наречия узбекского языка и в якутском языке (в якутском $s > \emptyset$). Во всех других языках анлаутный *s* перешел в $\check{c}$ и в дальнейшем подвергся деаффрикатизации наравне с общетюркским $\check{c}$. В результате дез-

аффрикатизации в башкирском и хакасском снова появляется анлаутный *s*, но уже как последний этап деаффрикатизации $\check{c}$: хак. (абаканский говор качинского диалекта, бельтирский и сагайский говоры сагайского диалекта, шорский диалект, староинюсский говор качинского диалекта) *sas/saš/šaš/š'aš'*, башк. *sæš*. Всего можно выделить по материалам Атласа девять вариантов анлаутного согласного в слове *sač*:

— неассимилированные варианты: а) *s*: аз. *sašf*, *saš*, туркм. *sašf* (нохурский, хасарский, човдурский, кырачский диалекты), узб. *sašf*, *saš*, *sa:šf*; б) $\emptyset$: туркм. $\emptyset$ (геокленский, текинский, емудский, эрсаринский, сарыкский); в) $\emptyset$ як., долг.

— ассимилированные варианты: а) среднеязычные аффрикаты: кумык. *hšahš*, кирг. *hš'ahš'* ~ *hš'æhš'*, алт. *hšahš/tš'aš'*; б) переднеязычные аффрикаты: карач.-балк. *tš'aš'*, узб. *tš'aš'*, *tš'aš'* (кыпчакское и карлукское наречия); в) переднеязычные свистящие аффрикаты: балк. *tsats*, сиб. тат. *tsats/tsnts*, чул.(н) *tsæts*; г) шипящие переднеязычные со вторым среднеязычным фокусом: чув. *f'uf'*, хак. (кыз.) *f'æf'*, тат. *f'æf'*; д) шипящие переднеязычные: каз., ног. *šaš*, тат. (астраханские ногайцы-карагаши) *šaš*, шор. *šaš*; е) свистящие: башк. *sæš*, хак. *sas*, *saš*.

Изменение анлаутного согласного в слове *sanč* несколько отличается, зона деаффрикатизации шире: захватывает тюркские языки Южной Сибири, кроме алтайского, где представлен другой вариант этой лексемы — *saš*: алт. (туба, алтай-кижи, теленгит.) *saš*, шор. *šaš*, хак. *sas* (тейский говор, бельтирский и сагайский говоры сагайского диалекта); *sas/š'aš'* (абаканский говор качинского диалекта), *sas/š'aš'/tš'aš'* (кызыльский диалект), *šaš* (шорский диалект), тув. *šēš*, тоф. *šēš:s/š'əhš*. Явление деаффрикатизации шире изменения $\check{c} > f > s$ или $\check{c} > ts > s$. Оно охватывает и переход $dʒ > z$ и целый ряд вызванных этим сдвигом явлений, например $s > h$ в башкирском.

Ареал деаффрикатизации включает всю центральную зону тюркских языков и с разной степенью интенсивности захватывает южно-сибирские тюркские языки. Ядро ареала составляют языки со средней сту-

пенью деаффрикатизации j (казахский, каракалпакский, ногайский, язык астраханских ногайцев). Как особую ступень, стоящую ближе к исходной форме, сохраняющую еще следы среднеязычной настройки, можно выделить j' . Другой возможный путь деаффрикатизации $\check{c}$ через ступень ts , из которого впоследствии выпал t , предложил В.А. Богородицкий. Крайние ступени (s) представляют башкирский и хакасский языки.

Такую же ступень изменения $\check{c}$ имеет и якутский язык — общетюркское $\check{c} > s$ во всех позициях, за исключением удвоенных $-c\check{c}-$, образовавшихся, как правило, в результате ассимиляции (як. *бачча* 'столько, столь', др.-т. *bunča* 'столько, так много', як. *оччо* 'столько, такой, таковой', др.-т. *anča* 'так, таким образом'). Но в якутском языке этот процесс протекал уже после того, как он оказался в изоляции. Причем это произошло прежде, чем в сибирских тюркских языках возникла тенденция к изменению аффрикат. Развитие дистактной ассимиляции $\check{s} > \check{c}$ предшествовало этому явлению, так как изменению подвержены и общетюркское (первичное) $\check{c}$, и вторичное, возникшее в результате ассимиляции. В якутском эти процессы не имели места, так как вторичный $\check{c}$ уже не дал бы s .

Таким образом, якутский язык не вписывается в схему, где $j \rightarrow d\check{s} \rightarrow \check{c} \rightarrow s$, тем более что в нем не отмечается процесс приглушения, охватывающий j - и b -, который предполагается для других сибирских тюркских языков [Гаджиева, 1976, с. 91].

Изменения, происходящие в якутском, заставляют обратиться к гипотезе о начальном глухом j -(ζ) в соответствии $j \rightarrow d\check{s} \rightarrow \check{c} \rightarrow s$ (А.П. Дульзон, В.М. Надеяев); j - и ζ - могли выступать как аллофоны одной фонемы. Так, j в хакасском языке в начале слога всегда шумный, а в конце он более сонантен [Чанков, 1957, с. 66]. На выбор того или другого варианта сильное влияние оказывала фонетическая система языка-субстрата, так как формирование тюркских языков Сибири шло в значительной мере за счет тюркизации иноязычных народов.

О существовании в древнеякутском языке на ранних этапах его развития j -(ζ -) говорят следующие факты:

1) название якутов у других народов — *jakol* (у эвенков) и *якут* (у русских); русская форма, по предположению Д. Банзарова, является монгольской формой множественного числа от древней формы самоназвания якутов (*јака*);

2) слова *быыл* 'этот год, минувший год, в этом году, в минувшем году' и *эһиил* (у Бётлингга *асул*) '1) будущий год; 2) в будущем году'. В первом случае *ыл* 'год' зафиксирован в j -стадии, во втором — ζ -, переход твердоядных гласных в мягкорядные, возможно, объясняется ихьялутной стадией изменения.

Следовательно, и тут якутский язык совпадает с южно-сибирскими только по результату, но время и характер процессов, приводящих к этим результатам, различны.

Процесс, в котором якутский язык соответствует южно-сибирским, — это десоноризация анлаута ряда аффиксов. Такое изменение наблюдается не только в сибирских языках, но именно здесь оно достигает максимального развития. Десоноризация анлаута аффиксов — это частное проявление гораздо более широкого круга изменений, связанного с переносом фонотактических закономерностей, присущих корневой морфеме на древнетюркском уровне, на словоформу в целом в тюркских языках Сибири и в ряде тюркских языков центральной группы.

Ассимиляция в тюркских языках Сибири

Общей чертой всех тюркских языков Сибири является очень развитая относительно других тюркских языков ассимиляция на морфемных швах. В наибольшей мере это характерно для якутского языка. В.В. Радлов считал, что в этом отношении якутский язык не имеет себе равных среди современных ему тюркских языков и напоминает языки дравидийские (см. [Харионов, 1947, с. 75]).

Ассимиляция имела место уже в языке древнетюркских памятников. Так, приводимые А. Габен сло-

ва и формы с удвоенными согласными из памятников на брахми — *arttoq*, *qattih*, М. Рясянен рассматривает как результат ассимиляции. *Arttoq* 'больше' — причастие претерита на *-duk* от глагола *art-* 'увеличиться, подходить', второе слово представляет собой ту же форму от глагола *kat-* 'твердеть' [Gabain, 1950, S. 57; Рясянен, 1955, с. 122]. В более поздних памятниках ассимиляция по звонкости/глухости представлена довольно широко. В языке среднеазиатских памятников удвоенные согласные, образованные в результате ассимиляции, имеют тенденцию превращаться в одиночный звук [Brockelmann, 1954, S. 66—67]. Но ассимилятивные особенности складывались в отдельных тюркских языках или группах языков в послеорхонский период (другие точки зрения на время формирования этих особенностей см. [Тенишев, 1973, с. 44]).

Отличие ассимиляции в якутском от других тюркских языков можно проследить на примере прогрессивной ассимиляции на стыке конечного согласного основы и начального согласного аффикса, так как очень характерная для якутского языка ассимиляция внутри основы имеет особые закономерности и твердо не установилась даже в пределах говоров [Убрютова, 1960б, с. 100]. Около $\frac{2}{3}$ аффиксов с начальными согласными, рассмотренных в работе Л.Н. Харитонова [1977], меняют начальный согласный аффикса в зависимости от конечного согласного основы. Более последовательно ассимилируются словоизменительные аффиксы. Неизменяемые аффиксы (речь идет только об изменении согласных, гармонии гласных подчиняются все аффиксы) могут присоединяться к основе при помощи соединительной гласной (*-талаа* — аффикс многократного вида глаголов: *быс* > *быһы-талаа*, *тут* > *тутуталаа*); выпадения конечного согласного основы (*-мар* — аффикс образования прилагательных от образных глаголов: *согуй* > *согумар*); словообразовательного аффикса имен существительных *-был* (*эрэн* > *эрэбил* 'надеяться'), а также могут присоединяться непосредственно к конечному основному (*-таа* — аффикс многократного вида: *агал-* > *агал-таа-*).

В качестве начальных согласных ассимилируемых аффиксов в якутском языке выступают *б*, *л*, *т*, *г*, *һ* (*с*), например:

1. *-быт* (*-пыт*, *-мыт*) — аффикс принадлежности 1-го л. мн. ч.; в древних тюркских языках этот аффикс имел форму: *-miz*, *-miz*, *-miz*, *-müz* в орхон-енисейских, *-umiz*, *-umuz* в уйгурских. В некоторых современных тюркских языках (турецком, туркменском, азербайджанском, узбекском) сохраняется древняя форма с начальным *-т*, а в сибирских тюркских языках, а также в башкирском, киргизском, кумыкском, татарском начальный *т*- аффикса деназализуется в *б*.

2. *-лар* (*-тар*, *-дар*, *-нар*) — аффикс множественного числа — встречается во всех тюркских языках и имеет от 1 (в литературном узбекском) до 16 (в якутском, тувинском) вариантов. По характеру употребления этого аффикса все тюркские языки можно разделить на две группы: в одних устойчивым является *л*, в других — *р*. В языках со стабильным *р*- (алтайский, башкирский, казахский, киргизский, тувинский, чулымский, шорский, хакасский, желтоуйгурский, якутский) меняется начальный *л* в зависимости от конечного согласного основы.

По типу ассимиляции языки можно разделить на две группы. В первую, которая характеризуется полной ассимиляцией после *-л* (*лар*) и *-н* (*нар*), входят хакасский, желтоуйгурский, шорский языки, тоджинский диалект тувинского языка. Во второй группе *л* аффикса диссимилируется после основ на *-л*, *-н* — это алтайский, киргизский, казахский языки. Тувинский занимает промежуточное положение между этими группами: *л* аффикса диссимилируется в *д* после *-л*-основы, но назализуется после *-н*. Якутский приближается к первой группе, отличаясь от нее переходом *л* > *д* после *-й*, *-р* (табл. 12).

3. Изменение аффиксов с начальным *т* — аффикс местного (в якутском языке частного, древнее значение местного падежа сохранилось только в наречиях и местоимениях) падежа. В орхонских памятниках регулярно употребляется *-та* после сонорных и звонких, а *-да* после глухих и в интервокальном поло-

Таблица 12

Варианты аффиксов множественного числа

Язык	Конечный звук основы			
	й, р	л	н	Глухой согласный
Якутский	дар	лар	нар	тар
Хакасский	лар	лар	нар	тар
Тувинский	лар	дар	нар	тар
тоджинский диалект	лар	лар	нар	тар
Желтоуйгурский	лар	лар	нар	тар
Шорский	лар	лар	нар	тар
Алтайский	лар	дар	дар	тар
Киргизский	лар	дар	дар	тар
Казахский	лар	дар	дар/нар	тар

жении, хотя отступления от общего правила все же встречаются: *sabynda* 'в моей речи', *kāmdā* 'у реки Кем', *kācinda* 'у Кечина'. Сочетания типа *rd*, *ld* на слогоразделе характерны для некоторых енисейских памятников (№ 5—9, 11, 13, 14, 25, 29) [Батманов и др., 1962, с. 48]. В рукописных текстах единого правила не установлено. Некоторые имена принимают то ту, то другую форму: *ayruu + ta*, *äitüz + ta*, *bas + ta*, *yol + ta*, *öd + tä*, *īarag + ta*, *jir + da*, *aja + da* [Gabain, 1950, S. 182]. В более поздних гератских и караханидских памятниках закономерность употребления *-ta* и *-da* сходна с большинством современных языков, хотя встречаются некоторые отклонения (*istā ~ isdā*) [Brockelmann, 1954, S. 127; Насилов, 1974, с. 38—39].

Употребление глухого варианта аффикса в интервокальном положении отличает якутский язык от древних и большинства современных тюркских языков, сближая его с языками желтых уйгур и барабинских татар. Но все остальные формы ассимиляции этого аффикса характерны только для якутского языка, что еще раз свидетельствует о том, что ассимиляция развивалась в отдельных группах тюркских языков уже в послеорхонский период (табл. 13).

Если ассимиляция словоизменительных аффиксов довольно последовательна, то она внутри основ имеет свои закономерности, которые значительно различаются по диалектам. По этому, второму, типу могут изме-

Таблица 13

Варианты аффиксов местного падежа

Язык	Конечный звук основы				
	й, р	л	н	Глухой согласный	Гласный
Якутский	да	ла	на	та	та
Хакасский	да	да	да	та	да
Тувинский	да	да	да	та	да
Желтоуйгурский	та (очень редко да)	та	та	та	та
Алтайский	да	да	да	та	да
Шорский	да	да	да	та	да
Киргизский	да	да	да	та	да
Казахский	да	да	да	та	да
Татарский	да	да	да	та	да
Башкирский	за	—	да	та	да
Барабинских татар	та	та	та	та	та
Томских татар	да	да	да	та	да
Каракалпакский	да	да	да	та	да
Узбекский	да	да	да	да	да
Уйгурский	да	да	да	та	да
Туркменский	да	да	да	да	да
Азербайджанский	да	да	да	да	да

няться и словообразовательные аффиксы в производных основах. Приведем примеры изменения аффикса *-сыт* при присоединении к основам на *-л*: 'гость' — *ыалдьыт*, *ыальдьыт*, *ыадьдьыт*, *ыальцыт*, *ыалцыт*, *ыальылыт*; 'следопыт' — *суолдьут*, *суолььют*, *суольдут*, *суольгют*; 'охотник' — *булчут*, *бульчут*, *буччут*, *бурчут*, *булчук киһи* [Убрятова, 1960б, с. 110—111].

Якутский аффикс *-сыт* соответствует аффиксу *-чы* других тюркских языков; *с*, возникший из *ч*, в зависимости от конечного согласного основы может переходить в *ч*, *дь*, *нь*. По-другому протекает ассимиляция в аффиксах, сохранивших древнетюркский *č*:

Древнетюркский язык	Якутский язык
<i>bunča</i> 'столько, так много'	<i>бачча</i> (определятельное местоимение) 'столько, столь'
<i>tuŋča</i> 'так, таким образом' 'столько, так много'	
<i>aŋča</i> 'так, таким образом'	<i>оччо</i> (определятельное местоимение) 'столько, так много'; (наречие) 'столько, такой, таковой'
<i>aŋča</i> 'много, значительно'	<i>оччо бачча</i> 'слишком, очень'

Ср. в других родственных языках: хак. *мынча* (*мын-жа*), алт. *мынча*, тув. *мынча*, кирг. *мынча*, хак. *анча* (*анжа*), алт. *анча*, тув. *ынча*, кирг. *анча* — в тех же значениях. Аффикс *-ча* Л.Н. Харитонов рассматривает как омертвелую форму количественного падежа, употребляемого в языке орхонских надписей и в некоторых современных тюркских языках. В якутском языке этот аффикс встречается в местоимениях (*бачча*, *имич-чэ*), приблизительных числительных (*сүүсчэ*, *сүүрбэч-чэ*), наречиях (*барбытча*, *корбутчэ*).

О.Н. Бётлингк не считал эту форму падежным аффиксом, а связывал его со словом *чах* 'мера, время'. А. Габен возводила ее к послелогу. Но уже в языке орхонских памятников она выступала как падежный аффикс. Как пережиток некогда существовавшего падежа рассматривал ее В.В. Радлов. В употреблении этого аффикса обращают на себя внимание два момента: сохранение древнетюркского *č* и разный характер ассимиляции после *-н*-основы. Древнетюркский *č* сохраняется и не переходит в *с* не только в этом, но и в некоторых других аффиксах, например в уменьшительно-ласкательном аффиксе *-чык* (*аанчык*, *догорчук*, *догоччук*, *кулунчук*). Этот аффикс встречается в древнетюркском (*oylančiq*) и сохраняется в некоторых современных тюркских языках: тув. *-чак*, *-жак*, хак. *-чак*, алт. *-чак*. Ч экватива сохраняется почти без исключений. Единственный пример перехода *č > s* (*h*) — вопросительное местоимение *төһө* (Бётлингк считал *-h* фонетической разновидностью *-ча*). Ср. др.-т. *пече*, тув. *чежэ*, тоф. *hs'eqhe*, як. *төһө*; др.-т. *пе*, *пй*, тув. *чуу*, тоф. *hs'u*, як. *туох*.

Сочетание *-пч-*, образованное на стыке основы и аффикса, в большинстве языков изменяется по тем же правилам, что и *-пч-* в неразложимых основах: сохраняется без изменений в алтайском, татарском, киргизском, узбекском, тувинском языках. В азербайджанском, гагаузском, турецком, хакасском *č* озвончается. В казахском и каракалпакском языках, а также в башкирском, как известно, *č > s*. В якутском языке в неразложимых основах *нынь < нч*. Но при присоединении аффикса *-ча* правила сочетаемости оказываются

различными: 1) полная регрессивная ассимиляция в местоимениях *бачча*, *оччо*; 2) сохранение сочетания *-нч-* в приблизительных числительных: *уонча* 'около десяти'. Возможно, это объясняется тем, что в тот период, когда *пч > рч*, *ча* сохранял еще некоторые особенности послелога. А полная регрессивная ассимиляция в местоимениях и наречиях вызвана тем, что они в современном якутском языке воспринимаются как непроеизводные. Присоединяясь к основам на гласный, *č* аффикса удваивается: *итиччэ*, *сүүрбэч-чэ*. Такая его особенность могла препятствовать переходу *ч > с*. Геминация может использоваться для сохранения исходной, более древней формы.

Сильно развитая ассимиляция привела к появлению большого количества удвоенных согласных. Но не все долгие (удвоенные) согласные в якутском языке могут быть объяснены ассимиляцией. Они могут соответствовать кратким согласным других языков: монг. *soqur > як. соххор* 'одноглазый', *-чч-* в аффиксе имени деятеля *-аччы < монг. аči*; интересно еще и то, что вторая форма с удвоенным *-чч-* встречается в хакасском и тувинском языках. Для современного якутского языка противопоставление по долготе/краткости не является фонологическим. Геминированные согласные встречаются во всех тюркских языках, не представляя системы, такой как в финно-угорских. Их происхождение объясняют различными причинами: влиянием других языков; выражением количественной и качественной семантики, редукцией узкого гласного второго слога, исчезнувшей долготой гласного.

Одной из причин образования неассимилятивных долгих согласных может быть следующая: долгота согласного является сопутствующим качеством, присутствующим сильному согласному в интервокальном положении. Так, в тофском языке в интервокальной позиции существует четкое противопоставление сильных и слабых согласных. При этом сильные согласные всегда глухие и долгие. Сильные ауслаутные *š* и *ɬ*, попав в интервокальное положение, усиливаются вплоть до геминации [Рассадин, 1971, с. 63]. В тувинском языке в интервокальном положении *k* и *p* в одиночном виде

не встречаются. Например, пишут *эки* 'хорошо', а произносят *эки*, пишут *акый* 'старший брат', а произносят *аккый*. В слове *аппар* 'становиться чем-то' для различия его на письме от слова *аппар* (*ап* + *баар*) 'унести' пишется одно *п*, хотя в произношении эти слова не различаются [Исхаков, Пальмбах, 1961, § 92, 96]. Можно предположить, что якутский язык прошел через такую же стадию развития фонологической системы, когда сильные согласные в интервокальном положении усиливались вплоть до геминаций.

При дальнейшем развитии фонологических систем разных тюркских языков эта позиционная долгота проявилась по-разному. В некоторых языках оттенок признака, не игравший смысловозначительной роли, стал ведущим — фонематическим. Так, в алтайском языке (алтай-кижи) согласные подразделяются на шумные и малошумные. Шумные могут быть долгими и краткими, долгие употребляются только в середине слова, преимущественно в морфологически неразложимых основах. В якутском языке, фонологическая система которого претерпела очень сильные изменения, этот признак отразился непоследовательно: 1) удвоение согласного (*икки*, *сэттэ*); 2) исчезновение долготы и озвончение согласного в интервокальном положении (*огу*, *могу*); 3) исчезновение долготы, но сохранение глухости. По характеру ассимиляции якутский язык не совпадает полностью ни с одним из тюркских языков, а некоторыми деталями отличается от всех из них.

Изменение закономерностей сочетаемости звуков

Как заметил Н.С. Трубецкой, «Правила сочетаемости согласных звуков накладывают на каждый язык особый отпечаток. Они характеризуют язык в не меньшей мере, чем фонемный состав».

В тюркологии законам сочетаемости звуков посвящено немало специальных исследований. Сочетание сонорный + шумный глухой на морфемном шве рассматривается как классификационный признак, ха-

рактеризующий сохранение в языке древних черт (С.Е. Малов). Но не меньший интерес для истории тюркских языков представляет позиция сонорного в сочетании с шумными внутри морфемы и на морфемных швах.

Изменение закономерностей сочетаемости звуков в потоке речи оказывает непосредственное влияние на парадигматику фонем, расширяя или сужая возможность их противопоставления, а также на алломорфное варьирование, а через него и на структуру морфологических парадигм.

В тюркских языках Сибири (а также в некоторых кыпчакских языках — киргизском, казахском и др.) идет процесс, который можно охарактеризовать как перенос фонотактических закономерностей, свойственных односложной корневой морфеме, на межморфемные консонантные сочетания.

Согласные сочетаются между собой по определенным схемам, характеризующим как отдельные языки, так и типы языков. Для языка тюркских рунических памятников внутри односложной корневой морфемы было возможно только сочетание сонорный + шумный: *elt* 'тянуть', *alp* 'герой', *türk* 'тюрк', *qırq* 'сорок' и реже шумный спирант + шумный смычный: *ast* 'низ' [Кононов, 1980, с. 75]. Эта закономерность сохранилась и в современных тюркских языках. Так, в односложных словах в казахском языке зафиксировано 17 двухэлементных сочетаний согласных, самыми предпочтительными в первой от гласного ядра позиции являются сонанты: они встречаются в 16 из 17 сочетаний, во второй позиции употребляются только шумные согласные. Подобная же картина в каракалпакском: в 92,3 % случаев первую позицию занимают сонанты, вторую — только шумные согласные [Авазбаев, 1992, с. 23—24]. Но на морфемных швах в языке рунических памятников были возможны сочетания шумный глухой + шумный звонкий, шумный звонкий + шумный глухой, шумный + сонорный, сонорный + шумный глухой, сонорный + шумный звонкий. В древнетюркском процессы варьирования консонантно-начальных аффиксов в зависимости от ис-

хода основы затрагивают только шумные согласные: *tap-dim*, *aš-dī-mīz*, *olur-t-dī*, *az-tī*, *sub-qa* и т.д.

В рунических текстах еще сохраняются сочетания по принципу диссимилиации (контрастной сочетаемости), что могло служить пограничным сигналом на морфемных швах и поддерживать прозрачность морфемной структуры слова. Высокая частотность сонорных в анлауте аффиксов при ограниченном их употреблении в анлауте слова (вторичный характер анлаутного *m*-, *n*- только в одном тюркском корне *ne* и в производных от него; возможность того, что *j*- выступает как шумный спирант; отсутствие в собственно тюркской лексике *l*- и *r*-) тоже служила своеобразным маркером аффиксальной морфемы (табл. 14).

Возникший в ряде тюркских языков запрет на сочетание типа шумный + сонорный на морфемных швах привел к серьезным сдвигам как на фонологическом,

Таблица 14

Позиции согласных в языке древнетюркских памятников

Согласный звук	Анлаут слова	Ауслаут	Анлаут аффиксов
<i>b</i>	<i>b</i>	<i>b</i>	<i>b</i> (в постпозитивных частицах)
<i>p</i>	<i>p*</i>	<i>p</i>	<i>p</i>
<i>m</i>	<i>m**</i>	<i>m</i>	<i>m</i>
<i>d(δ)</i>	—	<i>d</i>	<i>d</i> (обычно как вариант <i>t</i>)
<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>
<i>n</i>	<i>n**</i>	<i>n</i>	<i>n</i>
<i>k ~ q</i>	<i>k ~ q</i>	<i>k ~ q</i>	<i>k ~ q</i>
<i>g ~ γ</i>	—	<i>g ~ γ</i>	<i>g ~ γ</i>
<i>ŋ</i>	—	<i>ŋ</i>	<i>ŋ</i>
<i>j</i>	<i>j</i>	<i>j</i>	<i>j</i>
<i>č</i>	<i>č</i>	<i>č</i>	<i>č</i>
<i>ń(j)</i>	—	<i>ń(j)</i>	—
<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>
<i>š</i>	<i>š*</i>	<i>š</i>	<i>s</i>
<i>z</i>	—	<i>z</i>	<i>z**</i>
<i>n</i>	—	<i>n</i>	<i>n</i>
<i>l</i>	<i>l*</i>	<i>l</i>	<i>l</i>
<i>r</i>	—	<i>r</i>	<i>r</i>

* В заимствованных словах.

** Встречается редко.

так и на морфологическом уровнях. Вследствие этого запрета вместо одновариантных аффиксов (по начальному согласному) появились многовариантные.

Одним из результатов данного процесса стало изменение парадигматической иерархии грамматических показателей, имевших в древнетюркском языке в анлауте сонорный согласный, в первую очередь *m*-; рассмотрим это на примере аффикса отрицания у глаголов *-ma*. В. Банг видел в нем остатки исчезнувшего глагола, который начинался с *m*- и обозначал что-то вроде 'упускать'; *m*- в анлауте этого аффикса восстанавливает и Г.И. Рамstedт (см. [Шербак, 1981, с. 98]). В древнетюркском *-ma/-mä* — отрицательная основа глагола: *qılma* — 'не делать', *ölür-mä* 'не убивать' — и часть сложных аффиксов отрицательных инфинитных форм: *-maz*, *-malı*, *-mazıan* и др. [Древнетюркский словарь, 1969, с. 657].

В современных языках Южной Сибири этот аффикс имеет основной вариант (в качестве которого принимается вариант, употребляемый после гласного основы) *-ба ~ -ва*: тоф. *сана-ва* 'не читать', *бер-бе* 'не давать', *ал-ба* 'не брать', *алыс-па* 'не поддаваться'.

Вариант *-ма* может появиться только после основ, заканчивающихся на *-н*: *һаактан-ба* (~ *һаактан-ма* 'не кататься на лыжах') [Рассадин, 1978, с. 170]: тув. *-па//*-*не* после шумных согласных, *-ба//*-*бе* после *л*, *р*, *й*, *г*, *-ва//*-*ве* после гласных и *-ма//*-*ме* после *м*, *н*, *ң*; например: *тут-па* 'не держать', *ал-ба* 'не брать', *бода-ва* 'не думать', *мун-ма* 'не ехать верхом'.

В западном и переходном диалектах в позициях после *-м* и *-н* появляется *п*-. *уём-не* 'не закапывать', *сагын-па* 'не вспоминать'.

В хакасском языке после основ на гласную и сонорные *р*, *н*, *г*, *й* употребляется вариант *-ба//*-*бе*: *сине-бе* 'не измерять', *пар-ба*, *хал-ба*; после основ на *-н*, *-нъ*, *-м* — вариант *-ма//*-*ме*: *айлан-ма* 'не возвращаться', *сом-ма* 'не купаться'; после основ на шумный согласный идет вариант на *-па//*-*не*: *сат-па* 'не продавать' [Дыренкова, 1948, с. 72].

В алтайском языке после основ на гласный употребляется вариант *-ба//*-*бе//*-*бо//*-*бө*: *иште-бе*; после

основ на *р, л, й* — *-ба// -бе// -бо// -бө*: *кел-бе, бар-ба*; после основ на шумный — варианты с начальным *п* [Дыренкова, 1940а, с. 155].

В якутском языке отрицательный аспект глагола образуется при помощи аффикса *-ма// -ыма*: *ытаа- ~ ытаа-ма* 'плакать — не плакать', *санаа ~ санаа-ма* 'думать — не думать', *киир ~ киир-име* 'входить — не входить' [Грамматика современного якутского литературного языка, 1982, с. 226].

Но такой способ присоединения к основе, заканчивающейся на согласный, аффикс отрицания имеет далеко не во всех глагольных формах.

В форме отрицательных причастий на *-бат* (настоящего времени), *-батах* (прошедшего времени) показатель отрицания как бы утрачивает связь со своим исходным вариантом и в позиции после гласного употребляется уже как шумный согласный — *кэпсээ-бэт, аһсабат; ыл-бат, бар-бат*, — оглушаясь после глухого шумного согласного основы: *тик-нэт, аах-пат* и т.д.

Сравним форму отрицательного деепричастия в якутском и в других тюркских языках Сибири: в большинстве тюркских языков одна отрицательная форма и для деепричастия на *-ын*, и для деепричастия на *-а*: др.-т. *-майын*, тув. *-байн*, тоф. *бейн*, хак. *бин*, шор. *баан*, алт. (сев.) *-бийн*, алт. (южн.) *-май*, як. *-ымына*.

Если отрицательный аффикс находится в структуре вторичного аффикса, который присоединяется к глагольным основам, заканчивающимся на согласный, при помощи соединительного гласного, то *-м-* в структуре этого аффикса сохраняется. Если отрицательный компонент входит в структуру вторичного аффикса, который присоединяется к глагольной основе непосредственно, то *м > б* даже в позиции после гласного основы. Южно-сибирские языки полностью сменили основной вариант с шумным согласным в анлауте, якутские — частично, т.е. якутский не был столь последователен, как другие южно-сибирские языки в смене основного варианта аффикса глагольного отрицания.

Тот же процесс — десоноризация анлаута для аффиксов с переднеязычными согласными *н-* и *л-* — фиксируется в южно-сибирских языках на более ран-

них ступенях изменения. В этих языках падежная система представлена преимущественно кыпчакским и уйгуро-кыпчакским подтипами, т.е. аффиксы в безличной парадигме имеют консонантно-начальные варианты [Благова, 1982, с. 49—52]. Поэтому можно проследить за изменениями начального *н-* аффиксов на примере винительного и родительного падежей.

В древнетюркском языке винительный падеж после согласных был представлен аффиксами *-°γ, -°g*, очень редко *-nī, -ni, °n* — в лично-притяжательной парадигме, после гласных — *-nī// -ni*, родительный — *-ig// -īγ*, после согласных — *-ig// -ig*; после гласных — *-nig// -niγ*. Таким образом, в древнетюркском уже называется тип, близкий современным огузским языкам, — выбор консонантно- или вокально-начального варианта аффикса в зависимости от исхода основы. Унаследовал этот тип и якутский язык: *-ны* (*-ни, -ну, -нү*) после гласных, *-ы* (*-и, -у, ү*) после согласных.

В южно-сибирских тюркских языках варианты падежных аффиксов (поначальному согласному) образовывались в результате запрета на употребление сонорного после шумного согласного основы, а также потому, что в разных тюркских языках сложились отличающиеся друг от друга закономерности сочетания между собой сонорных, поэтому после шумных возникает вариант аффикса с шумным анлаутом: *-ты* (вин. пад.), *-тың* (род. пад.), во всех остальных позициях сохраняется *н-*. Тоф. род. пад. *-тың* (*-тиң, -туң, -туң*) после шумных: *аът-тың, эът-тиң, эш-тиң* и т.д.; *-ның* (*-ниң, -нуң, -нүң*) после гласных и всех сонантов: *даг-ның, ай-ның, кар-ның, чаа-ның*; вин. пад. *-ны* (*ни, -ну, -нү*) — если основа оканчивается на любой гласный и сонант: *суг-ну, һам-ны, ай-ны, чаа-ны*; *-ты* (*ти, ту, тү*) — если основа оканчивается на шумный согласный: *балык-ты, эът-ти* [Рассадин, 1978, с. 30—31].

По этому же типу меняет форму аффиксов чулымско-тюркский язык, встречается этот тип в хакасском, но в сагайском после *-р, -л* появляется вариант со звонким шумным *-дың, -ды*, т.е. зона шумных аллофонов раздвигается, этот процесс идет уже под

влиянием запретов на сочетаемость сонорных. В алтайском языке аффиксы с шумным в анлауте появляются после двойного узкого уу ~ үү: *черү-динъ, черү-ди*; после *р, л, й*: *мал-дың, мал-ды*. Винительный падеж с шумным в анлауте появляется после *-н, -нъ, -м*: *таан-ды, но таан-нынъ; анъ-ды, но анъ-нынъ* [Дыренкова, 1940а, с. 67]. Н.А. Баскаков в туба-диалекте отмечает факультативные варианты — *нынъ// -дың, -ны// -ды* после гласного основы [1966, с. 60]. Такие же варианты встречаются в шорском диалекте хакасского языка: *түлгү-дің* 'лисицы' [Межекова, 1973, с. 58]; *акча-ды ~ акча-ны* 'деньги'; *пуза-ды ~ пуза-ны* 'теленка'.

Из-за расширения зоны алломорфов с шумным согласным в анлауте они постепенно выдвигаются в позицию основного варианта морфемы.

Шумные и сонорные согласные сочетаются друг с другом по определенным схемам, характеризующим как отдельные языки, так и типы языков. Для языка тюркских рунических памятников выделяются следующие закономерности: внутри односложной корневой морфемы возможно только сочетание сонорный + шумный: *alp* 'герой', *irg* 'гадание', *tört* 'четыре', *elt* 'тянуть'.

На морфемных швах допустимы сочетания: а) сонорный + шумный, причем основы, оканчивающиеся на *l, r, m, n*, по выражению А.Н. Кононова, «статистически наиболее часто сочетаются с глухими смычными *t, q, k*»: *olur-tim, jil-qa, ilim-kä, qan-tan* и т.д.; б) шумный + сонорный: *bäg-lär, баш-лыг, тут-мыс, ічік-мис* и т.д.

В древнетюркском внутри односложной корневой морфемы и на морфемных швах действовали разные правила сочетаемости шумных и сонорных, внутри основы только сонорный + шумный, на морфемных швах сонорный + шумный и шумный + сонорный. В большой группе современных тюркских языков, в том числе во всех тюркских языках Сибири, сформировался запрет на употребление сонорных после шумных, что отличает их от юго-западных тюркских языков (турецкого, азербайджанского, узбекского, кара-

чаево-балкарского), где этот тип сочетания сохраняется: тур. *ev-ler* 'дома', *sokak-lar* 'улицы', *çocu-lar* 'дети' и т.д.

В древнетюркском языке сочетания, построенные по принципу контраста: шумный глухой + шумный звонкий, шумный звонкий + шумный глухой, шумный + сонорный, — могли служить пограничными сигналами на морфемных швах, поддерживая четкую морфологическую организацию агглютинативного слова: *бу öd-kä olur-тым, талуи-ка кігіг мәг-мә-дім, Токуз әрсән-кә мәгі сүла-дім; ...Тәмір капыг-ка мәгі сүла-дім; бун-ча жір-кә мәгі жорыт-дым, өтүкән жыш-да; жорыт-маз... öl-mig, мод-сар, ө-мәз-сән, бөд-кә* и т.д.

Запрет на сочетания типа шумный + сонорный послужил одним из стимулов развития ассимиляции на морфемных швах. Вместо одновариантных аффиксов (по начальному согласному) *-lar, -lir, -ma, -maz* и т.д. возникают многовариантные: *-lar, -tar, -dar, -nar* и т.д.

Одним из результатов таких процессов стало изменение парадигматической иерархии грамматических показателей, имевших в древнетюркском языке в анлауте сонорный: как основной вариант аффикса стал восприниматься десоноризованный (деназализованный), например: хак. *сине-бе* 'не измеряй', тоф. *сен бар-ба* 'ты не уходи' и т.д. Ср. як. *аһаа-ма* 'не ешь', но *аһаа-бат* (отрицательная форма причастия прошедшего времени) и т.д. Этот процесс охватывает не только дву- и трехкомпонентные аффиксы, но и аффиксы, состоящие из одного согласного, например залоговые показатели, которые могут оказаться в постконсонантной позиции после выпадения узкого гласного при аффиксальном наращении, когда следующий аффикс начинается с широкого гласного: як. *ытын + ар > ыттар* 'взбирайся'. Такие изменения ведут к сильному «затемнению» морфологической структуры слова.

Построение сочетаний согласных по нисходящей звучности, когда сонорный всегда предшествует шумному, характерно не только для восточной группы тюркских языков, но также для бурятского, нгана-

санского, чукотского и т.д. Это дает возможность поставить вопрос об ареальном характере данного явления.

Соответствия гласных в тюркских языках Южной Сибири и в якутском

Соответствия гласных в якутском языке подробно рассмотрены в работах якутских диалектологов. Обобщающий анализ этого явления дан в работе С.А. Иванова. В данном разделе представлен краткий обзор соответствий гласных по материалам ДАТЯ СССР.

Фонетические соответствия — это результат развития явлений, общих для ряда тюркских языков, либо для одного из этих языков, либо для диалектов одного из них. Однако, совпадая внешне на данном синхронном срезе, они могут быть результатами различных фонетических процессов. В таком случае они имеют разные границы распространения.

1. По отражению твердо- и мягкорядных вариантов на территории распространения тюркских языков в Сибири выделяются три зоны.

В первую входят якутский и долганский языки. Она характеризуется:

1) отсутствием перехода твердорядных вариантов в мягкорядные в словах, включенных как примеры этого соответствия в Вопросник;

2) сохранением твердых вариантов, встречающихся в древних (преимущественно орхонских) памятниках, например *tol/til* 'язык', 'речь'. Твердорядные варианты отмечены в якутском, долганском, тувинском и тофском языках, в чалканском диалекте алтайского языка употребляются обе формы — *tol'/til'*. Остальные языки Сибирской зоны имеют только мягкорядный вариант. В древнетюркских памятниках встречаются оба варианта, но в орхонских текстах, в уйгурской надписи VIII в. из Внутренней Монголии оно дано в твердорядном варианте. Еще один пример: *jæn/suŋ* 'шерсть' — по материалам зоны твердорядный вариант представлен только в якутском 'длинная шерсть'. Более древний характер твердорядного варианта под-

тверждается материалами памятников и имеющимися однокоренными параллелями в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках;

3) наличием твердорядных вариантов, соответствующих мягкорядным вариантам древних памятников, но имеющих твердорядные соответствия в некоторых живых тюркских языках: *ögys/öqus* 'бык', як. *öqus*. Все древнетюркские памятники и большинство современных тюркских языков имеют мягкорядный вариант. Твердорядные варианты отмечены в диалектах турецкого, азербайджанского, кумыкского и узбекского языков: *оуз, окуз, огуз, ҳокиз*;

4) наличием твердорядных вариантов, не имеющих соответствий ни в древних, ни в живых тюркских языках (як. *uŋuɣ* 'кость' < др.-т. *söŋük* (ср. монг. письм. *čimügen* 'берцовая кость', 'мозг в костях', халх. *чөмөр* 'костный мозг', бур. *сэмэгэ(н)* 'полая трубчатая кость' > як. *sünjyöx* 'голень у скота')). Это позволяет предположить, что якутский язык, рано оказавшись в изоляции, не подчинился более поздней тенденции к опереднению и сохранил древнюю огласовку.

Вторая — нейтральная зона. В нее входят тувинский, шорский, диалекты алтайского и хакасского языков. Вокализм этих языков совпадает с исходным (за исходное принимается состояние, близкое к языку древнейших памятников, с учетом имеющихся реконструкций на тюркском уровне).

В третью зону входят тувинский, тофский языки, диалекты сибирских татар, чулымских тюрков. Кызыльский диалект хакасского языка характеризуется переходом твердорядных слов в мягкорядные. В этом изменении выделяются три фонетических процесса: комбинаторное изменение *a > ä*, отражение древнедиалектного соответствия *y/u*, умляут. Ареалы их, хотя и пересекаются, но полностью не совпадают (табл. 15).

II. Соответствие огубленных/неогубленных гласных также возникает в результате нескольких фонетических процессов. Лабиализация в диалектах сибирских татар произошла под влиянием татарского и, возможно, узбекского языков; лабиализация в ряде алтайских диалектов — под влиянием *-β-*: ср. бачат. тел.

Таблица 15

Соответствия твердо- и мягкорядных гласных

Слово	Исходный вариант	Язык сибирских татар	Язык бачатских телеутов	Чулымско-тюркский	Алтайский	Шорский	Хакаасский	Тувинский	Тофский	Долганский	Якутский
<i>сач</i>	+	+-	+	—	+	+-	+-	+	—	+	+
<i>санч</i>	+	+-	+	—	+	+	+-	+	—	+	+
<i>а:з</i>	+	+-	+	+	+	+	+	+	+	+	+
<i>быч-</i>	+(?)	+-	+	—	+-	+	+	+	+	+	+
<i>тыл</i>	+	—	—	—	+-	—	—	+	+	+	+
<i>йун</i>	+	—	—	—	—	—	—	—	—		+
<i>өгүз</i>	—(?)	—				—					+
<i>төк-</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+
<i>сүйек</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+

Примечание. + твердорядный; — мягкорядный.

pu:, тел., алтай-кижи *pu:r*, теленгит. *pə:r*, туба, чалкан. *pa:r*, кум. *paq(ə)ræ//paq(ə)ra*.

Еще один процесс, в результате которого возникли межъязыковые соответствия огубленных и неогубленных гласных, связан со становлением современной гармонии гласных. Древние асингармонические формы дают по Сибири два ареала: 1) якутский и долганский языки, где колебание употребления огубленных и неогубленных вариантов имеет диалектный характер; 2) остальные языки, где в словах, имевших в древнетюркском неогубленный гласный в первом слоге и огубленный — во втором, обычно употребляется неогубленный вариант (др.-т. *kičuq*, *bedük*, *qatun*, *qıuq*). Хотя встречаются и нарушения, имеющие комбинаторный характер (например, огубленные варианты *bödyk* в чулымском, диалектах языка сибирских татар, мрасском диалекте шорского). Слова, имевшие в первом слоге огубленный, а во втором — неогубленный, дали огубленный вариант (*bulut* 'облако', алт., шор., хак., тув. *pulut*, тоф. *bulut-* / як. *bölöt*, хак., (шор.) *pölöt*). В тюркских языках Сибири в этих словах гармония пошла по первому слогу, а для большей части диалектов Якутии — по второму.

Делабиализация губных гласных в односложных словах (на материале Вопросника [1969]) на территории Сибири отмечена только в кызыльском диалекте хакасского языка и диалектах сибирских татар. Ср. хак., шор. *pöt* 'бедро', сиб. тат. (чаты) *tip* 'дно'.

III. По характеру употребления долгих гласных, не объясняемых изменениями групп VCV и VC, в Сибири выделяются три ареала, отличающихся разными закономерностями употребления долгих гласных. **Первую** зону составляют якутский и долганский языки, где так называемая этимологическая долгота на каком-то этапе развития языка зависела не только от качества последующего согласного, но и от структуры слова: в двусложных словах долгота может быть не представлена, в то время как она отмечается в однокоренных односложных словах (ср. *aas* 'голод, голодный', но *aččyk* 'голодный'). Во **вторую** зону включены чулымско-тюркский язык, диалекты хакасско-

го, алтайского и шорского языков. В них долгота может появляться при морфологическом наращении в односложных словах и в двусложных, как правило, перед последующим гласным. В третью зону входит тувинский язык, в котором долгим гласным якутского языка соответствуют краткие нефарингализованные гласные.

IV. Колебания гласных по подъему — одна из сложных проблем в исторической фонетике тюркских языков.

В Вопросник «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» включено 17 слов на широко распространенные межъязыковые и междиалектные соответствия широких и узких гласных *a/ы, э/и, о/у, ö/ү*. Целью составителей Вопросника было выявить территориальное распределение параллелизма широких и узких гласных в корнях-основах и развитие двух типов *e*, существовавших в тюркских языках с древнейших времен. Хотя Вопросник строился с учетом как межъязыковых, так и междиалектных соответствий, собственно диалектные изменения широких и узких гласных в Атласе отражения не получили.

По материалам этого раздела тувинский, алтайский, шорский характеризуются как языки, сохраняющие особенности исконного вокализма (под исконным понимается состояние, характерное для наиболее древних памятников, и имеющиеся реконструкции на тюркском уровне), хотя соответствия широких и узких характерны для многих диалектов и говоров этих языков. Это еще раз подтверждает, что в одном соответствии могут совпадать результаты разных процессов, различающиеся по времени и лексическому охвату.

По материалам Атласа переход *o > y, y > o* наблюдается последовательно только по некоторым пунктам сибирских татар. Количественная характеристика (по реконструируемому архетипу) на географическое распространение широких и узких вариантов влияния не оказывает, кроме якутского **o: > Vу*. Переход *o > y, y > o* также проходит по диалектам сибирских татар, в хакасском отмечен переход *o > y*.

Какие-либо закономерности, связанные с переходом *a > ы, ы > a*, в ДАТЯ не прослеживаются. На это соответствие дано всего два слова: *агач/йыгач* 'дерево' и *табыш/тыас/да:ш* 'голос, шум'. В первом случае мы имеем дело скорее с историей слова, во втором чередование возникает в результате выпадения интервокального согласного.

Наиболее полно представлено соответствие *e/и*. Оно прослеживается по диалектам сибирских татар, хакасскому и якутскому языкам.

На территории Сибири, таким образом, выделяются четыре группы языков, характеризующиеся разными закономерностями проявления соответствий широких и узких гласных:

1. Диалекты сибирских татар, в которых под влиянием татарского языка наблюдается непоследовательный перелом гласных.

2. Хакасский язык (исключая шорский диалект и в какой-то мере кызыльский), где наблюдается переход широких мягкорядных в узкие (при сохранении широких твердорядных).

3. Якутский и долганский — общетюркским широким гласным могут соответствовать широкие, дифтонги и узкие. Наиболее последовательно это прослеживается на соответствии неогубленных гласных. При рассмотрении этого соответствия принимается бинарное деление: узкие/широкие. Узкими считаются гласные 1-й и 2-й ступеней подъема, все остальные рассматриваются как широкие.

1) *min/мен* 'я', гагауз. *b'æn/ben* ~ карач.-балк. *men*, ног. *men*, кум. *men*, аз. *men/mæn*, тат. (карагаши) *mæn*, чув. *ep'/ep'ε/jep*, туркм. *mæn/mæn*, узб. *men/mæn/man*, чул.-тюрк. *mæn*, алт. *mæn*, шор. *men*, хак. (кыз., шор. диал.) *mæn/мен*, тув. *mæn*, тоф. *m'en* ~ тат. *min*, башк. *min*, сиб. тат. (тоболо-иртышский и барабинский диалекты) *min*, хак. (качинский, бельтирский, сагайский) *m'In*, долг. *mIn*, як. *mIn* 'я'.

В рунических и уйгурских текстах гласный в этом слове, как правило, не обозначается, при чтении текстов он транскрибируется как *ä, e (~ é), e (e)*. При транскрипции древнетюркских текстов знак *e (e)* (*é* в

[Clauson, 1972]) употребляется в первых слогах слов, в тех случаях, где для памятников отмечено колебание в написании *e/i*, «*e* указывает на написание с “элифом” или “фатхой” или на пропуск гласного» [Древнетюркский словарь, с. XVIII]. Случаи написания этого местоимения с *-i-* в «Кудатку билик» приводятся В.В. Радловым в работе «Zur Geschichte der türkischen Vokalsystems»: *men* — употреблено на первых страницах 210 раз, *min* — 3 раза; А. Габен отмечает единичное написание *min*.

С.Е. Малов в словаре к «Памятникам древнетюркской письменности» дает *bän, män* и *min*, последний вариант с пометой «Юр.» — уйгурские юридические документы.

А.М. Щербак реконструкцию этого местоимения дает как *nän* (?).

2) гагауз. *s'æn/s'an/sen*, карач.-балк. *sen*, ног. *sen*, кумык. *sen*, аз. *sen/sæn*, тат. (диалект карагаши) *sen*, чув. *es/ese/jes*, туркм. *sæn/θen/sen*, узб. *sen/sæn/san*, кирг. *sen*, каз. *sen*, узб. *sen/sæn/san*, чул.-тюрк. *sæn*, алт. *sen*, шор. *sen*, хак. *sen/sen* (кыз., шор. диал.), тув. *sen*, тоф. *s'en*, долг. *en*, як. *en* ~ тат. *sin*, башк. *θin/hin*, сиб. тат. (тоб.-ирт.) *sin*, хак. *s'in* (качин., саг., бельтирский диал.). Вокализм этого слова отличается теми же особенностями, что и в *men*, за исключением якутского и долганского вариантов, где вместо *I* первого случая встречается *ε*, что, возможно, связано с изменением в этих языках первоначальной структуры слога (CVC > VC).

Обычное написание в памятниках — *e*, но встречается и *ε* (см. [Clauson, 1972, р. 331]) — сюда Клоусон включает и такие случаи, когда в рунических текстах употребляется *i* в косвенных падежах. Так, как пример употребления *ε* Клоусон предлагает *séni*: *Tov-ğacığ ölu:rteçi*. Ср. [Малов, 1959]: *sini Tobyaçuy ölurtäçi*. В уйгурских манихейских текстах — *sen*, в буддийских — *sen* (часто встречается написание без гласного — *sn*); *se:jn* и *se:niñ* [Bang, Gabain, 1929], М. Кашгарский — *sen*, в «Кутадгу билиг» — *sen*. В более поздних памятниках также употребляется *sen*. У Махмуда Кашгарского сказано, что «огузы, обитающие в пре-

делах Рума, сувары и кыпчаки *sen* пишут с фатхой при *сине*».

Единичные случаи написания с *i* отмечает Радлов (*min*). А.М. Щербак восстанавливает *cän* (?) на тех же основаниях, что и в местоимении 1-го лица.

Гипотеза о первичности *i* в личных местоимениях в плане сохранения более древней формы языками, имеющими *min, sin*, не рассматривается, так как закономерности в территориальном расположении вариантов с узкими и широкими явно говорят о вторичном характере *i* в этих языках, в которых переход *e > i* носит закономерный характер. Это татарский, хакасский, в какой-то степени якутский языки.

3) *eki/ikki* 'два', карач.-балк. *eki*, ног. *ekë*, кумык. *eki*, тат. (астраханские ногайцы, карагаши) *εke*, узб. *ejki/ekki/eki*, кирг. *ekI/ekki*, каз. *¹eki/éki*, к.-калп. *eki/¹eki*, сиб. тат. (чатский говор) *¹eki*, бачат. тел. *eki*, ап. *ekI/εkkI/eki* (тел., теленгит., туба, алтай-кижи, чалкан.) ~ гагауз. *ik'i/ik'k'i*, аз. *ihqi*, тат. *ike/i'ε/ik'ε*, башк. *ik'e/ikæy*, чув. *ik':e/ik'e*, туркм. *iki/ikki*, узб. *ikki/iekkI/iki*, сиб. тат. *ikI/ikkI/iki*, чул.-тюрк. *IqI/Iqe*, мрас. *iqI*, конд. *ijqI*, хак. *ḡkñ/Ikñ/Iqjkkñ/njkkñ/ijkkñ/Igkñ/ḡkkñ/igkñ*, тув. *iz'i/iji/ijji*, тоф. *ifi*, долг., як. *IkkI*, уйг. *j'kki*.

Э.В. Севортян начальной формой корневого гласного считал варьирующиеся гласные *e ~ ε*, второй из которых явился исходным пунктом для эволюции *e > i*. Тот же гласный восстанавливается и в первых двух примерах, но это слово имеет иные территориальные закономерности и в живых, и в древних языках. Если в памятниках отмечаются лишь единичные (и иногда спорные) случаи употребления с *i*, то со словом *eki* другая ситуация — *e* встречается в немногочисленных старых памятниках Тоныюкуку, Кюль-Тегину, Гадательной книге (пропуск знака). В енисейских текстах И.А. Батманов включил соответствие *э/и* в словах *эль/иль* 'государство', *бир/бер* 'давай', *бис/беш* 'пять', *ики/эки* 'два' в число классификационных признаков, круг памятников с чередованием *e/i* в слове *эль/иль*: памятники с *e* — 16, 42, 21 — написание без первого гласного; памятники 29, 31, 43 — с *i*, особое написа-

ние гласного в памятнике 49 (первый памятник из Тувы) через особый знак, совпадающий со знаком, обозначающим носовой *j* в больших памятниках. Этот знак В. Томсен считал специальным знаком для закрытого *e*, в «Древнетюркском словаре» [1969, с. XV] для него предложено написание — *ę*, С.Е. Малов читал его как *ä* и как *i*. Ср. памятник с р. Тэле (с. 83) — *älim* ‘мой эль’, для *äkišim* (первый гласный передается через знак для носового *j*) ‘мои копи (шахты)’.

Наличие *i* преимущественно в кыпчакских языках позволяет предположить для татарского и башкирского переход *e* > *i*, а в диалектах алтайского *i* — результат более сильной кыпчакизации, так как поле тяготения центральной кыпчакской зоны здесь сказывается сильнее. Узкий гласный в других языках может возникнуть под влиянием: 1) качества исходного гласного *e*; 2) *i* второго слога; 3) структурной перестройки слова — возможно, что *k* было изначально двойным (см. [Clauson, 1972, р. 100–101]).

5) *беш/биш* ‘пять’, гагауз. *b'eſ'*, карач.-балк. *b'eſ'*, ног. *bes*, кумык. *beſ'*, аз. *beſ'*, тат. (нукрат.) *beſ'* (/bif/), (карагаши) *b'eſ'*, туркм. *b'eſ' / b'eſ'*, к.-калп. *bes*, узб. *beſ' / beſ' / beſ'*, кирг. *beſ'*, каз. *bes / beſ'*, уйг. *bæſ'*, сиб. тат. *peſ'* (бараб. диал., чатский говор томского диалекта, калмакский говор томского диалекта), бачат. тел. *peſ'*, чул.-тюрк. *pæſ'* (чул. (ср.)), *peſ'* (чул. (н)), алт. *peſ' / peſ'*, шор. *peſ'*, хак. *pēs* (кыз.), *peſ'* (шор.), тув. *peſ'*, тоф. *b'eſ'*, долг. *b'ēs*, як. *b'ies* ~ тат. *bif*, башк. *bif*, чув. *p'ilek / p'il'ek*, сиб. тат. (тоб.-ирт., зуштинский говор томского диалекта) *pif*, хак. *p'is / p'if / bis*.

Территориальное распределение вариантов с узкими гласными совпадает с 1-м и 2-м примерами. Отличаются данные якутского и долганского языков, где отмечаются соответственно дифтонг и дифтонгоид. В рунических текстах обычно написание с пропуском знака для гласного, т.е. *e* (*ē*). Г. Клоусон указывает на случаи написания с *é* — 49-я строка памятника Тоньюкуку, один случай в памятнике Бильге Кагану и 17-ю строку памятника Кули-Чуру [ibid., р. 376] (у С.Е. Малова в тексте памятников Тоньюкуку и Кули-Чуру — написание без знака для гласного).

Для уйгурских памятников Клоусон дает транскрипцию через *é*, С.Е. Малов [1951, с. 372] в Словаре дает только *bīš* ([Thomson, Steins, p. 103], Suv., с. 13, 615, Chuast., с. 32, 136, Rbγ, с. 112, Qaš, с. 7, KT, с. 18) — т.е. написание через *i*. С особым знаком для *e* слово встречается в памятнике из Кежлиг-хобу (45).

В некоторых позднейших текстах встречается написание с долгим гласным — *be:š* [Махмуд Кошгарий, 1960].

В уйгурской рукописи «Кудатку билик» (с. 2–80) В.В. Радлов отметил одно написание через *e* и одно с *i* (ропись по памятникам см. [Clauson, 1972, р. 776; Севортян, 1974, т. 2, с. 126]).

Этимологическую долготу для пратюркской формы восстанавливают многие: **bāš* [Räsänen, 1969], *bēš* [Dörfer, 1971], т.е. *e/i* исследователи объясняют характером исходного звука *e* (*é*), как и в предыдущих случаях, но первичная долгота здесь предполагается большинством лингвистов.

6) *геч/кеч* — *гич/кич*... ‘вечер, поздно’, гагауз. *q'et'ſ'*, карач.-балк. *ket'ſ' / ket's*, ног. *keſ'*, кумык. *qeh'ſ'*, аз. *hedz / hez*, тат. (нукрат.) *keſ' / kiſ'*, (юртовские татары) *keſ'*, чув. *kaf'*, бачат. тел. *kēhç*, туркм. *qet'ſ'* (нохурский, хасарский, кырачский), кирг. *qeh'ſ' / keh'ſ'*, алт. (тел., кум., чалкан.) *kep'h'ſ' / keſ'*, конд. *kehçe*, мрас. *kedze*, хак. (шор.) *keh'ſ'e*, (кыз.) *keze*: ‘вчера’, *keſ'* ‘вечер’, тув. *keze / xehze*, тоф. *keh'z'e*, долг. *k'eh'e*, як. *kēh'e*, тат. *k'its / kis / kiſ' / kit'ſ'*, башк. *k'is*, туркм. (геокленский, човдурский, емудский, эрсаринский, сарыкский) *qit'ſ'*, (текинский) *qit'ſ'*.

Территориальное распределение вариантов отличается от предыдущего *a* в чувашском и появлением долгого узкого (в текинском диалекте краткого) *i* в туркменском. В чувашском *a* могут совпадать тюркские *ä* и *ā*: *кас' < kāč* ‘вечер’, *ак < āk* ‘сеять’ [Щербак, 1970, с. 154]. Появление туркменского *i:/i* объясняется также тем, что в праформе был долгий, который в туркменском дает *ī* и очень редко *ā* [Там же, с. 134]. В рунических памятниках слово не отмечено, в уйгурских — встречается написание и через *e*, и через *i*; иногда в одном и том же памятнике, ср. *kič*

(Suv., с. 612) и *kāš* (Suv., с. 138) [Малов, 1951, с. 440], *kīčā* 'ночь и день' (QBQ) и *kācā* 'поздно' (QBN, с. 46); *кеч* 'поздний, поздно', но *kāčā* 'вечер, ночь' в лексике Среднеазиатского Тефсира.

На основании того, что существуют древние формы с *e* и *u*, корневой гласный восстанавливается в «Этимологическом словаре тюркских языков» как *ke:r* [Севортян, 1974, т. 2, с. 50], М. Рясняном [1969] как *kāč* и *keč*, М.М. Шербаком [1970б, с. 195] — как *kāč*, Г. Дерфером [1971, с. 297] как *kāč(ä)*.

7) *e:p/ep... ~ u:p/up... ~ epme...* 'рано, утро, завтра', карач.-балк. *ert:e*, ног. *erte*, кумык. *erte*, аз. *ertæ/er/erhçæn/ærtæ*, тат. (нукрат.) *ertæ//irtæ*, (карагаши) *erte*, кырач. *ε:r*, узб. *εjrtæ/ertæ/erta/ettæ/e:rtæ*, кирг. *erte/erten/ertege*, уйг. *æ:rtæ/æ:ti,qæ:n*, сиб. тат. (бараб., томский диал.) *erte/ærtæ*, бачат. тел. *erte/erten*, чул.-тюрк. (чул. (н)) *ærtæ*, (чул. (сп.)) *ε:rt:ε*, алт. (туба, теленгит.) *erte*, (тел., алтай-кижи, чалкан.) *erten*, шор. *erte/erten*, хак. (шор.) *erte*, (кыз.) *erte*, тув. *ert:e*, *ert:en*, тоф. *erte*, долг. *erde*, як. *erde ~ гагауз. 'er'k'en/'er'k'en'*, к.-калп. *εjrtæ//erte*, узб. *iejrtæ* (с. Шерабад), каз. *εjrtæ ~ тат. irtæ/jertæ*, башк. *irtæ*, чув. *ir'*, туркм. *i:r*, сиб. тат. (тоб.-ирт.) *irtæ*, алт. (кум.) *ir'te*, хак. *irte*.

Территориальная характеристика распределения широких и узких вариантов близка к предыдущим, но так как в данном случае рассматриваемый гласный находится в абсолютном начале слова, наблюдаются следующие отличия — появление дифтонгоидов в гагаузском, каракалпакском, узбекском, казахском языках, в трех пунктах (*ikki*) дифтонгоиды были отмечены в каракалпакском, казахском, узбекском, но в гагаузском им соответствует узкий гласный, не отмечалось появления протетического *j* в татарском. В якутском в отличие от вышерассмотренных вариантов выступает широкий гласный — *erde*, но основное ядро языков с узкими гласными то же — татарский, башкирский, тоболо-иртышский диалект сибирских татар, диалекты хакасского (кроме шорского и кызыльского) и туркменский язык.

В первую очередь напрашивается вывод о том, что якутский *i* и татарский, башкирский, хакасский *i* совпадают только на последнем этапе различных фо-

нетических процессов: як. *i* (в рассматриваемых словах) < др.-т. *e*, *ie* < *e:*, а татарский и башкирский *i* появляются в результате закономерного перелома гласных, включающего *e > i*. Но большие колебания в употреблении корневых *e*, *i* в башкирском и татарском языках не исключают возможной общности *e > i* во всех исследуемых языках.

Указанные соответствия возникают в результате фонетических процессов, которые выходят за пределы изменений фонетических систем, но некоторые другие фонетические преобразования (ассимиляция, упрощение геминат, выпадение звуков) приводят к изменению единиц других уровней. Так, фонетические процессы, происходящие при присоединении падежных аффиксов в некоторых тюркских языках Сибири, приводят к изменению как аффиксальных, так и корневых морфем, что в итоге может повлечь за собой изменение типа склонения.

По характеру соответствия гласных якутский язык противостоит другим тюркским языкам, сохраняя ряд архаичных черт.

Глава 3

ДАННЫЕ МОРФОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СИБИРИ

В данной главе выявляются грамматические формы, релевантные для этноклассификационной характеристики тюркских языков Сибири; описывается место этих форм в конкретных грамматических системах; определяются инновационные процессы в сфере грамматики, разводящие якутский язык и тюркские языки Южной Сибири.

Древнетюркские формы в сибирском ареале

При использовании данных морфологии для этнолингвистической классификации первым уровнем сопоставления является субстантивный, т.е. наличие/от-

существование в конкретном языке форм, различающих тюркские языковые типы. Следующий уровень — структурный, когда учитывается и наличие формы, и ее функция, и место в грамматической подсистеме. Наконец, необходимо обратить внимание на динамику морфологических подсистем — общая направленность изменений, общие закономерности развития могут сохраняться даже при различии субстантивной базы и структуры описываемой подсистемы.

Соответственно первая задача исследования — составление списка форм, релевантных для классификации сибирских тюркских языков: это формы, образующие общесибирские изоглоссы, и формы, маркированные отнесенностью к одному из древних тюркских языков. В работе рассматриваются преимущественно глагольные формы, так как изменения в системе глагола протекают быстрее, чем изменения, связанные с именными парадигмами [Кормушин, 1984].

Как было показано в гл. 1, в области глагольной морфологии общесибирскую изоглоссу образует причастие на *-a* или *~ -галак*, второй общесибирской формой можно считать форму *-аччу ~ -оччу*, третья изоглосса, которую можно назвать южно-сибирской, формируется аналитической конструкцией со вспомогательным глаголом *id-*. В языках Южной Сибири он стал основой аналитической формы *T-n + ыт-/ыс-/ый-*, которая из форм с семантикой способа глагольного действия смещается в зону видовых форм.

Эти три формы можно рассматривать как инновационные, возникшие в сибирских языках как в особом ареале.

Формы на *-duq* и *-juq*

Другой объект анализа — сохранение древних (зафиксированных в тюркских языках VIII—XI вв.) глагольных форм и явлений. Как таковые могут рассматриваться причастные формы на *-duq*, *-juq*, *-gu*, *-mɛʃ* и ряд других [Убрятова, 1976, кн. 1, с. 88—89]. Сравнение предполагает два параметра: наличие формы и ее место в системе.

Как общесибирскую можно выделить изоглоссу «наличие формы на *-gu* в свободном или связанном виде в системе глагола». Сибирский ареал является частью более обширного ареала этого типа. В него входят язык желтых уйгуров, узбекский, мишарский диалект татарского языка и др. Этот ареал разбивается на два субареала: в первом форма на *-gu* является одной из основных форм будущего времени (якутский, узбекский, желтоуйгурский), во втором форма существует только в «связанном» виде — в составе аналитической (татарский) или причастно-падежной формы (в данном случае форма на *deg* включается в систему падежных форм) в тюркских языках Южной Сибири.

На уровне древнейших текстов как этнически маркированные выступают причастия на *-duq* и *-juq*; первое связано с орхонскими тестами, второе — с уйгурскими. Для более древнего периода развития тюркских языков реконструируется полифункциональное причастие на *-duq*. Уже в первых письменных памятниках оно выступает как функционально ограниченное: в финитной позиции оно употребляется преимущественно в отрицательной форме, а в положительной — только в функции зависимого сказуемого с падежными аффиксами. Даже в памятниках, близких по языку, как памятники из Монголии, форма на *-duq* имеет разную функциональную нагрузку: в памятнике Тоньюкуку оно встречается в определительной функции. В современных огузских языках, где эта форма преимущественно сохраняется, ее определяют как глагольное имя. В якутском языке она образует форму условного наклонения и одну из форм должностного наклонения, но может выступать и как финитная в значении прошедшего времени [Коркина, 1970, с. 171—193, 262—284].

Причастие на *-дык ~ -дук*, часто встречающееся в письменных памятниках, является отличительной особенностью языков огузской группы, в гагаузском, турецком и туркменском оно употребляется преимущественно с отрицанием или только с ним [Щербак, 1977, с. 169—170].

В раннем развитии тюркских языков причастие на -дук было многофункциональным. Одну из его функций составляло употребление в значении прошедшего времени изъявительного наклонения. Однако к письменному периоду развития тюркских языков данная функция была очень ограничена. Она отмечена в памятниках Кюль-Тегину, Моюн-Чуру, Онгинском, «Ырк битиг», «Кутадгу билиг», «Дивану лугат ит-турк», Тефсир [Шукуров, 1974].

Махмуд Кашгарский указывает на специфическое употребление аффиксов -дук. В языке некоторых племен они служили для обозначения всех лиц единственного и множественного числа [Махмуд Кошгарий, 1960, т. 2, с. 65]: *ол ја қурдук* 'он наложил стрелу на тетиву лука', *олар такга агдук* 'они поднялись на гору', *биз кэлдук* 'мы пришли', *мэн мунда турдук* 'я стоял здесь', *биз кэлдук* 'мы пришли'.

В Тефсире 1-е л. мн. ч. образовывалось с помощью -миз (*кылдук-миз*), в 3-м лице прибавлялся глагол состояния *турур*.

Прошедшее на -дук соответствует значению прошедшего на -ды, отмечены случаи соответствия перфекту на -мыш. В языке орхонских памятников В.М. Насилов описал три функции для этой формы:

1. Выражает атрибутивные признаки определяемого им слова.

Бардук йирдээдгүг ол эринч 'В той стране, куда ты ходил, таково было твоё добро (счастье)'; *Йандук йолта йэмэ өлти күк* 'На обратном пути так же возможно погибли'.

2. Принимая аффиксы падежей, аффикс принадлежности и выступая в сочетании с послелогами, это глагольное имя со всей системой зависящих от него компонентов образует подчиненные развитые члены предложения в системе сложного предложения. Субстантивированный компонент является в этом случае как бы потенциальным сказуемым:

дук + мест.-исх. пад. > обстоятельство времени или причины;

дук + вин. пад. > эквивалент придаточного дополнительного предложения;

дук + напр. пад. -галы > эквивалент придаточного цели;

дук + учун > обстоятельственный эквивалент предложения.

3. Предикативная функция: наиболее часто в Гадательной книге, всегда (во всех приводимых примерах) в отрицательной форме.

В уйгурских памятниках она выступает чаще всего в различных падежных формах и образует предикативные компоненты развитых членов предложения. Встречаются определительные компоненты, выражающие атрибутивные признаки объекта действия: «*Бу барс нэгу йийүр, ашадықы ашы нэгу ол*» тип айыты 'Он сказал: «Эта тигрица чем питается, пища, которую она ест, какая она»'. В этом примере определение выступает с аффиксом принадлежности, относящимся к субъекту действия *ашадак-ы*. Можно предположить, что из подобных прототипов определения возникло и развилось определение из глагольных имен на -*диқ*, *асак* в турецком языке, всегда содержащих аффикс принадлежности, который выражает субъект действия [Насилов, 1963, с. 45—71].

-Дук употребляется с послелогами, выражая различные обстоятельственные категории. Но встречаются редкие примеры употребления этого глагольного имени и в предикативной позиции, обычно в отрицательной форме.

В.М. Насилов предполагает, что в функции конечного сказуемого форму на -дук вытеснила форма на -мыш [Там же, с. 56].

В древнеуйгурском памятнике «Алтун жарук» в числе глагольных форм дана только форма на -*жук* в функции обстоятельственной конструкции и в финитной (отрицательная форма) [Тенишев, 1953, с. 14].

Д.М. Насилов, анализируя форму на -*жук*, указал на её специфическое употребление в текстах. Как *verbum finitum* она в памятниках уйгурского письма встречается исключительно в прямой речи; употребление её в авторской речи не отмечено. Такая ограниченная сфера говорит, очевидно, о том, что форма на -*жук*

либо обладала совершенно особым видовременным значением по сравнению с другими формами времени, либо имела яркую модальную окраску, которая соответствовала и реализовывалась только в прямой речи. Анализ показал, что по своему общему временному значению данная форма является формой прошедшего времени.

На основании имеющегося материала автор заключил, что прошедшее время на *-juk*, с одной стороны, выражало известную категоричность совершения действия, подчеркивало его важность, особенность, яркость; с другой — указывало на исчерпанность, полноту этого действия, что и выдвигало его на особое место. Всем этим объяснялась специфика функционирования времени на *-juk* только в прямой речи. Тогда данная форма соотносилась с прошедшим временем на *-ды* (по модальному признаку) как прошедшее конкретное (эмфатическое), а с прошедшим на *-мыш* — как обычное прошедшее (т.е. не перфект) [Насилов, 1963, с. 12—31].

Примечательно, что в якутском языке форма на *-тах* (предположительное наклонение) может употребляться в значении, близком к значению прошедшего категорического времени на *-да* или даже совпадающем с ним, но только осложненном дополнительным эмоционально-модальным оттенком. Такое ее употребление особенно заметно в фольклорных произведениях (прежде всего олонхо), а также в языке якутских писателей старшего поколения, а спорадически — и в современном якутском языке.

Примеры: *Орто дойдуга обо төрөөмүн, аал уот баһын билбэтим. Эрэй диэни эһэрдэстэбим, буруй диэни муһнастабым* 'Родившись младенцем, не познал я на белом свете (буквально) уютного очага. Со страданием спутничал ведь я, с мучениями боролся ведь я'; *Ону көрөн баран ол дойду улуу удабаһа аймана түстэбэ, айдаарбытынан бардаба* 'Увидев это, великая удаганка той страны сразу заволновалась, зашумела, конечно'; *Бу олодохпунуна, бу добоор, хайа эрэ диэжкиттэн дьахтар кыланнаба* 'Когда вот так сидели (что бы ты думал), дружище, с какой-то стороны

вдруг женщина пронзительно вскрикнула ведь!' и т.д. [Коркина, 1970, с. 271—273].

В приведенных примерах форма на *-тах* совершенно не содержит оттенка предположительности. Наоборот, она несет оттенок явного утверждения совершенности действия до момента речи, т.е. здесь она выполняет функцию прошедшего категорического времени на *-та*, правда, сопровождаясь при этом в зависимости от контекста различными дополнительными эмоционально-модальными оттенками. Последние могут отражать восхищение, восторг, удовлетворение, утверждение, удивление, недовольство, досаду, возмущение говорящего лица по поводу совершенного действия.

Об использовании формы на *-тах* в аналогичных случаях в заместительной функции вместо формы прошедшего на *-да* косвенно свидетельствует и их смешанное, одновременное употребление в широких контекстах [Там же].

Якутский сохраняет такие функциональные особенности данной формы, какие были характерны для тюркских языков в более ранний период — «до-орхонский». А в орхонских памятниках более свободное употребление *-duq* свойственно памятнику Тоньюкуку, в котором наблюдаются и другие специфические черты, сближающие его с якутским — например, отсутствие шипящего проточного *ш*.

Следы существования этой формы в финитной функции сохраняет и тувинский язык. Конструкции условно-сослагательного наклонения в тувинском образуют следующие модели: 1) Т-за + Т-ар ийик (арык), Т-бас ийик(-базык); 2) Т-за/-зе + Т-кай эртик, Т-за + Т-багай эртик. В этих конструкциях вспомогательный глагол принимает показатели прошедшего времени *-йик* < др.-т. *-juq* и *-тик* < др.-т. *-duq*.

В якутском языке это одна из центральных системобразующих форм глагола, а в тувинском она уже не воспринимается как глагольная форма, второй компонент аналитической конструкции считается частицей. Древние формы, сохраняющиеся в якутском языке, в тувинском вытеснены, перекрыты другими,

что указывает на то, что здесь имел место процесс ретюркизации. В этом процессе важную роль играл древнеуйгурский язык, с которым связано появление в тувинском языке причастия на *-juq*, сохранившегося в хакасском (*-чых*), тувинском (*-чых*) и тофском (*-чжык*) языках. Также соотносятся в якутском, тувинском и тофском языках формы, восходящие к причастию на *tiš*: в якутском это полифункциональная форма причастия, а в тувинском и тофском — вторичные формы.

Структура временных парадигм как классификационный признак

Другим аспектом сопоставления является структурный уровень: сопоставление отношений глагольных форм в рамках временных полей. Вводя понятие поля как «определенным образом организованное соотношение центральных и периферийных структур», мы предполагаем рассмотреть отношение только ядерных форм в том разрезе, в котором оно имеет значение для сопоставительного и исторического исследования.

А.М. Щербак [1981, с. 94] восстанавливал для праязыкового состояния тюркских языков следующую систему временных глагольных форм изъявительного наклонения:

а) собственно глагольные формы:

— форма прошедшего времени (претерит) — **-tiy ~ diy*;

— форма настоящего времени на **-a*;

— форма будущего времени на **-ka(j) ~ ɣa(j)*;

б) «вневременные» формы:

— форма неограниченного во времени действия (аорист) — **-(a)r*;

— форма неограниченного во времени состояния (перфект) — **-kan ~ ɣan* и **nyš ~ ɣyš ~ ɣyš*.

Б.А. Серебrenников [1961, с. 226] предлагал несколько другую схему:

— настоящее-будущее на *-r*;

— настоящее без показателя;

— прошедшее на *-dy ~ -di*;

— прошедшее на *-дык (-дик, -дук, дүк)*.

На более поздней ступени, после распада единого праязыка, Серебrenников вводит и форму прошедшего результативного. Но и в том, и в другом случае «...весь ход последующего развития заключался в постепенном усложнении системы за счет образования новых форм, передававших модальные и видовые оттенки: настоящего конкретного, будущего категорического, прошедшего повествовательного неочевидного» (А.М. Щербак).

В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» [1988] для позднепратюркского реконструируются претерит на **-dy*, презенс на **-r* и **-a*, перфекты на **-yb* и **-an*.

Возможность передавать любое значение в любом языке формируется первоначально на лексическом уровне, и только потом важнейшие из значений постепенно перерастают в морфологические, грамматические. А. Вежбицкая образно назвала грамматику областью привилегированных значений. На грамматическом уровне путем естественного, логически закономерного отбора кодируются только наиболее существенные с точки зрения языка смыслы, поэтому характер оппозиции между формами, в которой проявляются «привилегированные значения», является важным историческим источником.

Структура поля настоящего времени. Якутский противостоит другим южно-сибирским языкам тем, что в поле настоящего времени он имеет одну синтетическую форму с показателем *-a* для 1-го и 2-го лица и *-ar* для 3-го лица, тогда как южно-сибирские языки развили здесь оппозицию между настоящим общим и настоящим данного момента.

Якутский язык один из немногих тюркских языков сохранил для обозначения настоящего времени древнюю причастную форму на *-a*. Поговорим об отнесенности этой формы к древнетюркской причастной форме либо на *-a*, либо на *-ar*, так как парадигма настоящего времени в якутском языке смешанная:

1-е и 2-е лица имеют показатель на *-a*, 3-е — показатель на *-ap*. Ближайшим аналогом якутского языка по способу передачи значения настоящего времени оказывается татарский язык [Тумашева, 1986, с. 30—34]. В татарском литературном языке также представлена одна форма настоящего времени с показателем *-a* во всех трех лицах. Но татарский язык территориально примыкает к ареалу, где распространен показатель настоящего времени *-a* в значении настоящего общего. В этом ареале встречаются смешанные парадигмы, где в 3-м лице вместо показателя на *-a* отмечаются показатели на *-at* или *-ady*. Возникает вопрос: не является ли показатель на *-a* в татарском языке и в других языках центрального ареала последним этапом стяжения аналитической конструкции аспектуального типа *-a тур-*. Тогда можно предположить, что именно в 3-м лице сохранился полный вариант этой синтезированной формы.

Существует и другая точка зрения на происхождение показателя *-at*, где он появляется не только в 3-м лице. Н.З. Гаджиева считала, что компонент *-ды*, или *-ады*, связан по своему происхождению с показателем предикативности, который в некоторых тюркских языках присутствует в 3-м лице, а на другие лица распространился по аналогии. Исходя из тех закономерностей образования вторичных синтетических форм, которые наблюдаются в тюркских языках Южной Сибири, более вероятной кажется первая точка зрения, так как в сибирских тюркских языках процессы образования формы настоящего времени на базе аспектуальных форм — это очень активные и живые преобразования. В тюркских языках Южной Сибири можно выделить по крайней мере три процесса передвижения аспектуальных форм в поле настоящего времени:

1. Аспектуальная конструкция *-a + тур-* с показателем времени на гласный, как правило узкий.

2. Синтезированный вариант этой конструкции, сохранившийся в тофском языке: *-адыры*. В тофском языке как живая присутствует и форма настоящего времени с показателем на узкий гласный [Рассадин,

1978, с. 35]. В алтайском языке этот показатель сохраняется только с бытийными глаголами, в хакасском он, как правило, выпадает.

Форма *-адыры* присутствует во всех южно-сибирских тюркских языках: алтайском, шорском, тувинском, тофском, хакасском, но ее место в системах этих языков уже различается. Она либо уходит на периферию временной системы, постепенно утрачиваясь, исчезая из языка (этот процесс наблюдается в алтайском и шорском разговорном языках, где сочетаемость этой формы с глаголами очень ограничена), либо, сохраняясь в языке, теряет свой статус центральной формы настоящего расширенного (в хакасском языке). В тофском языке В.И. Рассадина указывает на две совершенно различные составляющие этой формы. Первая — со значением настоящего общего времени и вторая — с особым модальным значением, которое позволило авторам тувинской грамматики назвать эту форму настоящим «заглазным» временем. Такой термин был предложен Д.А. Монгушем, который уже в самом названии этой формы старался подчеркнуть отличие значения тувинской формы от соответствующих форм в хакасском и казахском языках [Грамматика тувинского языка, 1961, с. 383]. Семантическая неопределенность этого показателя в тувинском языке заключается в том, что о «заглазности» действия относительно этой формы можно говорить лишь условно, «имея в виду именно тот случай, когда говорящий судит о происходящем не на глаз, а на слух... заглазность в обычном смысле здесь исключена: во всех случаях говорящий либо присутствует при совершении действия — 2-е и 3-е л. ед. ч., либо сам его совершает — 1-е л. ед. ч.».

3. Вторая синтезированная форма, которая также может быть возведена к конструкции аспектуального типа *-a тур-*, — форма настоящего времени на *-aat* в алтайском языке. Н.П. Дыренкова определяла ее как настоящее общее, Н.А. Баскаков сдвигает ее в план будущего. В учебных грамматиках эта форма считается центральной формой настоящего времени в алтайском языке со значением настоящего общего и на-

стоящего расширенного времени. В разговорной речи алтайцев она все чаще вытесняется формой, также восходящей к конструкции аспектуального типа, но уже с другим деепричастным показателем и другим вспомогательным глаголом *-ып чат-*.

Как раз эта конструкция с показателем деепричастия на *-ып чат-* — это третья базовая форма образования настоящего времени в тюркских языках Южной Сибири. Образовалась она как форма настоящего данного момента, противопоставляясь по этому основанию формам на *-адыры* и *-ат*, которые приобрели значение настоящего общего и настоящего расширенного. Но в хакасском и шорском языках синтетический показатель, аффикс, образовавшийся при стяжении этой конструкции, сместился в центр поля настоящего времени, став его главным показателем со значением настоящего общего времени. А позицию настоящего данного момента стали занимать аналитические конструкции *-ып* + вспомогательные бытийные глаголы.

Экспансия форм настоящего времени, возводимых к вспомогательному глаголу *чат-*, не затронула тувинский и тофский языки, где базой настоящего времени продолжают оставаться аналитические конструкции на *-ып + тур-* с нулевым показателем настоящего времени или с показателем на *-ар*, которые противопоставляются как показатели настоящего общего и показатели настоящего данного момента.

Уже в древнетюркском языке глагол *тур-* вошел в систему вспомогательных глаголов, занимая третье место по частотности после глаголов *э-* и *бол-*. Конструкции такого типа есть и в якутском языке — это форма на *-ан турар*, которая омонимична так называемому третьему перфекту. Но в якутском она еще не вошла в систему собственных временных показателей [Харитонов, 1960, с. 62—65].

Якутский в этом отношении противопоставлен всем южно-сибирским тюркским языкам, сближаясь в каком-то смысле с тофским, где сохранился синтетический показатель настоящего времени. Проблема, возникающая в якутском языке при анализе этой

формы, заключается в решении вопроса: сохранил ли якутский язык древний показатель настоящего времени или в якутском языке *-а* происходит из *-ар* — формы древнетюркского аориста, в котором выпал конечный сонорный согласный.

Е.И. Убрятова считала парадигму настоящего времени смешанной, что вообще-то очень типично для тюркских языков, и привела доказательства существования в якутском древнего причастия на *-а*, которое сохранилось здесь только в одной функции — финитной.

Вторая точка зрения принадлежит Е.И. Коркиной, которая, опираясь на закономерность, присущую многим тюркским языкам, — выпадение сонорных в финитной позиции, — считает, что в якутском языке форма на *-а* может быть возведена к форме на *-ар*.

Здесь хотелось бы остановиться как раз на этой фонетической закономерности — выпадении сонорных *р* и *л* в тюркских языках Сибири. Этот процесс характерен для многих языков. Н.К. Дмитриев, описывая его, использовал материалы туркменского, башкирского и др. Но наиболее последовательно выпадение *р* и *л* представлено в языках уйгурского круга [Дмитриев, 1955, с. 279]. В сибирских языках это явление наблюдается в диалектах хакасского и в тувинском, где выпадение *р* совершенно закономерно происходит в интервокальной позиции: *кээр* вместо *келир*, *бээр* вместо *берир* [Грамматика тувинского языка, 1961, с. 39].

Особенно интересно проследить эти изменения на материалах хакасского языка, так как в некоторых говорах появляется показатель будущего времени на гласный, который, скорее всего, восходит к показателю на *-ар*. Так, в бельтирском говоре сагайского диалекта вместо формы на *-ар* употребляется только форма на *-а/-е/-и* (ДАТЯ).

Некоторые сомнения в том, что форма восходит только к показателю на *-ар*, вызывают его отрицательные формы (*-а чок*). Конечно, асимметрия положительных и отрицательных форм в тюркских языках — почти закон, но появление вместо отрицательных форм

-бат (от -ар), особых отрицательных форм а чок заставляет задуматься о том, что, возможно, в хакасском языке сохранились по крайней мере следы формы на -а в значении будущего, будущего желательного. Эти формы с такой семантикой представлены в современных диалектах узбекского и уйгурского языков.

Таким образом, по структуре поля настоящего времени якутский оказывается ближе всего к татарскому — языку кыпчакскому. Но в то же время такую же предельно простую систему настоящего времени имеет и язык орхонских текстов. Следовательно, якутский язык оказался в изоляции до того, как в систему временных форм стали активно втягиваться аспектуально-временные конструкции. Сходство якутского и татарского языков объясняется параллельным развитием, случайным схождением, а также тем, что в кыпчакских языках сохранились многие черты, присущие древнетюркскому языку. В гл. 2 уже приходилось обращаться к тезису о том, что якутско-кыпчакским параллелям, как правило, соответствует наличие той же формы или наличие той же тенденции в языке древних памятников.

Структура поля будущего времени. Парадигма будущего времени в якутском языке тоже имеет смешанный характер: форма на -*ya* для единственного числа, форма на -*yaх* — для множественного числа. Возникает тот же вопрос, что и при анализе форм настоящего времени: является ли форма на -*ya* упрощенной формой, восходящей к форме на -*yaх*, либо это две различные формы, объединенные в рамках одной парадигмы. Подробный анализ истории изучения этих показателей и сводку различных точек зрения на происхождение этих форм сделала Е.И. Коркина [1970, с. 52—61]. В том числе она рассмотрела и позицию Е.И. Убрятовой, которая склонялась к тому, что формы якутского будущего времени восходят к разным показателям. Подробно историей, семантикой, парадигматикой этого причастия занимался Г.Г. Филиппов [1996].

Разделяя позицию Е.И. Убрятовой и Г.Г. Филиппова, в форме на -*ya* мы видим рефлекс древнего

причастия на -*gi*, а в форме на -*yaх* — показатель отглагольного имени на -*gak*, который в других функциях отмечается в языке Codex Cumanicus, карахидском, османском и современном уйгурском (РНТГ, с. 466). Г.Г. Филиппов сопоставляет якутскую форму на -*yaх* с показателем -*gok* в чулымско-тюркском языке. Этот показатель был выявлен А.П. Дульзоном как форма будущего времени. Р.М. Бирюкович [1981, с. 57—62] в своих исследованиях, проводимых преимущественно у представителей среднечулымского диалекта, эту форму уже не обнаружила. Отыменный причастный характер формы на -*yaх* хорошо объясняет различия в семантике между формами на -*ya* и -*yaх*, на которых останавливается Г.Г. Филиппов.

И.Н. Шервашидзе [1986, с. 63—74], описывая систему времен в языке орхонских памятников, объяснял асимметрию форм настоящего, будущего и прошедшего краткостью доступных анализов текстов. Опираясь на типологические закономерности временных полей в индоевропейских языках, он считает вероятным такое же симметричное построение временных полей и в древнетюркском языке. Но данные якутского языка показывают, что в древнетюркском асимметричная структура временных полей объясняется не только ограниченностью языкового материала, так как якутский язык также имеет очень простые структуры настоящего и будущего времени и очень сложную структуру прошедшего.

Как было сказано выше, якутские лингвисты, рассматривая семантику форм на -*ya* и -*yaх*, размещали их на разных точках временной оси, предполагая развитие базовой оппозиции между временными формами по степени их отстояния от момента речи. А.М. Щербак, реконструируя для пратюркского состояния систему времен с одним показателем в каждом временном поле, дальнейшее развитие временной системы определял как усложнение временных полей не только и не столько по временной оси, сколько за счет различия между формами модального и аспектуального характера.

В тюркских языках базовое структурное противопоставление между формами будущего времени, развившееся в большей части тюркских языков, — это противопоставление между будущим предполагаемым и будущим обязательным. При использовании в качестве будущего предполагаемого формы на *-ар* в языках центральной и юго-западной зоны как будущее обязательное формируются специальные формы на *-аджак*, *-асы* и др. Как раз к форме на *-аджак* еще В.В. Радлов возводил якутскую форму на *-ыхах*. Но принять эту точку зрения не позволяет ареал формы на *-аджак*, который складывается достаточно поздно на территории, удаленной от территории Сибири, и форма не имеет соответствия в языках древнетюркских памятников. Она возникла в XV—XVI вв., в основном в западном ареале обитания огузских языков. Проникновение ее в кыпчакские языки связано, вероятно, с существованием огузо-кыпчакского объединения, существовавшего в X—XI вв. в Приаралье и в примыкающих к нему территориях.

Во всех несибирских ареалах форма на *-ар*, включенная в оппозицию будущее предполагаемое/будущее обязательное, занимает положение либо немаркированной формы, либо формы, маркированной наличием семы предположительности, возможности, но не обязательности совершения действия в будущем.

Сибирские тюркские языки оказываются противопоставленными большинству тюркских языков других групп по типу маркированности формы на *-ар* в поле будущего времени, так как форма на *-ар* заняла позицию будущего немаркированного, противопоставляясь маркированным формам будущего предположительного и будущего возможного на *-гу дег* (*-гудег*). Исключением в какой-то мере оказывается алтайский язык, так как в нем позицию будущего обязательного может занимать форма на *-атан*. Н.А. Баскаков ставит в позицию будущего обязательного форму на *-ат*. Но при сборе языкового материала для Диалектологического атласа тюркских языков Сибири практически во всех пунктах сбора была приведена форма на *-ар* с каким-либо лексическим уточнителем.

Второе исключение — язык чулымских тюрков, в котором присутствует особая форма будущего обязательного на *-лык*, восходящая к более полному показателю *-арлык*. Такое будущее обязательное присутствует в карачаево-балкарском языке. Р.М. Бирюкович, изучая семантику и функционирование формы на *-лык*, установила, что оппозиция между формами на *-ар* и *-лык* проявляется очень редко, только в ситуации прямого противопоставления. Форма на *-лык* в чулымском языке более активная и постепенно вытесняет форму на *-ар*, занимая позицию будущего немаркированного [Бирюкович, 1981, с. 57—62]. Данные чулымского языка особенно интересны для якутского, так как единственная форма будущего времени на *-ыхах* (будущее немаркированное) имеет оппозицию, представленную формой, находящейся за пределами индикатива. Это форма на *-ыхахтаах* — показатель причастия будущего времени + аффикс обладания, т.е. та же модель, что и в показателе на *-арлык*. Но в якутском языке это не временная форма, а форма особого наклонения — долженствовательного. О том, что это наклонение, а не просто временная форма, свидетельствует то, что оно представлено несколькими формами, отличающимися между собой по времени [Коркина, 1970, с. 207—219].

Следовательно, якутский в отличие от южно-сибирских языков потенциально обладает возможностью оппозиции будущего и будущего обязательного. Но второй член оппозиции находится за рамками индикатива. Особое положение в сибирских языках в формировании поля будущего занял тувинский язык, который форму на *-галак* сдвинул в позицию ближайшего будущего.

Структура поля прошедшего времени. Поле прошедшего времени во всех тюркских языках, как правило, наиболее сложно организовано.

Якутский язык противостоит всем сибирским языкам тем, что сохраняет древнетюркский перфект на *-мыш*. Для сопоставления привлекаются формы, относимые в грамматиках якутского языка и южно-сибирских языков к группе перфективных форм. В якут-

ском это форма на *-быт* + аффиксы 1-го типа, форма на *-быт* + аффиксы 2-го типа и форма на *-ан турар*-. Эти формы сопоставляются с южно-сибирскими формами на *-ган* и *-птыр*.

Одно из названий древнетюркской формы на *-мыш* — «заглазное время», т.е. действие, за которым сам говорящий наблюдать не мог. Эта сема заглазности сохранилась в якутской форме *-быт* + аффиксы 1-го типа, которая может рассматриваться как форма с эвиденциальной семантикой. В южно-сибирских языках эвиденциальная семантика представлена в форме *-птыр*, структурным аналогом которой в якутском является форма на *-ан турар*-, не обладающая, однако, эвиденциальной семантикой.

Наличие в якутском языке формы *-быт* + аффиксы 2-го типа находит ближайшую аналогию в тофском языке, где также противопоставлены две перфектные формы: *-ган* + постпозитивные личные частицы и *-ган* + аффиксы принадлежности. Только в этих двух языках различие между двумя перфективными формами определяется разницей в личном оформлении. В якутском языке эту вторую форму рассматривают как результат стяжения конструкции *-быт* + *эди* + личные аффиксы 2-го типа. Это объясняет семантику якутской формы, но ставит вопрос об особенностях процессов стяжения аналитических конструкций в якутском языке, который будет рассмотрен в последнем разделе.

Исследование некоторых аспектов структуры временного поля в якутском показало:

1. Структура поля настоящего времени (единственный показатель) совпадает как с кыпчакским татарским языком, так и с формами, встречающимися в языке рунических памятников.

2. По форме выражения якутский показатель совпадает с татарским для 1-го и 2-го лица и с древнетюркским для 3-го лица.

3. Якутский язык не использует механизма синтеза аналитических конструкций аспектуального типа для пополнения форм настоящего времени. В нем есть аспектуальная форма на *-ан турар*, омонимичная

форме третьего перфекта, которая используется для обозначения действия, происходящего в момент речи, но в систему временных форм она еще не включена, чему, очевидно, препятствует семантическая структура формы на *-а*. Абсолютно аналогичная ситуация наблюдается в татарском языке. Но в диалектах татарского языка, например сибирских татар, формы, относящиеся к аспектуальным «туровым» формам, широко применяются.

4. Выделяемые параллели между якутским и кыпчакскими языками находят аналогию в языке древнетюркских памятников (см. наличие формы на *-а* в енисейских текстах).

5. Якутский язык, противопоставляясь всем южно-сибирским, все же ближе тофскому и тувинскому, в которых не используются синтетические производные от аналитических конструкций со вспомогательным глаголом *чит*- и *олур*-.

Инновационные процессы в морфологии как классификационный признак

Важнейшим классификационным признаком для сибирских тюркских языков являются инновационные процессы, связанные со структурированием временных полей: складывающееся противопоставление между настоящим общим и настоящим данного момента объединяет южно-сибирские языки с рядом языков центральной группы. В якутском языке, во-первых, настоящее время представлено субстантивно другой формой; во-вторых, указанная выше оппозиция не развивается, несмотря на наличие соответствующих конструкций, они не грамматикализуются во временном значении, а остаются аспектуальными. Релевантен для классификации выбор модели аналитической конструкции, дающей новую форму настоящего времени.

Примером инновационных изоглосс могут служить изоглоссы форм настоящего времени. Тюркские языки можно разбить на два макроареала: 1) языки, в которых выделяется одна форма настоящего времени (якутский, караимский, татарский, кумыкский, чуваш-

ский); 2) языки, в которых больше одной формы настоящего времени. Новые формы настоящего времени образуются: а) от причастий, например причастие + падеж (-макда — настоящее длительное или настоящее данного момента в азербайджанском языке), и б) аналитическими конструкциями типа деепричастие + вспомогательный глагол и образованными от этих конструкций стяженными формами. Вторая группа разбивается на ряд подгрупп. Основаниями разбивки являются форма деепричастия основного глагола (-а или -ын), тип вспомогательного глагола (тур-, олтур-, йор-, чат-), аффикс вспомогательного глагола. Второй уровень разбивки включает степень и характер стяжения (разные стадии процесса синтетизации). Из всего комплекса проблем, возникающих при разработке этой классификации, для сибирских языков наиболее интересно соотношение форм -а тур- и -ын тур-; -а тур- и -ын чат-; степень стяжения этих форм.

Формы -а тур- и -ын тур- в шорском языке в сопоставлении с другими языками Южной Сибири (см., например, соотношение форм, образованных на базе конструкций -а тур-, -ын тур- в шорском языке [Курпешко, Широбокова, 1991]).

Форма -а/-е дыр. В древнетюркских языках -а/-е тур имела значение длительности, процессности, контингентности [Древнетюркский словарь, 1969, с. 586]. В «Грамматике шорского языка» Н.П. Дыренковой форма -а/-е дыр названа настоящим обычным: «...действие обычное, действие, которое произойдет в недалеком будущем, в совершении которого говорящий уверен» [1941, с. 205].

До недавних пор -а/-е дыр была формой настоящего-будущего времени. Изменение значения формы произошло в связи с тем, что конструкция -п чат превратилась в аффикс настоящего времени обычного -ча/-че [Курпешко, 1986, с. 44—45]. Два разных аффикса не могут функционировать в совершенно одинаковых значениях, поэтому форма -ча/-че закрепилась за настоящим обычным временем, а -а/-е дыр — за будущим обязательным, например: Таңда малды чалаңа сүредирлер 'Завтра скот погонят в поле (обязательно)'; (конд., мрас.) Таңда чакшы кўн поладыр

'Завтра хороший день будет'; (конд.) Горотка таңда парадырым, (мрас.) Турага таңда парадым 'В город завтра поеду обязательно'. В 1-м л. ед. ч. отмечается стяжение с бивербальной конструкцией -а тур до формы -а/-е + ды, например: келедым 'приду обязательно', аккеледым 'принесу обязательно'. Таңда честек аккеледым 'Завтра принесу ягоду (обязательно)'.

Отрицательная форма образуется аналитически: -а/-е дыр + эбес: Кышкыда апишак индең (оядаң) шагадыр эбес, чайкыда-ла шыгадыр 'Зимой из берлоги не выйдет, а только весной будет выходить'; Таңда чакшы кўн поладыр эбес 'Не будет хорошего дня завтра'.

Форма на -а/-е дыр индифферентна к способу протекания действия. Ее основное значение — наличие действия в будущем, семантика формы -а/-е дыр шорского языка подтверждает точку зрения Н.З. Гаджиевой, которая рассматривает ее как временную [1975, с. 281].

К настоящему (обычному) общему А.М. Щербак [1981, с. 83] относит -а/-е дыр в хакасском, чувашском, В.И. Рассадин [1978, с. 201—205] — в тофаларском. В бачатско-телеутском, алтайском -а/-е дыр в форме на -ат сохранилась в значении настояще-будущего [Фисакова, 1976, с. 120]. Следы этой формы есть во всех диалектах татарского языка.

Форма -п тыр/дыр. Прошедшее «заглазное» образуется при помощи деепричастия на -п, аффикса -тыр/-дыр/< tur/ и аффикса лица. Данное время указывает на действие не всегда достоверное, совершенное в прошлом, очевидцем которого, как правило, говорящий не был, а также на действие неожиданное и необычное. Также эта форма используется для создания «временной рамки», сдвигающей все действия повествования в прошлое, тогда как внутри текста, обрамленного этими показателями, могут использоваться и настоящее, и будущее время. Форма на -п тыр/-дыр во всех лицах шорского, алтайского, тофаларского, хакасского, киргизского и только в 3-м л. ед. ч. тувинского языка спрягается синтетически.

В различных языках на базе значения перфекта развивается модальное значение неочевидности дей-

ствия, в частности, это широко распространено в тюркских языках. Шорский язык по модальности (неочевидность) в форме на *-п тыр* (ол *сарнаптыр* 'он, оказывается, пел') близок алтайскому [Дыренкова, 1940а, с. 198], хакасскому [Грамматика хакаского языка, 1975, с. 218], языку бачатских телеутов [Фисакова, 1976, с. 114], киргизскому [Орузбаева, 1955, с. 60]. В казахском, узбекском, уйгурском выпал конечный *p* у формы *-п тыр* [Юнусалиев, 1955, с. 34]. В барабинском диалекте, а также в отдельных говорах тоболо-иртышского диалекта данная форма имеет значение настоящего времени [Тумашева, 1977, с. 100].

Н.П. Дыренкова отметила в шорском языке следующие формы со вспомогательным глаголом *тур*:

- 1) настоящее-будущее время на *-а/-е дыр*;
- 2) настоящее время данного момента *-п тур* (+ $\emptyset$);
- 3) прошедшее *-п тур-ган* и *-п тыр*.

Н.Н. Курпешко выделила еще ряд форм, например на *-п тур + ча*. Эта бивербальная конструкция *-п + тур* в настоящем времени состоит из трех значащих элементов: основы глагола (в деепричастной форме на *-п*, если основа оканчивается на гласный, а если на согласный, то деепричастный аффикс всегда опускается), вспомогательного глагола *тур*, указывающего на интенсивный способ, и показателя настоящего времени *-ча/-че/чар*. В данной конструкции вспомогательный глагол теряет свое лексическое значение и выполняет грамматическую функцию, указывая на интенсивный способ действия или на состояние, длившееся в течение небольшого промежутка времени. В настоящем времени она спрягается по всем лицам и числам. Рассмотрим спряжение глагола *пар-* 'идти' в утвердительной форме:

ед. ч.	мн. ч.
<i>мен пар турчам</i> 'я быстро иду (в данный момент)'	<i>пис пар турчабыс</i> 'мы быстро идем (в данный момент)'
<i>сен пар турчазың</i> 'ты быстро идешь (в данный момент)'	<i>слер пар турчазар</i> 'вы быстро идете (в данный момент)'
<i>ол пар турча</i> 'он быстро идет (в данный момент)'	<i>лар пар турчалар</i> 'они быстро идут (в данный момент)'

Отрицательная форма в настоящем времени имеет полную парадигму: *мен парбаан турчам/турчарым* 'я не иду быстро (в данный момент)', *сен парбаан турчаң* 'ты не идешь быстро (в данный момент)' и т.д.

Форма *-п тур + ды*. Конструкция *-п тур* в прошедшем времени образуется присоединением аффикса прошедшего времени на *-ды/-ты* и аффикса лица. Вспомогательный глагол *тур* служит для указания на интенсивный способ глагольного действия или на действие, имевшее место в течение короткого промежутка времени.

С глаголами действия *-п тур + ды* указывает на интенсивное действие в прошлом, например: *Салгын-шени сабырыл турду, куйун-шени куйбуруп турду* 'Словно ветер развевался, словно вихрь кружился'; *Тегриде кўн сустаан турду, таглар тезе тегриче изигбе тындылар тобере тайгыклар ташка шабыл турдулар* 'Солнце на небе нещадно пекло, верхушки деревьев дышали жаром и в сторону скользкого камня (сильно) качались'; *Алтон сөс-не айландыр турду, елиг сөс-не эбир турду* 'Шестидесятью словами поворачивал (быстро), пятидесятью поворачивал (быстро)'; (конд., мрас.) *Погда мус чар кажынга негил турду* 'Большая льдина прибивалась (быстро) к берегу'; *Кыр сагалы еленежип, салгынга шажы тулаал турды* 'Седые усы шевелились, и ветер (сильно) трепал ему волосы на голове'.

С глаголами состояния *-п тур* в прошедшем времени на *-ды* указывает на ограничительный способ, например: *Айткан-зайын сагажым йарып турды* 'Чем больше он говорил, тем веселее делалось мне на душе'; *Данилоң үстүңгү сагалы пырлажып карактарын койук кирбиктери чаап турдулар* 'Дрожали усы у старого Данилы, и насупились (сильно) густые брови его'; *Улуг сынга шыгып, көрүп таңнап турдулар* 'Поднявшись на великий хребет, глядели (и) удивлялись (сильно)'.

В прошедшем времени на *-ды/-ты* с предельными глаголами формант *-п тур* указывает на достижение и недостижение предела в зависимости от контекста и показывает на интенсивный способ протекания дей-

ствия. Например: *Алыжып ай ерт турды, чылыжып чыл ер/т/турду* [Дыренкова, 1940б, с. 46] 'Месяцы, меняясь, один за другим проходили, скатываясь, проходили годы'; *Чаш агаш пөгүлдулер, чон агаштар мычыраш-турвулар* 'Молодые деревья пригнулись, толстые деревья затрещали'; *Садыгчылар түк небе паазы көдүрүлерин пилип сактап турдылар* 'Торговцы (очень) выжидали поднятие цен на пушнину'; *По ерни ол чазап турду* 'Этот дом он отремонтировал быстро' (интенсивность).

Форма *-п тур + ган*. Данная бивербальная конструкция в прошедшем времени на *-ган* указывает на интенсивное действие в прошлом.

Формант *-п тур* сочетается практически со всеми семантическими группами глагольной лексики. Утвердительная и отрицательная формы образуются, как и у предыдущих формантов, во всех лицах и числах. Примеры: *Куйун-шени куйбур-турганы, салгын шени сабырыл-тураганы* 'Подобно вихрю бушует, подобно ветру развеивается' (грамматический перевод: 'Подобно вихрю бушевал, подобно ветру развеивался'); *Улуг тойга калык келип чыгылыш-турганы* 'На великую свадьбу народ собирался'; *Иги ат кошта келип чүгүр-турганы, иги алып коштап качырып чокташ пардылар* 'Два коня, поравнявшись, рядом бежали, два богатыря, коней погоняя, разговаривали'; *Аара көргинде айдың сузын нас турганы, пееге көрзе, күннің сузын нас турганы* 'Туда посмотрит, тень луны освещает, сюда посмотрит, свет солнца освещает'.

Формант *-п тур + ган* оформлен гласным *ы*, который, по мнению Н.П. Дыренковой [1941, с. 297], является показателем 3-го л. ед. ч.

Форма *-п тур + чыткан/чын* (на *-читкан/-чыгын* в мрасском и *-чын* в кондомском диалектах). Данная конструкция в прошедшем времени указывает на интенсивный способ, а аффикс *-читкан/-чын* — на обычность, многократность + время. Примеры: *Ол анаң ары кирерге еткен-пир шаң ошкаш таш азылып кыйбыран турчуган* 'Он хотел пройти еще дальше, но увидел — один подвешенный камень качался, как колокол' (интенсивность и многократность); *Кижилер көр-*

дүлөр кайде ол иштең емге (конд. *уйгуге*) *пар турчыткан* (конд. *пар турчын*) 'Люди видели, как он с работы домой обычно шел потихоньку'.

Форма *-п тур + ар*. Бивербальная конструкция *-п тур* в будущем времени на *-ар/-ер* указывает на интенсивный способ действия или на ограниченный способ. Часто встречающаяся в будущем времени эта конструкция имеет полное спряжение в утвердительной и отрицательной формах по всем числам и лицам:

ед. ч.	мн. ч.
<i>мен пар турап (парып турарым) 'я буду быстро идти'</i>	<i>пис пар турабыс (конд. турас) 'мы будем быстро идти'</i>
<i>сен пар турарсың 'ты будешь быстро идти'</i>	<i>слер пар турарзар 'вы будете быстро идти'</i>
<i>ол пар турар 'он будет быстро идти'</i>	<i>лар пар турарлар 'они будут быстро идти'</i>

Примеры: *Туган күнерин кармап турарлар: тугбаан ползамче, теп айдарлар* 'День рождения будут сильно проклипать: лучше б не родился, будут говорить'; *Чер-биле тегри неглегип турар, чер таглары силгигип турар* 'Земля с небосводом будут сходиться (быстро), земные горы будут сильно сотрясаться'; *Таньда көрербис кайде ол чылда ербектеп турар* 'Завтра посмотрим, как он будет говорить на собрании'.

Отрицательная форма образуется следующим образом: *-п тур + бас + аффиксы лица*, например: *Акпаш апиый палазы меең колымнаң пүүн парбас, Аргачонның алынга паза мага наал турбас* 'Сегодня внук деда Акпаша из моих рук не уйдет, безумие рода арга больше не будет действовать на меня'; *Паза мең чаш карактар улгап турбастар* 'Больше мои молодые глаза плакать (сильно) не будут'.

Таким образом, в шорском языке бивербальная конструкция *-п тур* употребляется, чтобы показать интенсивный способ действия в настоящем, будущем, прошедшем временах, для чего к ней присоединяются аффиксы настоящего времени *-ды/-ты, -чы/-че/чар*, прошедшего времени *-ды/-ты, -ган/-кан, -читкан/-чын*, будущего времени *-ар/-ер*. Отрицательная

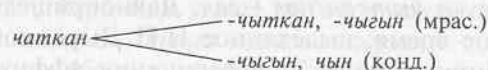
форма образуется при помощи отрицательного деепричастия на *паан-/баан-/маан-*, вспомогательного глагола *тур* и временных аффиксов (настоящего и прошедшего), в будущем времени отрицательная форма образуется по-другому: *-п тур + бас*. Вспомогательный глагол сочетается практически со всеми семантическими группами глагольной лексики. Форманту *-п тур* присуща исключительная грамматикализованность. Вспомогательный глагол *тур* в бивербальной конструкции характеризует действие с точки зрения количественной аспектуальности: интенсивный или ограничительный способ во всех временах.

Формы, восходящие к аналитической конструкции с глаголом *чат-*. В шорском языке, так же как в хакасском, форму, образованную на базе конструкции *-п тур*, в некоторых точках временного поля начинают вытеснять формы, образованные на базе конструкции *-п чат*. Блок конструкций *-п чат* включает в себя формы *-п чат-кан*, *-п чат-кан пол-тыр*, *-п чат-кан пол-ган*.

Форма на *-п чат-кан*. Эта бивербальная конструкция упоминается в материалах В.В. Радлова в XIX в., а сейчас сохранилась только в отдельных говорах и встречается очень редко. Она выражает незавершенное, длительное действие или состояние, т.е. имеет перфектно-процессное значение, например: *Ол чолдардаң ары мындың-ок чарык чер көрүнчйткан* 'Дальше за этими следами светлая земля показалась, такая же, как наша здешняя'; (конд.) *Чаңмур токтанче мен чатчыным*. *Нагбур токтаганче мен чатчыткан* 'Так я лежал, пока не перестал дождь'.

Во многих говорах эта бивербальная конструкция *-п чат* в прошедшем времени на *-ган/-кан* имеет и стяженную форму на *-чаган*, *-чыгын* (*парчаган*, *турчаган*) — в говоре шорцев верховья р. Мрассу; *-чыган* (*парчыган*, *турчыган*) — в говорах шорцев р. Кондомы и р. Томи ниже впадения в р. Мрассу, *-чын*, *-чин* (*парчын*, *турчын*) — факультативно в говорах шорцев верховья р. Кондомы [Дыренкова, 1941, с. 136—137; Чиспиякова, 1979, с. 93]. Таким образом, очевидно, что в мрасском диалекте *чат* как причастие *-чйткан*,

-чыгын сохраняет свою первоначальную форму, в кондомском диалекте происходит стяжение в *-чыгын*, *-чын*. В настоящее время эта форма имеет следующий вид в шорском языке:

Данная форма спрягается по всем лицам и числам:

мрас.	конд.
ед. ч.	
<i>мен парчйткан</i> 'я шел' (длительное время)	<i>парчыным</i> (<i>парчыгыным</i>) 'я ходил' (многократно)
<i>сен парчйтканзың</i> 'ты шел' (длительное время)	<i>парчынзың</i> (<i>парчыгынзың</i>) 'ты ходил' (многократно)
<i>ол парчйткан</i> 'он шел' (длительное время)	<i>парчын</i> 'ходил' (многократно)
мн. ч.	
<i>пис парчйткамыс</i> (<i>парчыгымыс</i>) 'мы шли' (длительное время)	<i>парчынымс</i> (<i>парчынмыс</i>), <i>парчыгымыс</i> 'ходили' (многократно)
<i>слер парчйтканзар</i> 'вы шли' (длительное время)	<i>парчынзар</i> 'ходили' (многократно)
<i>лар парчйтканнар</i> (<i>парчыгыннар</i>) 'они шли' (длительное время)	<i>парчыннар</i> 'ходили' (многократно)

Аналогичное стяжение формы *-п чат* в прошедшем времени на *-ган/-кан* происходит в кумандинском диалекте алтайского языка [Баскаков, 1972, с. 112], сагайском диалекте хакасского языка [Патачакова, 1973б, с. 42], где *чаткан* сократилась до формы *-чын/-чан*. Форма *-п чаткан* имеется в хакасском, алтайском, бачатско-телеутском, в диалектах татар — аборигенов Томи [Межекова, 1973, с. 62; Грамматика хакасского языка, 1975, с. 232; Дыренкова, 1940а, с. 154; Тадыкин, 1971, с. 102; Фисакова, 1976, с. 112—113].

Форма прошедшего времени *-чйткан* в шорском, как и в тувинском [Монгуш, 1959, с. 86—89], состоящая из деепричастия на *-п*, вспомогательного глагола *чат* в прошедшем времени на *-ган/-кан*, имеет

перфектно-процессное значение, например: *Ол тушта лар албыга аңнапчытканнар* (конд. *аңнапчыннар*) 'В то время они обычно (или многократно) охотились на соболя'.

Форма *-п чыткан пол + ган*. Давнопрошедшее определенное время, выделенное Н.П. Дыренковой, образуется при помощи присоединения аффикса прошедшего времени *-ган/-кан* к конструкции *-п чыткан пол*. В шорском языке, как и в хакасском, оно выражает действие, имевшее место в определенном прошлом, параллельно с которым или на фоне которого происходит другое действие. От простого прошедшего определенного времени оно отличается лишь большей отдаленностью от сферы настоящего времени (от момента речи). Данная форма встречается в хакасском [Грамматика хакасского языка, 1975, с. 225], языке бачатских телеутов [Фисакова, 1976, с. 116].

Примеры: *Кышкыда кызас саара нарчыткан полгам* [Дыренкова, 1940б, с. 224] 'Зимой к реке Кызас я шел'; *Аңчы атый-пыла үш күн чорчигин полган, пырда небе таппантыр. Аңчы адайба үш күн чөрчыткан полган, пирда небе таппады* 'Охотник с собакой охотился в течение трех дней, но ничего не добыл'.

Форма *-п чаткан пол + тыр*. Давнопрошедшее определенное «заглазное» время, выделенное Н.П. Дыренковой [1941, с. 211], образуется при помощи присоединения аффикса прошедшего времени *-тыр* к конструкции *-п чаткан пол*. Оно выражает действие, имевшее место в определенный, соотнесенный с каким-либо другим действием момент далекого прошлого — «оказывается, было когда-то». Говорящий об этом действии узнает не из собственных наблюдений, а из каких-то других источников [Грамматика хакасского языка, 1975, с. 226]. Утвердительная и отрицательная формы образуются, как и предыдущие формы, в прошедшем времени на *-ган/-кан*, *-тыр/-дыр*.

Примеры: *Алтын өргезиниң иштинде кыс одурчыткан полтур* [Дыренкова, 1940б, с. 78] 'В золотом дворце девица сидела'; *Алтын паратада Каролчук турчыткан полтур, пыларды көрүп* — *каяга парчаң Аңчы Абыш-*

ка, тедир 'У золотой калитки стоял (оказывается) Каролчук, увидел их, спросил: «Куда идешь, охотник Абышка?»'; *Э де айтканы Каролчук алтын паратаны ажып, пыларга чол сала пергене Кара-Канга анаң киргеннери, Кара-Кан устал түбинде одурчыткан полтур, апышйба по апышак палазын көрүп*, — *ноо керек полду Аңчы Абышка, тедир* 'Так спросив, Каролчук золотую калитку открывая, пропустив их к Кара-кану войдя, Кара-кан за столом сидит, увидев старика с медведем и спрашивает: «Что нужно, охотник Абышка?»'; *Аң-куш тайгада чакшы чатчыткан полтурлар* [Там же, с. 234] 'Звери-птицы в тайге хорошо жили'; *Пис сарнапчыткан* (конд. *сарнапчын*) *полтырбыс* 'Мы, оказывается, долго пели'.

Как видно из примеров, данная форма в прошедшем времени на *-тыр* также может выражать действие, совершаемое в сфере настоящего времени, о котором говорящий узнает случайно, неожиданно. Это действие может быть постоянным, обычным, характерным для субъекта. Данная форма по своему значению в шорском языке синонимична форме настоящего времени на *-чаттыр*, как в хакасском языке [Грамматика хакасского языка, 1975, с. 226]. Например: *Ол чакшы сарнап чыткан полтур. Ол чакшы сарнапчаттыр* 'Он, оказывается, хорошо поет'.

Таким образом, вспомогательный глагол *чат* встречается в конструкциях *-п чаткан пол* в прошедшем времени на *-тыр/дыр*, *-ган/-кан*, имеющих значение процессуальности. Диалектные различия по своей природе носят фонетический характер.

Ядерной формой в поле настоящего времени в шорском, как и в хакасском, стала синтезированная форма *-пча < -п чат-тыр*.

Форма на *-п ча*. Деепричастный аффикс опускается при основе на согласный, например: *кел-ча < кел-ип чадыр* 'ходит', 'идет', *көр-ча < көрүп чадыр* 'смотрит'. Формирование системы настоящего времени в тюркских языках тесно связано с процессом синтеза акциональных форм, постепенной утратой ими соответствующих характеристик способа протекания действия и закрепления временных значений.

В разных языках по этой схеме может быть сформирована вся система настоящих времен или только периферийные временные формы, сохраняющие еще следы своей акциональной семантики: настоящее данного момента, настоящее продолженное и т.д. В этот процесс синтезаций на различных этапах истории языков втягивались разные глаголы из рассматриваемой группы (ср. наибольшую синтезацию и темпорализацию глагола *јор* в юго-западных языках и его периферийное положение в этой системе в шорском). В шорском языке в течение последнего столетия (со времени записи шорских материалов В.В. Радловым) наибольшим изменениям подвергались конструкции с глаголом *-чат*. Причем это в значительной степени свойственно всем тюркским языкам Южной Сибири. Частое использование вспомогательных глаголов, становящихся служебными словами в одной и той же роли, расширение их употребления в разных контекстах в том же значении ведет к утрате их самостоятельного лексического значения и к обращению в служебные частицы, что и произошло со вспомогательным глаголом *чат* 'жить, находиться, лежать, пребывать' в шорском.

Рассмотрим парадигму глаголов *сана-* 'думать', *пар-* 'идти', 'ходить' в мрасском и кондомском диалектах шорского языка:

мрас.	когд.
ед. ч.	
<i>мен санапчам</i> 'я думаю (вообще)'	<i>санапчадым</i> <i>санапчарым</i> 'я думаю (вообще, в данный момент)'
<i>парчам</i> 'я иду, хожу'	<i>парчадым</i> <i>парчарым</i> 'я иду, хожу'
<i>сен санапчаң</i> 'ты думаешь (вообще)'	<i>санапчадың</i> <i>санапчаңдың</i> 'ты думаешь (вообще, в данный момент)'
<i>парчаң</i> 'ты ходишь'	<i>парчадың</i> <i>парчаңдың</i> 'ты ходишь, идешь (вообще, в данный момент)'

мрас.	когд.
ед. ч.	
<i>ол санапча</i> 'он думает (вообще)' <i>парча</i> 'он ходит (вообще)'	<i>ол санапчыр</i> 'он думает (вообще)' <i>парчыр</i> 'он ходит, он идет (вообще, в данный момент)'
мн. ч.	
<i>пис санапчабыс</i> 'мы думаем (вообще)'	<i>санапчадыс</i> <i>санапчарыс</i> 'мы думаем (вообще, в данный момент)'
<i>парбачыс</i> 'мы ходим (вообще)'	<i>парчадыс</i> 'мы ходим (вообще, в данный момент)'
<i>слер санапчазар</i> 'вы думаете (вообще)' <i>парчазар</i> 'вы идете (вообще)'	<i>санапчазар</i> 'вы думаете (вообще)' <i>парчазар</i> 'вы идете (вообще)'
<i>лар санапчалар</i> 'они думают (вообще)' <i>парчалар</i> 'они идут (вообще)'	<i>санапчалар</i> 'они думают (вообще)' <i>парчалар</i> 'они идут (вообще)'

Основные значения формы на *-п ча*: 1) действие, совершаемое в данный момент, в момент речи; 2) действие, совершаемое постоянно, обычно.

Примеры: *Улуг карындажым колхозта иштепчыр, кичий школда јүргенчыр*, *улуг карындажым иштепча, кичиг школда јүргенча* 'Мой старший брат работает в колхозе, младший учится в школе'; *Кара каның кызы кижии парчыр, аң черинде той полчыр* [Дыренкова, 1940б, с. 38] 'Дочь Кара Кана замуж выходит, в ее земле великая свадьба происходит'; *Күн-сая Прасс-Пелтирге үш катнап автобыс чөрча* 'Каждый день три раза автобус ходит в Усть-Мрасс'; *Кайяре мага парер керек, мен оңныбаанчадым, Каяга мага парага керек, мен уңнабаанчам* 'Куда мне нужно идти, я не знаю'.

Материал, собранный академиком В.В. Радловым, показывает, что в XIX в. в шорском языке форма на *чадыр/чатыр* еще существовала. И в данной конструкции *чадыр* записан им отдельно от основного смыслового глагола.

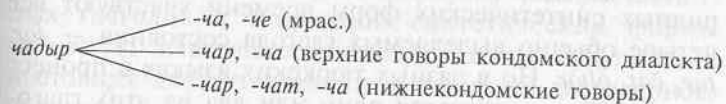
В XIX в. форма на *-н чат* сочеталась практически со всеми семантическими группами глагольной лексики: *Чылан Кан ал чадыр оны пашка черлердиң алып-тар корук чадырлар ылгап чадырлар* 'Чылан Кан берет с другого света, боится богатыри, плачут, платят дань'; *Абазы өлдү өлген сөгү чып салды той полып чадыр ылгап чадырлар сыктап чадырлар* 'Отец умер, покойника похоронили, проходят поминки, плачут, рыдают'; *Палабыла чуртап чадырлар паланы азрап чадырлар* 'С ребенком живут, ребенка воспитывают'.

Фонетическому разрушению в первую очередь подвергаются аффиксы — деепричастный аффикс основного семантического глагола и временной показатель вспомогательного глагола. С разной степенью интенсивности этот процесс представлен во многих языках (табл. 16).

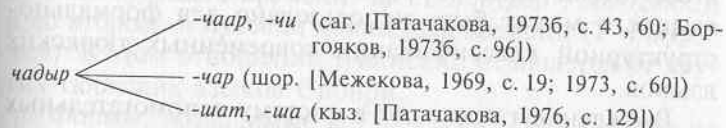
В диалектах и говорах шорского языка вспомогательный глагол приобрел различный фонетический облик: в мрасском диалекте — *-ча/-че* (*парчам* 'я иду', 'я хожу'), в нижнекондомских говорах — *-н чат* (*парчадыс*, *парчадыбыс* 'идем', 'ходим', использование параллельного, обычного настоящего, настоящего конкретного данного момента), представители антропского говора наряду с формой *-чыр* (*парчыр* 'он ходит'), факультативно могут использовать *-чыт* (*парчыт* 'он ходит'), в верхнемрасских говорах используется *-чар*, *-чыр* (*парчырыс* 'ходим') [Чиспияков, 1979, с. 88—89; Чиспиякова, 1979, с. 93]. Во всех говорах обоих диалектов вспомогательный глагол приобрел

единый облик во 2-м, 3-м л. мн. ч. *-ча/-че* (*парчазар* 'вы ходите', *парчалар* 'они ходят').

Процесс синтетизации формы *-н чат* выглядит следующим образом:

Примерно такая же ситуация складывается в диалектах хакасского языка:

В бачатско-телеутском языке Г.Г. Фисакова [1983, с. 90] отмечает параллельное сосуществование *т'ат* и *т'а*, а у заринских телеутов — *т'а*. На такую же эволюцию вспомогательных глаголов бытия указывает Д.М. Насилов [1971, с. 370] в турецком *jor*, чулымско-тюркском *-от*.

Форма *-чаткан/-читкан/-чыгын/-чыта/-чын*. По такой же схеме образован аффикс прошедшего (перфект) времени *-чаткан*, это уже полностью синтезированная форма, но она в большей степени, чем *-ча*, сохраняет связь с акциональной семантикой конструкции, от которой он был образован. Он указывает на многократность, обычность действия, имевшего место в прошлом. Это объясняется его относительно недавним вхождением во временную систему как особой формы.

Эта форма фиксируется на территории Шории с разной степенью стяжения: *парчаткан* (Бородино); *парчыгын* (Усть-Мрасс); *парчыткан* (Междуреченск); *парчытабыс* (верхние говоры мрасского диалекта); *парчын* (конд.) 'ходил, хаживал' (многократно, обычно).

Данный аффикс присоединяется и ко всем бивербальным конструкциям *-н + одур*, *тур*, *чөр*, *-н + глаголы бытия + читкан/чын*, основа глагола + показатель СГД + аффикс времени / показатель СГД: *парбо-*

Таблица 16

Типы стяжения аналитической конструкции со вспомогательным глаголом *jat*

Язык	Структура формы			
	<i>-р</i>	<i>jat</i>	<i>эр</i>	<i>мен</i>
Сибирских татар	<i>эр</i>	<i>jat</i>	<i>эр</i>	<i>мен</i>
	<i>эр</i>	<i>jat</i>	$\emptyset$	<i>-т</i>
Бачатских телеутов	$\emptyset$	<i>had</i>	$\emptyset$	<i>эм</i>
Алтайский	$\emptyset$	<i>had</i>	$\emptyset$	<i>эм</i>
Хакасский	$\emptyset$	<i>hfa/hfad</i>	$\emptyset$	<i>-т/мен/сэм</i>
Тувинский	<i>-р</i>	<i>hfad</i>	<i>эр</i>	<i>мен</i>

дурчыткан 'имел обыкновение ходить потихоньку'; *пар турчыткан* 'имел обыкновение ходить быстро'; *пар чорчыткан* 'имел обыкновение ходить долго'.

Как уже говорилось выше, в формировании вторичных синтетических форм времени участвуют все четыре обычно выделяемых глагола состояния — *јor*, *tur*, *čat*, *oltor*. Но в разных тюркских языках в процесс синтеза втягиваются один или два из этих глаголов, остальные сохраняются в аналитических конструкциях. Соотношение аналитических конструкций со вторичными синтетическими неодинаково в разных языках и может быть использовано для формально-структурной классификации современных тюркских языков.

Вхождение глагола *tur* в систему вспомогательных глаголов наблюдается начиная с древнетюркского времени. Далеко не все формы, возводимые к глаголу *tur*, связаны с изменением акциональных форм во временные. Но и формы такого типа могут образовывать в языках сложную систему, элементы которой восходят к разным периодам формирования бивербальных конструкций и к разным их типам, поэтому семантика компонентов, имевших исторически один источник, может быть разной, ср., например: *a-dor* — настоящее мотивированное, *-p tur* + аффикс сказуемости в значении настоящего-будущего времени и *p tor* + аффикс сказуемости — прошедшее мотивированное в тувинском языке. Подобная картина наблюдается и в шорском языке, где представлены формы настоящего времени *-адыр*, прошедшего «заглазного» *-п тыр* и настоящего «заглазного» *чаттыр*.

На более ранних этапах развития видовременной системы тюркских языков временное значение деепричастных компонентов было основанием для разведения этих форм по двум разным временным полям — настоящему (*-а*) и прошедшему (*-ым*). В современных языках аналитическая конструкция *-ып тур* образует формы настоящего времени в казахском, новоуйгурском, узбекском и тувинском языках. Но, за исключением тувинского, это одна из нескольких форм настоящего времени — настоящее данного мо-

мента или настоящее длительное; как настоящее общее выступают формы на *-а* + личные аффиксы.

Тувинский не имеет синтетических форм настоящего времени (кроме нулевых форм у четырех бытийных глаголов и вторичной синтетической формы *-адыр*). И настоящее общее (настояще-будущее), и настоящее данного момента (настоящее достоверное) образуются аналитическими конструкциями со вспомогательным глаголом *тур* (*чит*, *олур*, *чор*), но в первом случае этот глагол принимает показатель настоящего-будущего времени *-ар* (Т-п *турар* + *мен/сен...*), а во втором — нулевой показатель времени (Т-п *тур* + *мен*). В этом отношении тувинский отличается от других тюркских языков Сибири.

Формы, возводимые к Т-а + *тур*-. При анализе их распространения нужно рассматривать два ареала: ареал, в котором показатель, восходящий к вспомогательному глаголу, представлен во всей парадигме, и ареал, где этот показатель представлен только в 3-м лице. Первый ареал образуют азербайджанский (кубинский, шемахинский и бакинский диалекты, кроме 2-го лица), човдурский диалект туркменского, диалекты сибирских татар, хакассский (за исключением шорского диалекта, где эта форма почти не встречается), чулымско-тюркский (форма Нижнего Чулыма близка по фонетическим особенностям к форме, которая встречается в эуштинском говоре томского диалекта, а среднечулымская — к формам кызыльского диалекта хакассского языка), язык бачатских телеутов, кумандинский и туба диалекты алтайского языка. В более полном варианте (*-дыр*, *-адыр*) эта форма есть в тувинском, тофском, качинском и сагайском диалектах хакассского языка и в шорском.

Во второй ареал входят диалекты татарского, туркменского, каракалпакского, узбекского языков, киргизский. О природе аффикса *-тур* (аспектуальная форма или особый тип аффикса сказуемости) и об отношении форм, входящих в эти два ареала, нет единой точки зрения. Н.З. Гаджиева считала, что полные парадигмы с показателем *-тур* являются результатом переноса по аналогии предикативного показателя

3-го лица на остальные формы. Согласно другой точке зрения, только в 3-м лице сохраняются более полные формы временного показателя, восходящего к *тур-*. Нам же более вероятной кажется точка зрения, заключающаяся в том, что это смешанные парадигмы.

Сибирская зона — зона сгущения этих форм, но место в системе временных форм они занимают разное.

В алтайском литературном языке имеется форма на *-at*, обозначающая: а) действие, время совершения которого совпадает с моментом речи; б) постоянно происходящее действие, не ограниченное каким-либо моментом. Это значение обычно проявляется в 3-м лице. Н.А. Баскаков как форму настоящего длительного выделял *-а-дыры ~ aat*, относя форму на *-at* в поле будущего времени как будущее определенное, выражающее наступающее, обычное, постоянное действие. В шорском языке форма настояще-будущего времени (*аладырым/аладырбын, аладырың/аладырың, аладыр*) стала очень редкой. В шорском диалекте хакасского языка она вообще не употребляется. В хакасском наибольшее распространение эта форма имеет в качинском диалекте, наименьшее — в сагайском. В кызыльском форма представлена более стяженным вариантом. В тофском это форма настоящего обычного времени, она обозначает действие, которое происходит вообще или в какой-то широкий отрезок настоящего времени. «Оно неопределенно, обще. Кроме того, этой формой выражается действие, совершающееся в настоящее время, но не на наших глазах» [Рассадин, 1978, с. 202]. В тувинском языке этой форме свойственно только второе из указанных для тофского языка значений — настоящее «заглазное» действие. «Заглазность» имеет здесь значение специфическое: говорящий судит о действии сам, но не на глаз, а на слух. Форма на *-а/-ыы + тур-* в якутском языке является аксьонсартной (видовой) формой со значением постоянства или продолженности действия. Принимая показатели настоящего времени, она может обозначать, что действие, называемое деепричастием, находится в процессе совершения: *куорат*

киһитэ элбии турар 'население города умножается'. Но якутская форма остается еще в системе способов глагольного действия [Харитонов, 1960]. Якутский и здесь остается наиболее близким к языку древнетюркских памятников, где существовала аналитическая основа *-и tur-* со значением длительности, иногда с оттенком обычности.

Можно сделать следующее заключение: как центральная форма настоящего времени *-а тур-* (и восходящие к ней формы) представлена в алтайском литературном языке и некоторых его южных диалектах. В другой группе языков (хакасские диалекты) она сместилась на периферию поля настоящего времени, в шорском языке и в языке бачатских телеутов — практически вышла из употребления. В якутском она еще не вошла в систему временных форм, а в тувинском получила яркую эвиденциальную семантику, что позволяет вывести ее из системы индикатива. Основной формой настоящего времени в большей части (северная часть ареала) языков становятся формы, образованные по модели деепричастия на *-ып* основного глагола + глагол *чат-*. Из-за большого стяжения, свойственного этим формам, о показателе времени вспомогательного глагола не всегда можно судить адекватно (это могут быть формы на *-ар, -ы, -ө*). Как аналитическая форма настоящего данного момента или форма способа действия она широко распространена в ряде кыпчакских языков (ногайском, казахском, киргизском, диалектах татарского, а также в туркменском и уйгурском). В сибирских же языках (диалектах алтайского, шорском, хакасском, кроме кызыльского диалекта, где она практически не употребляется) это основная форма настоящего времени, сдвиг ее в позицию настоящего общего сопровождается упрощением от аналитической конструкции к композитной форме и далее к синтетическому агглютинативному показателю (сиб. тат. *alʁ jatʁym*, шор. *alhcadʁm*, хака. *alhcam*).

Эта инновационная изоглосса, охватывающая территорию северной части Саяно-Алтайского региона, представлена и в языке бачатских телеутов (*alhcam*).

Хотя телеутский относится к южным диалектам алтайского языка, но живут телеуты в настоящее время в Кемеровской области по рекам Большой и Малый Бачат.

Такую же картину дают вторичные причастные формы (-турган, -чаткан).

Формы на -ып тур- и -ып чат- в других тюркских языках. Если сопоставить в рамках отдельных тюркских языков соотношение финитных и инфинитных (атрибутивных) глагольных форм, то выясняются интересные закономерности. В якутском языке гораздо большее место, чем в других языках, занимают полифункциональные формы: 18 включенным в таблицу финитным формам соответствуют 9 причастных (в том понимании этого термина, которое ему придавала Е.И. Убрятова). Из 18 финитных форм лишь 4 не базируются на причастной форме, хотя исторически 3 из 4 связаны своим происхождением с древними причастными формами на -а, -гу, -ар. Якутский располагает большим количеством полифункциональных форм, чем южно-сибирские языки. Обогащается система причастных форм, как уже говорилось выше, использованием древнетюркской модели причастие + аффикс обладания, которая как живая модель в южно-сибирских языках не представлена.

Сопоставление систем причастных (атрибутивных) и финитных форм в тюркских языках Сибири

По описанию Е.И. Убрятовой, «Причастия в якутском языке — это формы глагола, выражающие временные значения и выступающие в качестве сказуемого как в простом, так и в сложном предложении; в сложноподчиненном предложении — как сказуемое и главного, и придаточного предложений» [Убрятова, 1976, кн. 1, с. 46].

Собственно временные формы в якутском языке сводятся к показателю прошедшего времени на -т, хотя и он в отдаленной исторической перспективе восходит к глагольному имени.

К собственно глагольным (финитным) формам относятся также форма на -а (для 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч. настоящего времени) и форма будущего времени на -ыа, восходящая к древнетюркской причастной форме на -qu.

Вся система якутского глагола более последовательно представлена полифункциональными глагольными формами, которые традиционно называются **причастными**.

В якутском языке аналитические формы аспектуального типа при образовании финитных форм почти не используются, они представлены на крайней периферии временной системы. Но широко используется аффикс обладания -лаах (аналоги этой модели, возможно, представлены в языке чулымцев). В этом отношении якутский очень отличается от других тюркских языков Сибири.

Роль причастия как центральной формы в системе якутского глагола представлена ниже:

Причастие	Финитная форма
1. -быт	1. 1) -быт-ым* — преждепрошедшее повествовательное 2) -быт-нын — прошедшее результативное 3) давнопрошедшее и прошедшее эпизодическое
2. -тах	2. Предположительное наклонение и условное второе наклонение (может употребляться как аналог формы на -ды, но в этом значении не включается в систему)
3. -быт-таах	3. Прошедшее эпизодическое изъявительного наклонения
4. -ар-даах	4. Настояще-будущее долженствовательного наклонения
5. -ыах-таах	5. Будущее долженствовательного наклонения
6. -ар / -ыыр	6. Настояще-будущее
7. -ыах	7. Будущее изъявительного наклонения
8. -аачы	8. Наклонение обычно совершаемого действия
9. -а илик	9. Наклонение еще не совершившегося действия
—	10. -быт-ым баар — прошедшее эпизодическое второе (см. п. 3)
—	11. -ар-даах- -нын — прошедшее эпизодическое
—	12. -ар этим — прошедшее незаконченное (см. п. 4)

Причастие	Финитная форма
—	13. <i>-быт-этим</i> — давнопрошедшее (см. п. 1)
—	14. <i>-быт-таах э-т-им, -ан турардаах этим, -быт-таахнын э-тэ, -ан турар-даах-нын э-тэ</i> и др.
Формы времени, не включающие причастных показателей	
—	15. <i>-а</i> — настоящее изъявительного наклонения (1-е, 2-е л. ед. ч.)
—	16. <i>-ыа</i> — будущее (входит в одну парадигму с <i>-ыах</i>)
—	17. <i>-т</i> — прошедшее
—	18. <i>-ан тура-</i> — прошедшее результативное

* В тех случаях, когда важно показать тип личного оформления, приводятся формы 1-го л. ед. ч.

Алтайский язык обладает системой, отличной от системы якутского языка по целому ряду параметров. Из семи причастных форм пять — полифункциональны, и пять из них вторичного происхождения, образованные на базе причастных форм *-гадый*, *-галак* и синтезированных аспектуально-временных аналитических конструкций *-атан*; ряд форм сохраняются как аналитические конструкции. Алтайский располагает другим набором базовых причастных форм (*-ган*), он развил совершенно другой механизм образования вторичных глагольных форм на базе аспектуально-временных конструкций *-а тур-*, *-ып тур-*, в северных диалектах — *-ып чат-*:

Причастие	Финитная форма
1. <i>-ган</i> (только одна причастная форма прошедшего времени)	1. <i>-ган (-га-м)</i> — прошедшее второе
2. <i>-галак</i>	2. <i>-галак</i> (одно из наклонений)
3. <i>-атан/-етен</i>	3. <i>-атан</i> — будущее второе [Дыренкова, 1940а, с. 180], будущее-прошедшее
4. <i>-р/-ар</i>	4. <i>-ар-</i> — настоящее-будущее
5. <i>-гай</i>	5. <i>-гай</i> — желательная форма
6. <i>-гадый</i>	
7. <i>-ып дыт-, тур-, дыр- (отур-)</i>	7. <i>ып дыт-, тур-, дыр-, отур-</i> — настоящее данного момента
—	8. <i>-ты-</i> — прошедшее первое

Причастие	Финитная форма
—	9. <i>-а-т</i> — настоящее-будущее повествовательное
—	10. <i>-ы/-у</i> — настоящее время у бытийных глаголов
—	11. <i>-а-дыр-</i> — настоящее незаконченное, сокращенная форма <i>-аат/еет</i>
—	12. <i>-птыр</i> — прошедшее недоуверенное, неожиданное

Близкий типологически, но отличающийся рядом очень существенных деталей тип глагольной системы представлен в хакасском языке. В отличие от алтайского в нем полифункциональной остается форма на *-галак*. Сохраняется древнее причастие на *-хан*, объединяющее его с тофским языком и языком чулымских тюрков. Модель пополнения глагольных форм та же, что в алтайском. Пересекается и ряд форм: *-адыр* и *-птыр*, построенных по модели *-а-п + тур-*. Хакасский язык втянул в сферу образования вторичных глагольных форм следующую ступень преобразования — бытийный глагол *чат-* и втягивает (уже на уровне аналитической конструкции) в позицию настоящего данного момента вспомогательный глагол *одур-*. По этим параметрам хакасский язык сближается с шорским и чулымско-тюркским языками:

Причастие	Финитная форма
1. <i>-ган</i>	1. <i>-ган</i> — давнопрошедшее время
2. <i>-ар/-ер</i>	2. <i>-ар/-ер</i> — будущее основное
3. <i>-чан/-чен</i> — будущее с оттенком долженствования	3. <i>-чан/-чен</i> — прошедшее обычное
4. <i>-гадаг</i>	4. <i>-гадаг</i> — предположительное наклонение
5. <i>-галах</i>	5. <i>-галах</i> — прошедшее неосуществленное
6. <i>-ып чатхан (четкен, пчатхан)</i>	6. <i>-ып чатхан (четкен, пчатхан)</i> — прошедшее определенное
—	7. <i>-ча/-че</i> — настоящее основное
—	8. <i>-адыр/-едир</i> — настоящее обычное

Причастие	Финитная форма
—	9. <i>-п -одыр, -п тур-</i> аналитическая форма настоящего времени
—	10. <i>-ты/-ды</i> — недавнопрошедшее время
—	11. <i>-птыр</i> — прошедшее заглазное

Тувинский язык отличается как от якутского языка, так и от алтайского и хакасского. Обращает на себя внимание очень ограниченное количество причастных полифункциональных форм. Причем две из них вторичные: *-галак* и *-гу дег*. Совершенно не используется ни якутский механизм образования новых причастных форм с аффиксом обладания, ни тот, который представлен в алтайском и хакасском, где в систему причастий вошли вторичные причастия, образованные на базе аналитических конструкций с видовременной семантикой. В системе финитных глагольных форм эти конструкции уже присутствуют: формы на *-а-дыр* и *-птыр*, а также аналитические конструкции настоящего времени, включающие показатель деепричастия на *-ып* и все четыре бытийных глагола. Наиболее частотным и абстрактным из них является глагол *тур-*, который начал втягиваться в систему вспомогательных глаголов еще в древнетюркское время. Якутский также сформировал аналитическую глагольную форму по этой схеме: *-ан турар* — аналог южно-сибирской формы на *-птыр*. Тувинский сохраняет древнетюркские и древнеуйгурские глагольные формы (*-бышаан, -чык, -гу дег*) и в гораздо меньшей степени, чем алтайский и хакасский, развивает систему глагольных форм, складывающихся на базе аналитических конструкций. Как уже говорилось выше, процесс грамматикализации последовательно сопровождается процессом стяжения. То, что сами процессы стяжения не чужды тувинскому языку, показывает форма на *-ывыт*, которая в тувинском достигает максимума стяжения, проявляясь иногда как форма на *-выт* [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 410]. Тувинский в этом отношении оказывается бли-

же к якутскому языку, чем шорский, алтайский, хакасский:

Причастие	Финитная форма
1. <i>-ган</i>	1. <i>-ган</i> — прошедшее неопределенное
2. <i>-ар</i>	2. <i>-ар</i> — настояще-будущее
3. <i>-галак</i>	3. <i>-галак</i> — будущее ожидаемое
4. <i>-гу дег</i>	4. <i>-гу дег</i> — возможное будущее
—	5. <i>-ды</i> — прошедшее категорическое
—	6. <i>-птыр</i> — прошедшее мотивированное
—	7. <i>-чык</i> — прошедшее риторическое
—	8. <i>-башаан</i> — прошедшее настоящее
—	9. <i>-п тур-, чыдыр-, олур-, чор-</i> — настоящее конкретное
—	10. <i>-а-дыр-</i> — настоящее мотивированное

Типы стяжения аналитических конструкций в тюркских языках Южной Сибири и в якутском

В тюркских и монгольских языках процессы образования стяженных вариантов аналитических конструкций носят интенсивный характер. Вторичное синтезирование создает новый ряд аффиксов, что ведет к перестройке глагольных оппозиций, особенно в поле настоящего времени. Соотношение аналитических конструкций и образованных от них новых синтетических аффиксов в тюркских языках (в том числе сибирских) неодинаково. По-разному в тюркских ареалах протекают процессы синтеза. Эти различия могут быть базой для новой классификации тюркских языков, возможно для позднего этапа их развития.

В северных диалектах алтайского, хакасском, шорском языках настоящее общее образуют формы *V-п чат-ыр*, которые, перейдя из аспектуальных во временные, раньше обозначали настоящее данного момента. Сейчас в указанных языках они стали основной формой настоящего времени, вытеснив предшествующие им формы на *-тур*. Стяжение аналитических конструкций в аффикс происходит по модели: *Tv [ып] — чат — [ыр] → -чат, -ча*. Опускаются грам-

матические показатели и у основного глагола, и у служебного. К основе основного глагола присоединяется основа (или ее часть) вспомогательного глагола. Другой тип стяжения мы видим в огузских языках при упрощении конструкций со вспомогательным глаголом *e-*: например, в гагаузском прошедшее перфективное время: *-ardъ < -ar edi*. Выпадает основа вспомогательного глагола, и к аффиксу, оформляющему основной глагол, присоединяются временные и личные показатели, оформлявшие вспомогательный глагол.

В якутском языке отсутствует стяжение сибирского типа. Но и при закономерности процесса синтетизации конструкции со вспомогательным глаголом *э-* отличаются от приведенных выше: элиминируется вспомогательный глагол вместе с грамматическим показателем времени, остается только личный показатель, свойственный форме прошедшего времени на *-т*. Для тувинского и хакасского языков вспомогательный глагол *э-* не свойствен (он встречается только в составе частицы). В алтайском языке аналитические конструкции с *э-* не стягиваются: *мен барар эдим* 'я пошел бы'.

Можно сделать вывод о том, что изоглоссы древнетюркских глагольных форм и новых вторичных синтетических или композитных глагольных аффиксов поразному делят территорию Сибири. Древнетюркские (орхонские) формы представлены как живые системообразующие показатели различных глагольных категорий (форма принадлежности 2-го л. мн. ч., причастные аффиксы и др.) в якутском языке. Некоторые из этих форм сохраняются в тувинском языке, но находятся на периферии соответствующих систем. Более сложную картину дают формы, происхождение которых связано с языком древних уйгур. По одним показателям (форма принадлежности 2-го л. мн. ч., рефлекс формы на *-juq* и т.д.) они противопоставляют якутский другим тюркским языкам Сибири, по другим (наличие форм на *-gu*) — объединяют их. И якутскому, и тувинскому языкам свойственно отсутствие вторичных глагольных форм, сформировавшихся на основе аспектуальных бивербальных конструкций.

Результаты анализа ряда морфологических форм подтвердили гипотезу Е.И. Убратовой о том, что на территории Сибири сначала распространился огузский древнетюркский язык, несколько позднее или даже одновременно с ним — древнеуйгурский, который, возможно, вступил во взаимодействие с древнетюркским как язык родственный, тогда как все современные тюркские языки Южной Сибири — кыпчакские; что современный киргизский язык по специфическим сибирским признакам относится к тюркским языкам. Это позволяет предполагать, что древний киргизский язык был кыпчакским и явился источником кыпчакизации тюркских языков — явления, хорошо известного в тюркологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Древнетюркская орхонская система является базовой для якутского языка, а в южно-сибирских языках представлена отдельными периферийными формами (як. *-быт*, *-тах* < др.-т. *-дук*, тув. *-бышаан*, *-дык*). В то же время древнеуйгурские компоненты в якутском также занимают достаточно важное системное место. Из южно-сибирских языков в тувинском, тофском, возможно, хакасском, они являются базовыми, а на западе сибирского ареала (шорский, алтайский) их роль уменьшается. Тот факт, что в якутском древнеуйгурские формы сосуществуют с древнеорхонскими, являясь системообразующими (например, в поле будущего времени), можно интерпретировать двояко: либо эти два компонента имели примерно равный удельный вес при формировании скрещенного якутского языка, либо в образовании якутского языка принял участие тюркский язык, совмещавший черты, дифференцировавшиеся позднее в рамках древнетюркского и древнеуйгурского языков. В южно-сибирских же языках периферийность орхонских форм может объясняться или их субстратным характером и последующим вытеснением языком древнеуйгурского типа, или их адстратностью, т.е. результатом контактного взаимодействия.

Сосуществование языков орхонского и уйгурского типов на территории Южной Сибири зафиксировано исторически. Но характер этих языков во всех локальных вариантах еще недостаточно ясен. Древнейшие уйгурские памятники, написанные руническим алфавитом, представляют собой образцы общелитературного языка, которым пользовались и орхонские тюрки, и древние уйгуры. Вычленение древнеуйгурских и

орхонских черт возможно не только и не столько на уровне противопоставления форм, сколько на уровне их функционирования в текстах:

Орхонские формы		Уйгурские формы	
Имена			
Винительный падеж <i>э, э, ыг/иг</i> , иногда <i>-уг/-уг</i> , <i>-ын/-ин</i> присоединяются к аффиксам принадлежности		<i>-ыг/-иг</i> , <i>-уг/-уг</i> , <i>-н/-ын/-ин/-ун/-ун</i> ; встречаются формы винительного падежа с аффиксом <i>-ны/-ни</i>	
Дательный падеж: <i>қа/қе</i> ; встречается форма <i>-а/-е</i> , особенно в енисейских текстах		<i>қа/қэ</i> , <i>ға/гэ</i> , после аффиксов принадлежности 2-го и 3-го лица имеет формы <i>-ңа/-ңе</i>	
Направительный падеж <i>-ғару/-геру/-ңару</i> (после аффиксов принадлежности)		Форма направительного падежа встречается лишь в наречиях	
Местно-исходный падеж <i>-да/-де</i> , <i>-та/-тэ</i> (после плавных согласных). В памятниках имеется единственное слово с аффиксом <i>-дан</i> для исходного падежа — <i>кандан?</i> 'откуда?' Нет аффиксального различия для выражения локативного и аблативного понятий		Местный падеж <i>-да/-дэ</i> , <i>-та/-тэ</i> . Исходный падеж представляет отдельную морфологическую категорию <i>-дын/-дин</i> , <i>-тын/-тин</i> . В некоторых текстах <i>-дан/-дэн</i> (н диалект). Аффикс <i>-да/-дэ</i> сохраняет свое древнее значение исходного падежа при оформлении причастий, выступающих в функции зависимого сказуемого	
Категория принадлежности			
		В древнеуйгурских памятниках категория принадлежности выражена более последовательно, чем в орхонско-енисейских	
Аффикс принадлежности 2-го л. мн. ч.: <i>-ғыз/-ңыз/-гиз/-гыз</i>		Аффикс принадлежности 2-го л. мн. ч. <i>-ңыз</i> или <i>-ңлар</i>	
Местоимение			
ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
1) 1-е л. <i>мен</i> , <i>бен</i>	<i>биз</i>	1-е л. <i>мен</i>	<i>биз</i>
2-е л. <i>сен</i>	<i>сиз</i>	2-е л. <i>сен</i>	<i>сизлер</i> , <i>сиз</i> , <i>сизлер</i>
3-е л. <i>ол</i>	Не встречается	3-е л. <i>ол</i>	<i>олар</i>
(Местоимение 3-го лица <i>ол</i> чаще всего употребляется как указательное)			
Указательные местоимения <i>бу</i> , <i>ол</i>		Указательные местоимения <i>бу</i> 'этот', <i>булар</i> 'эти'. <i>Ол</i> употребляется также в качестве личного местоимения	

Орхонские формы	Уйгурские формы
Глагол	
Слитное деепричастие: основа глагола + -у/-ү (<i>кылу</i> 'делая', <i>йиту</i> 'погибая'). Другая форма этого деепричастия встречается у ограниченного числа глаголов: -а/-е. Встречаются варианты -ы/-и	Основа глагола + -а/э, -у/-ү, -йу/-йү. Форма на -ы/-и для древнеуйгурской не характерна. Наречия: <i>тақы</i> 'повторять', <i>ула-ты</i> 'вместе', <i>тукэти</i> 'совершенно'
Причастия	
В ранних уйгурских памятниках в системе глагольного имени много общего с орхонскими. Однако грамматические особенности некоторых глагольных имен составляют специфику древнеуйгурского языка. В древнеуйгурских памятниках очень заметно убывает синтаксическая функция глагольных имен на -дук в противоположность орхоно-енисейским памятникам и возрастает синтаксическая функция глагольных имен на -мыш [Насилов, 1963]	
-дук, -тук — три грамматических значения: 1) выражение атрибутивных признаков определяемого слова; 2) образование подчиненных развитых членов предложения с помощью аффиксов падежей, принадлежности и послелогов; субстантивированный компонент является как бы потенциальным сказуемым; 3) сказуемое придаточного и главного предложения (= значения личных глагольных аффиксов). В памятниках представлена лишь безаффиксальная форма 3-го лица (<i>Итуну йаратуну умадук йана ичикмиш</i> (КТБ)). Прошедшее результативное [Насилов, 1960]	-дук выступает чаще всего в различных падежных формах и образует предикативные компоненты развитых членов предложения. Встречается и в определительной роли. С послелогом выражает обстоятельственные категории. Редко отмечается в предикативной позиции
-мыш в языке орхонских памятников выражает главным образом значение адъектива и является причастной формой в определительных словосочетаниях	-мыш получает широкое распространение и вытесняет форму на -дук в ходе развития литературного языка и разговорной практики
Крайне редко используется в значении субстантива. В предикативной позиции употребляется часто. Прошедшее историческое повествовательное	—

Орхонские формы	Уйгурские формы
-тачи/-тэчи/-дачи является выразителем настояще-будущего времени. В орхонских памятниках встречается главным образом в предикативной позиции, в енисейских есть случаи полной субстантивации. Будущее категорическое с модальным значением возможности совершения действия	-тачи/-тэчи/-дачи употребляется ограниченно. По семантике ближе всего к субстантивному понятию, выражающему потенцию проявления, присущего действующему лицу. Точнее назвать его потенциальным <i>poten agentis</i> (см. <i>мыш</i> и <i>дук</i>)
—	-йук встречается в памятниках буддийского и манихейского содержания. Выступает в субстантивном и адъективном значениях и выполняет функцию <i>verbum finitum</i> в предикативной позиции. Между этой формой и формой на -дук много общего [Насилов, 1963]
-зма/-зме (в определительных сочетаниях) <i>il (buri)gme tenri</i> (КТБ))	-зма
—	<i>злы, злы</i> семантически близко к имени на <i>зма</i> с его адъективной направленностью
-s ⁰ q	<i>yu (yuluq)</i> широко распространен в древних памятниках, в чагатайском, сохраняется в современном уйгурском. Имеет субстантивное значение и может принимать адъективное. В предикативной позиции выражает долженствование и потенциальную возможность (<i>өзгү кутрулгу йол</i> 'путь, ведущий к спасению'). Очень распространена производная форма на -зулук, которая выражает долженствовательную и потенциальную возможность. («Мунтада адын тақы өңи аш ичку йок ким бу алаңурмыш ач барсыз тиргүргүлүк» — <i>тип тиди</i> 'Эту ослабевшую голодную тигрицу, чтобы можно было оживить (<i>тиргүргүлүк</i>), никакой еще другой, кроме этой, пищи и питья нет» — сказал' [Насилов, 1963])

На уровне различия форм можно говорить о форме на *-дук*, которая в уйгурских текстах обладает более ограниченными функциями, как уже говорилось выше, и формах *-гу*, *-гулуг*, которые свойственны именно уйгурским текстам. В других случаях, как с формой на *-мыш*, можно говорить о большей или меньшей частотности употребления форм, о большей или меньшей широте их функций.

Якутский язык унаследовал собственно уйгурскую форму на *-гу*, которая стала ядерной в поле будущего времени. Древнетюркский слой оставил следы в языках Южной Сибири, преимущественно в тувинском и тофском, в виде форм *-мыш* (деепричастие *-быша-ан*) и *-дук* (*эртик*). Наличие таких «орхонских» форм на территории Тувы тем более интересно, что присутствие здесь древних тюрков подтверждается историческими исследованиями. Д.Г. Савинов [1978] считает, что древние насельники Тувы — чики — относились к древним тюркам.

Древнетюркский слой на территории Южной Сибири перекрывается каким-то мощным уйгурским влиянием. Этот уйгурский язык, который воздействовал на южно-сибирских тюрков, но влияния которого уже избежали якуты, принес в тувинский и хакасский языки особую форму принадлежности 2-го л. мн. ч. *-ңлар*, которая не отмечена в якутском, и вытеснил форму на *-дук* формой на *-жук*. Вероятно, под влиянием этого языка в тувинском сформировалась падежная система уйгуро-кыпчакского типа. Этот тип выделен в работе Г.Ф. Благовой [1982, с. 43—56] как один из четырех основных типов падежных парадигм в тюркских языках. Якутская падежная система не вписалась ни в один из этих четырех признаков, проявляя, вопреки мнению В.В. Радлова, черты не новейшей, а древнейшей падежной системы. Вероятно, с этим же уйгурским влиянием связаны такие фонетические закономерности, свойственные тувинскому и хакасскому языкам, как выпадение плавных *л* и *р*. Это явление очень характерно для современных диалектов уйгурского языка.

Таким образом, точка зрения Е.И. Убрятовой, согласно которой якутский язык формировался под влиянием древнетюркского языка орхонского типа, находит подтверждение.

Как можно определить тот первый уйгурский слой, который отразился и на якутском, и на южно-сибирских языках? Здесь снова встает вопрос о различиях между языком разных рунических памятников, в том числе и относящихся по политическим и этническим характеристикам к орхонским тюркам. Различия между языком памятника Бильге Кагану и Кюль-Тегину неоднократно подчеркивались Е.И. Убрятовой, С.Е. Маловым и другими исследователями. К очень интересному заключению пришел В.Г. Кондратьев: некоторые рунические тексты, принадлежащие древним тюркам, находят соответствия в языке уйгурских рунических памятников. По особенностям фонетики и грамматики памятник Тоньюкуку сближается с языком памятника Моюн-Чуру. В.Г. Кондратьев [1970, с. 65] выделяет две группы памятников — два диалекта единого древнеуйгурского языка: собственно тюркский (Кошо-Цайдамские памятники) и уйгурский (Тоньюкуку, Онгинский и памятник Кули-Чуру).

Вероятно, языковая дифференциация в III—VIII вв. имела иной характер, нежели в IX—XI вв. — время, когда были записаны большие уйгуроязычные тексты. Так что можно предположить, что тот древний тюркский язык, который лег в основу якутского, включал черты, ставшие позднее признаками разных тюркских языков. Этот язык был распространен и на территории Южной Сибири. Затем он был вытеснен уже новой волной древнего тюркского языка собственно уйгурского типа, под влиянием которого сформировались указанные выше фонетические особенности и который внес в тувинский язык уйгурские формы, не представленные в якутском.

Следующий тюркский языковой тип, перестроивший языковую систему южно-сибирских тюркских языков и оказавший влияние на якутский язык, — это язык древних кыргызов. Именно с ним связано

становление языков кыпчакского типа в Южной Сибири. В якутском языке он представлен формой на *-а илик*. В Южной Сибири можно выделить еще один кыпчакский слой. Его влияние прослеживается в алтайском, шорском, чулымском и хакасском языках, не затрагивая ни язык саянских тюрков, ни якутский. Это волна, связанная с формированием вторичных глагольных форм (финитных и причастных) на базе аспектуально-временных конструкций со вспомогательным глаголом *-чат/-чит*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

абак.	абаканский
аз.	азербайджанский
алт.	алтайский
алт. (сев.)	северные диалекты алтайского языка
алт. (южн.)	южные диалекты алтайского языка
балк.	балкарский
бараб.	барабинский
бачат. тел.	язык бачатских телеутов
башк.	башкирский
бур.	бурятский
вин. пад.	винительный падеж
гагауз.	гагаузский
гутар.	гутаринский говор тофского языка
дат. пад.	дательный падеж
диал.	диалект
долг.	долганский
др.-т.	древнетюркский
др.-уйг.	древнеуйгурский
др.-як.	древнеякутский
ж. уйг.	язык желтых уйгуров
каз.	казахский
калм.	калмыцкий
кам.	камасинский
кар.	карагасский
карач.-балк.	карачаево-балкарский
качин.	качинский диалект хакасского языка
к.-калп.	каракалпакский

к.-кирг.	каракиргизский
кирг.	киргизский
койб.	койбальский
конд.	кондомский диалект шорского языка
кор.	корейский
крым.-тат.	крымско-татарский
кум.	кумандинский
кумык.	кумыкский
кыз.	кызыльский диалект
кырач.	кырачский диалект туркменского языка
лит.	литературное
манс.	мансийский
маньчж.	маньчжурский
мат.	маторский
мест.-исх. пад.	местно-исходный падеж
монг.	монгольский
монг. письм.	монгольский письменный
монг. старописьм.	монгольский старописьменный
монгор.	монгорский
мрас.	мрасский диалект шорского языка
нан.	нанайский
напр. пад.	направительный падеж
нган.	нганасанский
нег.	негидальский
нен.	ненецкий
новоуйг.	новоуйгурский
ног.	ногайский
нохур.	нохурский диалект туркменского языка
нукрат.	нукратовский говор среднего диалекта татарского языка
общетюрк.	общетюркский
огуз.	огузский
ойр.	ойратский
орд.	ордосский
осм.	османский
п.-ог.	протоогузский
протобулг.	протобулгарский

прототюрк.	прототюркский
ПС	прасамодийский
ПТ	пратюркский
ПУ	протоуральские
род. пад.	родительный падеж
рус.	русский
саам.	саамский
саг.	сагайский диалект хакасского языка
салар.	саларский
самод.	самодийский
сарыг-юг.	сарыг-югурский
саян.-т.	саяно-тюркские
СГД	способ глагольного действия
сельк.	селькупский
сиб. тат.	язык сибирских татар
сиб.-тюрк.	сибирско-тюркские языки
совм. пад.	совместный падеж
сол.	солонский
ср.-монг.	среднемонгольский
ср.-тюрк.	среднетюркский
ср.-уйг.	среднеуйгурский
ст.-венг.	старовенгерский
тайг.	тайгийский
тат.	татарский
теленгит.	теленгитский диалект алтайского языка
тел.	телеутский диалект алтайского языка
тоб.-ирт.	тоболо-иртышский диалект
тодж.	тоджинский диалект тувинского языка
том.	томско-татарский
тоф.	тофский (тофаларский)
туб.	тубаларский диалект алтайского языка
тув.	тувинский
тув.-карагас.	тувино-карагасский
тунг.-маньчж.	тунгусо-маньчжурский
тунг.	тунгусский
тур.	турецкий

туркм.	туркменский
тюрк.	тюркский
удэг.	удэгейский
узб.	узбекский
уйг.	уйгурский
ульч.	ульчский
урал.	уральские языки
хак.	хакасский
халадж.	халаджский
халх.	халхасский
хам.	хамийский диалект уйгурского языка
хант.	хантыйский
хасар.	хасарский диалект туркменского языка
хотан.	хотанский диалект уйгурского языка
чаг.	чагатайский
чалкан.	чалканский
чув.	чувашский
чул.	чулымский
чул. (н)	нижнечулымский диалект
чул. (ср.)	среднечулымский диалект
чул.-тюрк.	чулымско-тюркский
шор.	шорский
эвенк.	эвенкийский
эвенк. алд.	алданский диалект эвенкийского языка
эвенк. вост.	эвенкийские восточные говоры
эвен.	эвенский
эн.	энецкий
южно-хант.	южно-хантыйский диалект
як.	якутский
АО	Acta Orientalia Hungarica
АТ	«Алтан-тобчи» (по [Орловская, 1984])
БК	Памятник Бильге Кагану (по [Малов, 1951])
ДАТЯ	Диалектологический атлас тюркских языков (рукопись)

КТ	Памятник Кюль-Тегину (по [Малов, 1951])
КТБ	Большая надпись памятника Кюль-Тегину
КТМ	Малая надпись памятника Кюль-Тегину
СС	Codex Cumanicus
Т	Памятник Тоньюкуку (по [Малов, 1951])
QB	«Кутадгу билиг»
PHTF	Philologiae Turcica Fundamenta. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1959
QBN	«Кутадгу билиг» (наманганская версия)
QBQ	«Кутадгу билиг» (каирская версия)
RB _y	«История пророков», составленная Рабгузи, XIV в.
Suv	Suvarnaprahāsa. Сутра «Золотого блеска». (Текст уйгурской редакции, изд. В.В. Радлова и С.Е. Малова, 1913—1917)
Chuast.	Chuastuanift (Покаянная молитва манихейцев)
Qaš	Besim Atalay. Divanü lûgat-it-Türk. Tercümesi. — Ankara, 1939—1943

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авазбаев Н. Фонотактическая структура односложных слов во флективных и агглютинативных языках: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 1992.

Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — Т. 1.

Андреева Т.Е. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка. — Новосибирск: Наука, 1988. — 141 с.

Антонов Н.К. О якутских именных основах с долгими гласными и дифтонгами // Тр. НИИЯЛИ. — Якутск, 1961. — Вып. 3 (8).

Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. — Якутск: Кн. изд-во, 1971. — 174 с.

Антонов Н.К. Исследования по исторической лексике якутского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ин-т языкознания АН КазССР. — Якутск, 1973а. — 56 с.

Антонов Н.К. О соответствиях начальных й//с в якутских и тюркских именных основах // Тр. ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. — Якутск: Кн. изд-во, 1973б. — Вып. 4 (9). — С. 41—48.

Афанасьев П.С. Говор верхоянских якутов. — Якутск: Кн. изд-во, 1965. — 176 с.

Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. — М., 1931.

Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. — М.: Наука, 1978. — 247 с.

Бабушкин Г.Ф., Донидзе Г.И. Шорский язык // Языки народов СССР. — М.: Наука, 1966. — Т. 2: Тюркские языки. — С. 467—481.

Барашков П.П. Звуковой строй якутского языка. — Якутск: Кн. изд-во, 1953. — 98 с.

Барашков П.П. Фонетические особенности говоров якутского языка: Сравнительно-исторический очерк. — Якутск: Кн. изд-во, 1985. — 182 с.

Баскаков Н.А. Диалект черневых татар (туба-кижи). Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Грамматический очерк и словарь. — М.: Наука, 1966. — 173 с.

Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. — М.: Высш. шк., 1969. — 383 с.

Баскаков Н.А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект кумандинцев (куманды-кижи): Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. — М.: Наука, 1972. — 280 с.

Батманов И.А. Некоторые особенности языка памятников орхон-енисейской письменности и их отражение в современных тюркских языках // Вопросы диалектологии тюркских языков. — Баку: Изд-во АН АзССР, 1963. — Т. 3. — С. 116—123.

Батманов И.А. Древние тюркские диалекты и их отражение в современных тюркских языках // Материалы тюркской диалектологической конференции. — Фрунзе, 1971.

Батманов И.А., Аргачи З.Б., Бабушкин Г.Ф. Современная и древняя енисейка. — Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1962.

Бельтюкова Н.П. Дистрибуция согласных четвертой артикуляции в долганском языке // Языки народов Сибири. — Кемерово, 1977. — С. 59—61.

Бётлингк О.Н. О языке якутов. — Новосибирск: Наука, 1989. — 644 с.

Бирюкович Р.М. Морфология чулымско-тюркского языка. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1981. — Ч. 2.

Биткеев П.Ц. Согласные фонемы калмыцкого языка. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. — 66 с.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.; Л., 1950.

Благова Г.Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. — М., 1982. — 303 с.

Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. — Казань, 1849.

Боргаяков М.И. Словник Г.Ф. Миллера по тюркским языкам Сибири // Тюркская лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1971. — С. 122—130.

Боргаяков М.И. Словарные материалы по хакасским диалектам XVIII в. // Диалекты хакасского языка. — Абакан, 1973а. — С. 109—135.

Боргаяков М.И. Бельтирский говор сагайского диалекта // Диалекты хакасского языка: Очерки и материалы. — Абакан, 1973б.

Боргаяков М.И. О проблемах формирования и развития хакасского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Алма-Ата, 1978.

Бородина М.А. Развитие лингвогеографических исследований языков Сибири // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. — Томск, 1976.

Бураев И.Д. Становление звукового строя бурятского языка. — Новосибирск: Наука, 1987. — 185 с.

Вайнштейн С.И. Этнический состав древнего населения Саян // Бронзовый и железный век Сибири. — Новосибирск: Наука, 1974. — 189 с.

Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. — М., 1983.

Вейсалов Ф.Е., Исаева Р.М. Акустические характеристики азербайджанских смычно-взрывных согласных // Сов. тюркология. — 1987. — № 5. — 108 с.

Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Введение и фонетика. — Л.: Изд-во Ленингр. Вост. ин-та, 1929. — 436 с.

Вопросник «Диалектологического атласа тюркских языков СССР». — М., 1969.

Воронкин М.С. Северо-западная группа говоров якутского языка. — Якутск: Кн. изд-во, 1984. — 222 с.

Гаджиева Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. — М.: Наука, 1975. — 302 с.

Гаджиева Н.З. К истории анлаута в тюркских языках // Тюркологические исследования. — М.: Наука, 1976. — С. 77–93.

Гаджиева Н.З. Тюркоязычные ареалы Кавказа. — М., 1979. — 263 с.

Грамматика современного якутского литературного языка. — М.: Наука, 1982. — 495 с.

Грамматика хакасского языка / Под ред. Н.А. Баскакова. — М.: Наука, 1975. — 418 с.

Григорьев Н.С. Грамматика якутского языка. — М., 1938. — На як. яз.

Демьяненко З.П. Долганский билир в ряду однокоренных слов // Лексика и морфология тюркских языков. — Новосибирск, 1982. — С. 59–68.

Дмитриев Н.К. Соответствия *p//d//m//z//j//y* // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — Вып. 1: Фонетика.

Дмитриева Л.В. Язык барабинских татар. — Л.: Наука, 1966. — 225 с.

Долгих Б.О. Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник. — М., 1963. — Т. 5.

Древнетюркский словарь. — Л.: Наука, 1969. — 676 с.

Дульзон А.П. О методологии историко-сопоставительного изучения неродственных языков // Вопросы языкознания и диалектологии. — Томск, 1966а. — Вып. 1. — 79 с.

Дульзон А.П. Чулымско-тюркский язык // Языки народов СССР. — М., 1966б. — Т. 2. — С. 446–467.

Дульзон А.П. Установление архетипа фонемы по межъязыковым рядам альтернции // Сов. тюркология. — 1973. — № 5. — С. 93–104.

Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940а. — 302 с.

Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. — М., 1940б. — 448 с.

Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — 304 с.

Дыренкова Н.П. Грамматика хакасского языка. — Абакан, 1948.

Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. — Якутск: Кн. изд-во, 1971. — Ч. 1: Вокализм. — 192 с.

Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. — Якутск: Кн. изд-во, 1977. — Ч. 2: Консонантизм. — 251 с.

Ефремов Н.Н. Полипредикативные конструкции в якутском языке. — Новосибирск, 1998.

Жукова А.И. Грамматика корякского языка. — Л., 1972. — 322 с.

Иванов С.А. Аканье и оканье в говорах якутского языка. — Якутск: Кн. изд-во, 1980. — 183 с.

Иванов С.А. Центральная группа говоров якутского языка: Фонетика. — Новосибирск: Наука, 1993. — 349 с.

Иллич-Свитыч В.М. Алтайские дентальные: *t, d, ð* // Вопр. языкознания. — 1963. — № 6.

Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. — М.: Наука, 1971. — 370 с.

Историческое развитие лексики тюркских языков. — М., 1961.

Исхаков Ф.Г. Наблюдения по лексике в области прилагательных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. — М., 1962. — 219 с.

Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. — М.: Изд-во вост. лит., 1961. — 472 с.

Кабешавидзе И.Н. К характеристике графики и фонемного состава языка орхон-енисейских надписей // Сов. тюркология. — 1972. — № 2.

Калужинский Ст. Монгольско-якутские языковые контакты. Олон улсын монгол хал бичгийн эрдэмтний анхадугаар их хурал 1-р дэвтэр. — Улан-Батор, 1961а. — С. 128–129.

Калужинский Ст. Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке // Тр. ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. — Якутск, 1961б. — Вып. 3 (8). — С. 5–21.

Калужинский Ст. Этимологические исследования по якутскому языку. Двусложные основы (IV) // Rocznik orientalistyczny. — 1979. — Т. 41. — Z. 1.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. — М.: Наука, 1964. — 215 с.

Кондратьев В.Г. Очерк грамматики древнетюркского языка. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1970.

Кондратьев В.Г. Об отношении языка памятников орхон-енисейской письменности к языку древнеуйгурских памятников // Сов. тюркология. — 1973. — № 3. — С. 26.

Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). — Л.: Наука, 1980. — 255 с.

Константинова О.А. Эвенкийский язык. — М.; Л.: Наука, 1964. — 272 с.

Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. — М.: Наука, 1970. — 308 с.

Коркина Е.И. Деепричастия в якутском языке. — Новосибирск: Наука, 1985. — 204 с.

Коркина Е.И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. — Новосибирск: Наука, 1992. — 267 с.

Кормушин И.В. Системы времен глагола в алтайских языках. — М.: Наука, 1984. — 85 с.

Кормушин И.В. Язык орхоно-енисейских надписей // Тюркские языки. Языки мира. — Бишкек, 1997.

Котвич В.Л. Исследования по алтайским языкам. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 372 с.

Крейнович Е.А. Юкагирский язык // Языки народов СССР. — Л., 1968. — Т. 5.

Ксенофонтов Г.В. Расшифровка двух памятников орхонской письменности из Западного Прибайкалья М. Рязаненом // Язык и мышление. — Л., 1933. — Т. 1. — С. 170—173.

Кулаковский А.Е. Научные труды. — Якутск, 1979. — 483 с.

Курпешко Н.Н. Аналитическая форма *-н чат* в шорском языке // Глагол в языке и речи. — Кемерово: Кемер. ун-т, 1986. — С. 44—50.

Курпешко Н.Н., Широбокова Н.Н. Бивербальные конструкции с глаголами бытия *-н чат*-, *-н одур*-, *-н тур*-, *-н чор*- в шорском языке: Учеб. пособие. — Кемерово, 1991. — 74 с.

Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М.; Л., 1961.

Левитская Л.С. Историческая фонетика чувашского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1966. — 28 с.

Левитская Л.С. Названия частей тела в якутском языке // Сибирский тюркологический сборник. — Новосибирск, 1976. — С. 138—149.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. — М.; Л., 1951.

Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. — М.; Л., 1952а.

Малов С.Е. Древние и новые тюркские языки // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1952б. — Вып. 2. — С. 137—142.

Малов С.Е. Лобнорский язык. — Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1956. — 195 с.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.; Л., 1959. — 111 с.

Мамедов А.М. Позиционные и комбинаторные изменения смычных согласных в тюркских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Баку, 1979.

Мандрова Н.А. Консонантизм в языке чалканцев: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1982. — 23 с.

Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960.

Махмуд Кошгарий. Девону луготит турк. — Тошкент: Фан, 1960. — Т. 1. — 499 с.

Межекова Н.Н. Описание шорского диалекта хакасского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. — 29 с.

Межекова Н.Н. Шорский диалект // Диалекты хакасского языка: Очерки и материалы. — Абакан, 1973. — С. 49—66.

Меркурьев К.В. Бачатско-телеутский консонантизм: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 1975.

Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1979.

Монгуш Д.А. О временных формах в тувинском языке // Учен. зап. ТувНИИЯЛИ. — Кызыл, 1959. — Вып. 7. — С. 85—92.

Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. — М., 1975.

Муталибов С.М. «Дивану лугат-ит турк» Махмуда Кашгарского: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Ташкент, 1967. — 38 с.

Наделяев В.М. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка // Вестн. Ленингр. ун-та. — 1957. — № 8. — С. 129—130.

Наделяев В.М. Чтение орхоно-енисейского знака *** и этимология имени Тонькука // Тюркологические исследования. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 197—213.

Наделяев В.М. Графика и орфография долганского языка // Экспериментальная фонетика сибирских языков. — Новосибирск, 1982. — С. 3—51.

Наделяев В.М. У истоков тувинского языка // Исследования по тувинской филологии. — Кызыл, 1986. — С. 53—63.

Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников. — М.: Изд-во вост. лит., 1960. — 87 с.

Насилов В.М. Древнеуйгурский язык. — М.: Изд-во вост. лит., 1963. — 122 с.

Насилов В.М. О способах выражения видовых значений в алтайских языках // Проблемы общности алтайских языков. — М.: Наука, 1971. — С. 366—376.

Насилов В.М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв. — М.: Наука, 1974. — 101 с.

Насилов В.М. Заметка о форме *-қ алак* в шорском языке // Чтения памяти Э.Ф. Чиспиякова (II). — Новокузнецк, 2000. — С. 56—61.

Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — Ч. 1. — 263 с.

Новикова К.А. Очерк диалектов эвенского языка. — Л.: Наука, 1980. — 242 с.

Окладников А.П. История Якутии. — Якутск, 1949. — Т. 1. — 437 с.

Окладников А.П., Барашков И.И. Древняя письменность якутов. — Якутск, 1942.

Орловская М.Н. Язык «Алтан-тобчи». — М.: Наука, 1984. — 234 с.

Орузбаева Б.О. Формы прошедшего времени в киргизском языке. — Фрунзе, 1955.

Патачакова Д.Ф. Примечания к «Словарю языка, употребляемого кызыльцами и сагайцами» Г.И. Спасского // Диалекты хакасского языка. — Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1973а. — 159 с.

Патачакова Д.Ф. Сагайский диалект // Диалекты хакасского языка: Очерки и материалы. — Абакан, 1973б. — С. 28—46.

Патачакова Д.Ф. Формы настоящего времени кызыльского диалекта хакасского языка // Учен. зап. КазНИИЯЛИ. — Абакан, 1976. — С. 123—135.

Патачакова Д.Ф. Формы повелительно-желательного наклонения в диалектах хакасского языка // Вопросы хакасской филологии. — Абакан, 1977.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. — СПб., Пг., Л., 1907—1930 гг. — Вып. 1—13.

Петров Н.Е. Частицы в якутском языке. — Якутск, 1978.

Плоткин В.Я. Эволюция фонологических систем. — М.: Наука, 1982. — 127 с.

Попов Г.В. Слова «неизвестного происхождения» якутского языка. Сравнительно-историческое исследование. — Якутск, 1986. — 148 с.

Пюрбеев Г.Ц. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания. — М., 1993.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. — СПб., 1893—1911. — Т. 1—4.

Рамstedт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. — М.: Изд-во иностр. лит., 1957. — 254 с.

Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. — 252 с.

Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. — М.: Наука, 1978. — 287 с.

Рассадин В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. — М.: Наука, 1980. — 114 с.

Рассадин В.И. Проблемы общности в тюркских языках саяно-алтайского региона // Тюркологический сборник — 1977. — М.: Наука, 1981. — С. 219—231.

Романова А.В., Мыреева А.Н., Барашков П.П. Взаимовлияние эвенкийского и русского языков. — Л.: Наука, 1975. — 212 с.

Рона-Таш А. Общее наследие или заимствование? // Вопр. языкознания. — 1974. — № 2. — С. 31—45.

Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. — 276 с.

Русско-хакасский словарь / Под ред. Д.И. Чанкова. — М., 1961.

Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. — М.: Изд-во вост. лит., 1955. — 222 с.

Савинов Д.Г. Этнокультурные связи енисейских кыргызов и кимаков // Тюркологический сборник. — 1975. — М.: Наука, 1978. — С. 209—225.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. — 174 с.

Самойлович А.Н. Некоторые дополнения к классификации турецких языков / Народный Комиссариат по делам национальностей; Ин-т живых вост. языков, 4. — Пг., 1922. — С. 8—15.

Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — Т. 1. — 240 с.

Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. — М.: Наука, 1964.

Сат Ш.Ч. Тувинско-русский словарь. — М., 1955.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. — М.: Наука, 1974—1989. — Т. 1—4.

Сегленмей С.Ф. Инвентарь согласных фонем современного тувинского языка // Исследования звуковых систем сибирских языков. — Новосибирск: Наука, 1979. — С. 87—99.

Селютин И.Я. Инвентарь согласных фонем языка кумандинцев // Сибирский фонетический сборник. — Улан-Удэ, 1976. — С. 60—86.

Селютин И.Я. Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетическое исследование. — Новосибирск: Наука, 1983. — 179 с.

Серебренников Б.А. Выступление на конференции «Вопросы методов изучения истории тюркских языков». — Ашхабад, 1961.

Скрибник Е.К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. — Новосибирск, 1988.

Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке. — Якутск, 1964. — 195 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. — М.: Наука, 1984. — 558 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. — М.: Наука, 1988. — 423 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. — М.: Наука, 1997. — 799 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. — М.: Наука, 2002. — 767 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. В.И. Цинциус. — В 2 т. — Т. 1. — Л.: Наука, 1975; Т. 2. — Л.: Наука, 1977.

Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. — М.: Наука, 1991. — 297 с.

Тадыкин В.Н. Причастия в алтайском языке. — Горно-Алтайск, 1971.

Тарасенко Р.Ф. Категория принадлежности в тюркских языках // Исследования по восточной филологии. — М.: Наука, 1974. — С. 238—240.

Тенишев Э.Р. Грамматический очерк древнеуйгурского языка по сочинению «Золотой блеск»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1953.

Тенишев Э.Р. Саларский язык. — М.: Изд-во вост. лит., 1963. — 55 с.

Тенишев Э.Р. Смычные согласные в языке тюркских рунических памятников // Сов. тюркология. — 1973. — № 2. — С. 40—45.

Тенишев Э.Р. О наддиалектном характере тюркских рунических памятников // Тюркологический сборник. — Л.: Наука, 1976а. — С. 164—172.

Тенишев Э.Р. Строй саларского языка. — М.: Наука, 1976б. — 575 с.

Тенишев Э.Р. Строй сарыг-югурского языка. — М.: Наука, 1976в. — 307 с.

Тенишев Э.Р. У тюркских народов Китая // Наследие. — 1995.

Тенишев Э.Р. Языки мира. Тюркские языки. — Бишкек, 1997.

Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х. Язык желтых уйгуров. — М.: Наука, 1966. — 84 с.

Тувинско-русский словарь / Под ред. Э.Р. Тенишева. — М., 1968.

Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. — 293 с.

Тумашева Д.Г. Татарский глагол. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. — 189 с.

Убрятова Е.И. Очерк истории изучения якутского языка. — Якутск: Гос. изд-во ЯАССР, 1945. — 36 с.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. — М.; Л., 1960а. — Ч. 1: Простое предложение.

Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1960б. — 151 с.

Убрятова Е.И. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. — М.: Изд-во вост. лит., 1960в. — 13 с.

Убрятова Е.И. О языке долган // Языки и фольклор народов Севера. — М.; Л.: Наука, 1966. — С. 41—69.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. — Новосибирск: Наука, 1976. — Ч. 2: Сложное предложение. — Кн. 1. — 214 с.; Кн. 2. — 164 с.

Убрятова Е.И. Историческая грамматика якутского языка. — Якутск, 1985а. — 60 с.

Убрятова Е.И. Язык норильских долган. — Новосибирск: Наука, 1985б. — 216 с.

Уртегешев Н.С. Шумный консонантизм шорского языка: (На материале мрасского диалекта). — Новосибирск, 2002.

Фазылов Э.И., Зияева М.Т. Изысканный дар тюркскому языку. — Ташкент, 1978.

Филиппов Г.Г. Причастие будущего времени на *-ых* и форма на *-ья* в якутском языке. — Якутск, 1996.

Филиппов Г.Г. Причастия якутского языка: Комплексное типологическое функционально-семантическое исследование: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Якутск, 1999. — 52 с.

Фисакова Г.Г. Формы выражения прошедшего и будущего времен изъявительного наклонения в языке бачатских телеутов // Языки бачатских телеутов. — Кемерово: Кемер. ун-т, 1976. — С. 111—121.

Фисакова Г.Г. Образование некоторых форм изъявительного наклонения в языке бачатских телеутов // Тюркские языки Сибири. — Новосибирск: ИИФиФ, 1983. — С. 90—98.

Хабичев М.А. Местоимение в карачаево-балкарском языке. — Черкесск, 1961.

Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. — Якутск, 1947. — Ч. 1: Фонетика и морфология. — 312 с.

Харитонов Л.Н. Типы глагольной основы в якутском языке. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. — 312 с.

Харитонов Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 179 с.

Харитонов Л.Н. Залоговые формы глагола в якутском языке. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — 124 с.

Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. — М., 1982.

Хитров Д. Краткая грамматика якутского языка. — М.: Синодальная типография, 1858. — 137 с.

Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. — Л.: Учпедгиз, 1949. — 342 с.

Цинциус В.И., Бугаева Т.Г. К этимологии названий металлов и их сплавов в алтайских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. — Л., 1979. — С. 19—20.

Чадамба З.Б. Тоджинский диалект тувинского языка. — Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1974. — 136 с.

Чанков Д.И. Согласные хакасского языка. — Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. — 107 с.

Чисняков Э.Ф. О диалектном членении шорского языка // История и диалектология языков Сибири. — Новосибирск, 1979. — С. 85—91.

Чиснякова Ф.Г. О некоторых грамматических особенностях кондомского диалекта шорского языка // История и диалектология языков Сибири. — Новосибирск, 1979. — С. 92—95.

Чумакаева М.Ч. Согласные алтайского языка. — Горно-Алтайск: Алтайск. кн. изд-во, 1978. — 243 с.

Шамина Л.А., Черемисина М.И. Причастия на *-галак* (*-калак*) в тувинском языке // Грамматические исследования по языкам Сибири. — Новосибирск: Наука, 1982. — С. 57—69.

Шервашидзе И.Н. Формы глагола в языке тюркских рунических надписей. — Тбилиси, 1986. — 107 с.

Широбокова Н.Н. Переднеязычный проточный *с-* // Исследования по фонетике сибирских языков. — Новосибирск, 1977а.

Широбокова Н.Н. Этимологически однокоренные слова в якутском языке // Вопросы лексикологии. — Новосибирск, 1977.

Широбокова Н.Н. Материалы сибирской зоны ДАТЯ (лексика) // Языки и народы Сибири. — Кемерово, 1978. — С. 52—53.

Широбокова Н.Н. О якутско-монгольских контактах // Народы и языки Сибири. — Новосибирск, 1980. — С. 144.

Широбокова Н.Н. Изменение сибилантов в якутском языке // Теоретические аспекты лингвистических исследований. — Новосибирск, 1984. — С. 142—148.

Шукуров Ш. Наклонения и времена глагола в письменных памятниках узбекского языка в сравнительном освещении: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Ташкент, 1974.

Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — 204 с.

Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. — Л.: Наука, 1970. — 204 с.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя. — Л.: Наука, 1977. — 190 с.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. — Л.: Наука, 1981. — 183 с.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. — Л., 1987. — 190 с.

Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. — Л., 1994.

Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. — М., 1986.

Юнусалиев Б.М. О формировании общенародного киргизского языка // Вопр. языкознания. — 1955. — № 2.

Юсупов Ф.Ю. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. — 320 с.

Ястремский С.В. Грамматика якутского языка // Тр. якут. экспедиции. — Иркутск: Изд-во кн. магазина Макушина, 1900. — Отд. II, т. III, ч. 2, вып. 2. — 307 с.

Bang W., Gabain A. Türkische Turfantexte. I. Bruchstücke eines Wahrsagebuchs. — SPAW, 1929. — Bd XV. — S. 241—268.

Bazen L. Structure et tendances communes des langues turgues (Sprachbau) // Philologiae Turcica Fundamenta. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1959. — S. 11—21.

Benzing J. Das Tschuwaschische // Philologiae Turcica Fundamenta. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1959. — S. 695—751.

Böhtlingk O.N. Über die Sprache der Jakuten. Grammatik // Middendorf A. Sibirische Reise. — SPb., 1851. — Bd III, T. I. — 484 S.

Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. — Leiden: E.J. Brill, 1954. — 429 S.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. — Oxford: Clarendon Press, 1972. — XLVIII + 989 p.

Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz. — Bd 1. — 1963. — 560 S.; Bd 2. — 1965. — 671 S.; Bd 3. — 1967. — 670 S.; Bd 4. — 1972. — 650 S.

Doerfer G. Khalaj Materials. — Bloomington: Indiana university publications, 1971. — 331 p.

Erdal M. Old Turkic Word Formation I—II // Turcologica 7. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1991.

Erdal M. Old Turkic // The Turkic Languages. — London; New-York, 1998.

Gabain A. Altürkische Grammatik. — Leipzig, 1950. — 373 S.

Grönbech K. Kommanisches Wörterbuch. — Köbenhavn: Einar Muntsgaard, 1942. — 314 S.

Houtsma H. Ein türkisch-arabisches Glossar. — Leiden, 1894.

Janhunen J. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etimologien. — Helsinki, 1977.

Johanson L. Altürkisch als dissimilierende Sprache. — Mainz, 1979.

Johanson L. The history of Turkic // The Turkic Languages. — London; New York, 1998. — P. 81—124.

Kalużyński St. Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache. — Warszawa: Panstwowe wydawnictwo, 1961. — 170 S.

Kowalski T. Osmanisch-türkische Dialecte. — EI, IV, 1931.

Poppe N. Das Jakutische // Philologiae Turcica Fundamenta. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1959. — S. 671—684.

Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1960. — T. I: Vergleichende Lautlehre. — 188 S.

Poppe N. Jakutische Etymologien // Ural-Alt. Jahrbucher. — 1961. — Bd 33, H. 1—2. — S. 135—141.

Pritsak O. Bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. — Wiesbaden, 1955.

Pritsak O. Das Altaitürkische // Philologiae Turcicae Fundamenta. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1959. — T. I.

Pritsak O. Das Altürkische // Ural-Alt. Jahrbucher. — 1961. — Bd 33, H. 1—2. — S. 142—145.

Pritsak O. Das Altürkische // Altaistik. Turkologie. Handbuch der Orientalistik. — Leiden; Köln, 1965.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs des Türkischen. — Helsinki, 1969.

Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse Süden Türkischen Sprachen. — SPb.: Kaiserliche Akademie Wissenschaft, 1908. — Abteilung histor.-filol. — T. 8, N 7. — 86 S.

Radloff W. Altürkische Studien. — SPb., 1909—1912. — T. 1—4.

Redei K. Uralische Etymologische Wörterbuch. — Budapest, 1986—1991.

Roos M. Preaspiration in Western Yugur monosyllables // Turcologica 32. The Mainz meeting. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1998. — P. 28—42.

Schönig C. (Un-)Möglichkeitesformen in den sogenannten Altaischen Sprachen // *Mturc.* — 1987 (1989). — 13. — S. 1—28.

Schönig C. Diachronic and areal approach to the Turcic imperative paradigm // *Utrecht Papers on Central Asia* / Ed. by N. Van Damme and H. Boeschoten. Utrecht Turkological Series. — Utrecht, 1987. — N 2. — P. 205—222.

Schönig C. Materialien zur Stellung des Lenatürkischen unter den Türksprachen // *Mturc.* — 1988 (1990). — 14. — S. 41—57.

Schönig C. Classification problems of Yakut // *L'asie centrale et ses voisins* / Ed. R. Dor. — Paris: INALCO, 1990. — P. 91—102.

Schönig C. Das Lenatürkische und die sprachlichen Merkmale des nordöstlichen türkischen Areales // *Altaica Osloensia. Proceedings of the 32nd meeting of the Permanent International Altaistic Conference, Oslo, June 12—16, 1989.* — Oslo, 1991.

Schönig C. The Internal division of modern turkic and its historical implications // *Acta Orientalia Hungarica.* — 1999. — Vol. 52(1). — P. 63—95.

Schülz. Remarks on initial *d* in kipchak languages // *Acta Orientalia Hungarica.* — Budapest, 1972. — P. 369—381.

Stachowski M. Geschichte des jakutischen vokalizmus. — Krakov, 1993. — 207 S.

Tekin T. Grammar of Orhon Turkic. — The Hague: Mouton, 1968.

Tekin T., Ölmez M. Türk Dilleri. — Istanbul, 2003.

Thomsen V. Dr. A. Steins. Manuscripts in Turkish «Runic» Script from Miran and Tun-huang. — London, 1912.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

Глава 1

ИСТОРИЧЕСКИЕ И АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СИБИРИ 7

Якутский язык в трудах В.В. Радлова 7

Якутский язык в трудах Е.И. Убрятовой 9

История якутского языка в трудах якутских тюркологов 22

Якутский язык в трудах Ст. Калужинского и М. Стаховского 24

Якутский язык в трудах К. Шёнига 26

Сопоставления с якутским языком в трудах В.И. Рассадина и М.И. Боргоякова 29

Проблемы ареального описания тюркских языков Сибири 30

Тюркские языки Сибири в классификациях тюркских языков 37

Тюркские языковые типы в сибирском ареале по историческим данным 51

Якутский язык как точка отсчета при определении фонетических и морфологических изменений в других тюркских языках Сибири 61

Общесибирские изогlossы 62

Морфологические общесибирские изогlossы: -а илик 82

Глава 2

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ СИБИРИ 91

Типы фонологических систем тюркских языков Южной Сибири 91

Формирование оппозиции шумных в локальной группе губных согласных 106

Формирование оппозиции шумных в локальной группе переднеязычных согласных	120
Формирование оппозиции шумных в локальной группе среднеязычных согласных	138
Формирование оппозиции шумных в локальной группе заднеязычных и увулярных согласных	140
Оппозиция шумных в тюркских языках Южной Сибири	150
Фонологическая система языка орхонских памятников	152
Соответствия древнетюркскому анлаутному <i>j</i> -Процесс деаффрикатизации в тюркских языках Сибири	162
Ассимиляция в тюркских языках Сибири	168
Изменение закономерностей сочетаемости звуков	171
Соответствия гласных в тюркских языках Южной Сибири и в якутском	178
	186

Глава 3

ДАННЫЕ МОРФОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СИБИРИ

Древнетюркские формы в сибирском ареале	197
Формы на <i>-duq</i> и <i>-juq</i>	198
Структура временных парадигм как классификационный признак	204
Инновационные процессы в морфологии как классификационный признак	215
Сопоставление систем причастных (атрибутивных) и финитных форм в тюркских языках Сибири	234
Типы стяжения аналитических конструкций в тюркских языках Южной Сибири и в якутском	239

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Научное издание

Широбокова Наталья Николаевна

ОТНОШЕНИЕ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА К ТЮРКСКИМ ЯЗЫКАМ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Редактор Н.С. Дерябина

Художественный редактор Л.В. Матвеева

Художник И.С. Попов

Технический редактор Н.М. Остроумова

Корректоры И.Л. Малышева, Л.А. Анкушева

Оператор электронной верстки С.К. Рыжкович

Изд. лиц. № 020297 от 23.07.97.

Сдано в набор 09.02.05. Подписано в печать 15.06.05.

Бумага ВХИ. Формат 84 × 108^{1/32}. Офсетная печать. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 14,3. Уч.-изд. л. 11,8. Тираж 400 экз. Заказ № 1083.

Сибирская издательская фирма «Наука» РАН.

630099, Новосибирск, ул. Советская, 18.

Типография НГТУ.

630092, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20.